

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издаётся с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2017. № 3(38) Июль-сентябрь

ISSN 2308-0396

Главный редактор
Н. С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН, ПАНИ (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора
В. Г. БАБИН — кандидат исторических наук, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
ФГБОУ «Горно-Алтайский
государственный университет»

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН (г. Горно-Алтайск)

А. Н. АЛЕКСЕЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н. Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А. Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. УланБатор, Респ. Монголия)

А. И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)

В. Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л. И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М. В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Э. П. ДВОРНИКОВ (зам. главного редактора) — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

А. П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О. М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)

В. Я. БУТАНАЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

М. И. ПАКЛИН — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия журнала «Мир Евразии»
Тел.: 8 (38822) 26233
Факс: 8 (38822) 26735
email: mns@gasu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС7736173 от 06.05.2009. «16+»

Электронная версия журнала представлена на сайте Научной электронной библиотеки (индекс научного цитирования):
<http://www.elibrary.ru>

© ФГБОУ «Горно-Алтайский государственный университет», 2008-2017

Содержание

Адлыкова А.П., Мезенцев Р.В. Религиозные воззрения коренных насельников Горного Алтая в XIX – начале XX века	2
Асанбеков Н.К. О понятии «тенирдей» в орхон-енисейских письменных памятниках	6
Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский женский нагрудник «Пого» и культ богини Умай	11
Дацышен В.Г., Модоров Н.С. Посольская миссия Ф.И. Байкова в Китай в 1654-1658 гг. и ее результаты	19
Демидов В.А. От Февраля к Октябрю (Горный Алтай между революциями 1917 года)	35
Зориктуев Б.Р. О монгольском суперэтнсе в XIII в.	40
Колоткин М.Н. Горный Алтай в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года	45
Попков А.В., Захаров П.Я., Нагорных С.А., Пручкина А.К. Из истории создания метода антистрессовой пластической гимнастики	50
Ростов Н.Д. Перерегистрация и переосвидетельствование военнообязанных и призывников в Алтайском крае в 1942 году	60
Токарев А.В. Жилищный кризис и пути его решения в 20-х годах XX века в г. Челябинске	66
Ширшов М.А. IV-й Сибирский корпус в русско – японской войне 1904-1905 гг. (бой у станции Дашичао 10-11 июля 1904 г.)	70
Ивашкин А.С. Слово краткое о бийском второй гильдии купце М.М. Бодунове и его Горно-Алтайской «усадьбе» О черк	79
Кокоулин В.Г. Советская власть и татары Сибири Рецензия на кн.: <i>Колоткин М.Н. Татары Сибири в 1920-1930-е годы. Новосибирск: СГУГиТ, 2016</i>	81
Информация	83

Представленные в журнал статьи публикуются после рецензирования и при оформлении их в соответствии с требованиями редакции.

При перепечатке или цитировании материалов из журнала «Мир Евразии» ссылка обязательна. В статьях сохранен авторский стиль.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы материалов.

Дата подписания в печать 2017. Дата фактического выхода
Цена свободная. Формат 60x84/8. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета.
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

УДК 970

А. П. Адлыкова, Р. В. Мезенцев

Религиозные воззрения коренных насельников Горного Алтая в XIX – начале XX века

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1
Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина, г. Бийск

Аннотация. В статье, на основе разнообразных источников: (статей предшественников, в первую очередь дореволюционных, газетных публикаций, статистических обзоров и сборников, переписей населения, архивных материалов, данных этнографических переписей и опросов и других материалов авторами проанализирована религиозная ситуация и характер религиозных воззрений, присущих коренному населению Горного Алтая на протяжении длительного хронологического периода. Особый акцент, при этом авторами сделан на характере религиозных и межнациональных отношений, присущих аборигенам интересующего авторов региона на исходе XX столетия и в первые десятилетия XXI века.

Ключевые слова: Горный Алтай, нашествия джунгаров, монголов и иных» порабощителей на Алтай, религиозные верования алтайских аборигенов, верховное божество алтайских «инородцев», «духи и боги трех сфер», шаманизм, буддизм, ламаизм, православие, безбожие

Судьбы и история народов мира (всех без исключения) так или иначе, теснейшим образом связаны с религией (или религиями), которые бытуют у них с незапамятных времен. Не стали исключением в этом плане и коренные народы Горного Алтая, обозначаемых учеными, (начиная с начала XIX столетия), общим этнонимом «алтайцы».

Согласно утверждениям исследователей (отечественных и зарубежных), последние с давних пор были шаманистами, т.е. основу их религиозных воззрений издавна составляла вера людей в *духов*, населявших, по их представлениям, все три сферы: небесную, земную и подземную. Независимо от места обитания, алтайцев подразделяли этих духов на две категории: *чистых* и *нечистых*. К числу первых (т.е. *небожителей*) они относили, в первую очередь, духов – *покровителей рода* (таковых имел каждый род). В пантеоне *чистых духов*, обитавших на земле, значились также хозяин горы («*кырдын эзи*»), хозяин огня («*оттын эзи*»), хозяин воды («*суунын эзи*») и др. Кроме этих, общих духов-покровителей, каждый род также имел свою священную гору, реку, лес, а также духов передней двери, переднего угла и др. Твердо верили алтайцы и в существование персонального духа-

хранителя каждого человека, дававшего ему Высоким Небом, вместе с появлением человека на свет (т.е. при рождении).¹

К категории «нечистых духов» алтайцы неизменно относили обитателей подземелья. Главное место среди них традиционно занимал враг человека Эрлик.² Но, два десятилетия назад эта точка зрения подверглась серьезной, причем аргументированной критике. В частности, молодая, талантливая исследовательница В.А. Муйтуева (к сожалению рано ушедшая из жизни), опираясь на веские документальные свидетельства, заявила, что Эрлик вовсе не был злым, как это твердо укоренилось в сознании людей. Более того, писала она, Эрлик, довольно часто «вместо зла, творил добро живущим на земле людям». ³ Подобную трактовку горно-алтайской исследовательницы относительно роли и значения Эрлика в жизни аборигенов Алтая поддержал в свое время, «очень, вдумчивый, по мнению коллег, «сибирский ученый А.М. Сагалаев». ⁴

Посредником между духами и человеком, отмечали, в свое время, отечественные исследователи (дореволюционные и советские) всегда выступали, *шаманы*. У алтайцев они во все времена делились на три категории: а) *больших*; б) *средних*; в) *малых*. Первые считались всемогу-

щами, ибо они могли сноситься с духами всех сфер, вторые – только с земными и подземными силами. И, наконец, третьи могли совершать только лишь обряд очищения над больным.⁵

Шаманом у алтайцев, равно как и у других языческих народов, мог быть далеко не каждый человек, а только лишь тот, «кого изберет Само верховное божество». Дело в том, что шаманский дар, как верили люди, да это и действительно было так на самом передавался по наследству (отец-сын-внук). Каждый шаман, согласно верованиям, имел своего духа-покровителя и духов-помощников. Своими обрядовыми действиями (т.е. «камланием»), шаман неизменно испрашивал у духов материального благополучия людям или здоровья им, а коль этого, не удавалось добиться мирным путем, этого, то он «боролся в процессе «камлания» за просимое со злыми духами», не щадя себя.⁶

Кроме шаманизма, знали алтайцы (особенно южные) и ламаизм (т.е. тибетскую разновидность буддизма). Основным его догматом являлось представление о том, что смысл человеческого существования, т.е. его «бытия» был заключен в безропотном перенесении человеком невзгод и лишений в этой жизни и в надежде на «спасение» человека в будущем. Возникнув и оформившись в Тибете, ламаизм в XVI-XVII вв. попал в Монголии, а оттуда, он «пришел» и на Алтай.⁷

Появление ламаизма у алтайцев, отмечали исследователи, совсем не было случайным явлением. Его появление, по словам специалистов, с одной стороны объясняется соприкосновением культуры алтайцев с буддийским миром.⁸ А с другой, утверждали ученые, это был результат официального принятия ламаизма частью теленгитской знати в период пребывания алтайцев в составе Джунгарии.⁹ О существовании ламаизма на Алтае и ламаизации алтайской знати свидетельствуют и некоторые архивные документы. Так, в текстах обращений зайсанов Горного Алтая к русским властям в 1756 г. (правда в отдельных) есть указания на то, что они, т.е. эти зайсаны, давали клятву верности царю («и пред бурханы», т.е. «клялись зайсаны перед изображением Будды»).¹⁰ Тогда же в «приемных ведомостях, составленных в Семипалатинске, были учтены в числе «новоподданных» и 25 служителей ламаистского культа.¹¹

Первостепенную роль в деле спасения людей, ламаизм отводил, как известно, ламам. Без их помощи, твердили последние, «простому смертному (т.е. рядовому верующему), не доступен ни

рай, ни «нирвана» – (т.е. абсолютный, безмятежный покой) и «ничто другое».¹² Как и шаманы, занимались ламы и лечением людей.¹³

Ламаизму, как явствует из источников, были свойственны пышные богослужения и театрализованные мистерии. Но все это проводилось, главным образом, в «дацанах» (т.е. в ламаистских монастырях). Там же проводились и различные бытовые обряды, магические «обеты», приемы и заклинания, главная цель которых состояла «в смирении гнева богов и козней злых духов против простого человека». Если говорить об Алтае, то обрядовая сторона ламаизма здесь была значительно проще, поскольку в Горном Алтае не было ламаистских монастырей. Дошедшие до нас документы XVII-XVIII вв. упоминают лишь о бытовании здесь нескольких небольших буддийских часовнях, имевшихся, главным образом, районе теленгитских кочевий.¹⁴

Наряду с шаманизмом и ламаизмом, знали алтайцы и христианство. Обращение их в «Христову веру», началось, согласно документам, еще в XVIII в. Однако после упразднения 1789 и 1799 гг. миссионерских должностей, алтайцы, как свидетельствовали исследователи, вновь возвратились к шаманству.¹⁵ Настоящее их возвращение к христианству произошло, согласно источникам, только в 1830 году, когда, усилиям «архимандрита Макария Глухарева на Алтае появилась духовная миссия, развернувшая здесь весьма активную деятельность, которая, к сожалению, до сих пор неоднозначно оценивается отдельными исследователями. В пылу политических и конфессиональных дебатов, недоброжелатели миссии неизменно акцентируют свое внимание только на «насильственную христианизацию» аборигенов, на их «русификацию,» замалчивая при этом о культурно-просветительской деятельности миссионеров («заведение ими» в крае школ, создание миссионерами на основе русской графики алтайской письменности, распространение грамотности ими среди алтайцев, внедрение миссионерами в хозяйствах аборигенов земледелия, овощеводства и огородничества, а в бытовой жизни алтайских «инородцев – санитарно-гигиенических навыков, больниц, детских приютов и др.¹⁶

Причина этого «замалчивания» заключена, главным образом, в передавшемся нам «по наследству» от советского времени отношении людей к религии. Тогда, как известно, любое отклонение от «воинствующего атеизма» предавалось всеобщему общественному осуждению, хотя право граждан «исповедовать любую религию или не

исповедовать никакой» гарантировалось, как известно, Конституцией СССР.

«Перестройка» и последовавшие за ней распад Советского Союза и «парад суверенитетов», и «единение» (в условиях демократии) государства с церковью, кардинально изменили ситуацию: в новой ситуации россияне получили возможность исповедовать «все и вся». Но сошедший на нас всех «дух свободы» не пошел, к сожалению, нам на пользу. В новой ситуации мы, в который уже раз вновь не смогли найти «золотой середины» и в очередной раз «ударилась» в крайности, но теперь уже в противоположные тем, которые господствовали в советское время.

Выше уже упоминалось, что алтайцам с давних пор был присущ поликонфессионализм.¹⁷ Но, при этом они никогда не ставили вопроса о главенстве у них какой-либо религии. Однако, с некоторых пор представители радикально настроенной интеллигенции стали высказывать мысль, что «постоянной» (а следовательно, главенствующей) религией у алтайцев издавна был буддизм.

Не вступая в полемику относительно приоритета той или иной религии в воззрениях алтайцев, скажем лишь пару слов об их взаимоотношениях между собой. До распада СССР такой проблемы в советском обществе никогда не существовало, поскольку в СССР любая религия, как уже упоминалось выше, рассматривалась как «опиум для народа». Лишь на исходе XX века деятельность церкви была легализована и верующие – христиане, иудеи, мусульмане, представители других конфессий – получили возможность открыто демонстрировать свои религиозные воззрения, отправлять соответствующие им службы и обряды. Другой стороной этих преобразований, явился рост национального самосоз-

нания людей, катализировавший их интерес ко многим вопросам своего бытия. Инициировал он и вряд ли реализуемое на практике стремление народов «разобраться со своей родной» религией». К сожалению, этот поиск у нас, как было отмечено выше, превратился в политическую «разборку», которая сразу же наложила и продолжает, к нашему сожалению, накладывать негативный отпечаток на взаимоотношения народов, проживающих сегодня в Горном Алтае. Здесь же согласно статистике, кроме алтайцев (31% от общего числа населения края), проживают русские (60%), казахи (5,6%), а также азербайджанцы, башкиры, белорусы, грузины, корейцы, литовцы, молдаване, немцы, татары и представители других наций и народностей (в общей сложности – это 3,4%).¹⁸ Но, несмотря на принадлежность населения республики к различным конфессиям, каких-либо «трений и споров» на этой почве, у нас, к счастью, никогда не возникало.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно резюмировать: население каждого региона, страны в целом, переживает и сегодня не простую для себя ситуацию. Учитывая это обстоятельство, хочется искренне пожелать всем нам одного быть всегда благоразумными, никогда не бросаться из одной крайности в другую, а всегда спокойно и взвешенно подходить к решению любого вопроса, связанного с межнациональными, межэтническими и межконфессиональными отношениями. Только при таком подходе к делу, нам удастся повсеместно сохранять подлинную гармонию интересов проживающих в Республике Алтай наций и народностей, сохранять подлинное братство, взаимопомощь и взаимопонимание между нашими людьми.

Библиографический список

1. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953. С. 165; Модоров Н.С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск, 1990. С. 28.
2. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1990. С. 117.
3. Муйтуева В.А. Эволюция религиозности и свободомыслия у алтайцев. Автореф.канд. дисс. СПб., 1991. С. 8.
4. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. С. 33-35.
5. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974. С. 159.
6. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 309.
7. Там же. С. 311.
8. Подробнее см. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев. Новосибирск, 1984.
9. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII-середины XIX в. Горно-Алтайск, 1991. С. 46.
10. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 4. Л. 350-352.
11. Там же. Д. 3. Л. 220-221.

12. Модоров Н.С. Указ. соч. С. 312.
13. Самаев Г.П. Указ. соч. С. 47.
14. Потапов Л.П. Очерки... С. 130.
15. Модоров Н.С. Горный Алтай... С. 29.
16. Модоров Н.С. Россия... С. 310-311.
17. Хотя нет официальных данных, но все же можно предположить, что некоторая часть алтайцев исповедует мусульманство, восприняв его от проживающих рядом с ними казахов, предки которых появились в Чуйской степи в 80-90 гг. XIX в.
18. Текущее делопроизводство Управления статистики Республики Алтай.

Об авторах

Адлыкova Анастасия Павловна — кандидат исторических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного университета

Мезенцев Роман Викторович — кандидат исторических наук, доцент Алтайской
государственной академии образования им. В.М. Шукшина

Adlykova A.P., Mezencev R.V.

Religious views of the indigenous inhabitants of Gorny Altai in the XIX-early XX century

Abstract. In the article, based on various sources: (articles of predecessors, primarily prerevolutionary, newspaper publications, statistical surveys and collections, censuses, archival materials, ethnographic censuses and surveys and other materials, the authors analyzed the religious situation and the nature of religious views inherent in the indigenous population of the Altai Mountains during a long chronological period. The special emphasis, while the authors made the character of religious and interethnic relations inherent in the aborigines of the region's authors of interest at the end of the twentieth century and in the first decades of the 21st century.

Keywords: Gorny Altaj, invasions of the Dzungars, Mongols and other «enslavers to the Altai, the religious beliefs of the Altai aborigines, the supreme deity of the Altai» aliens «», spirits and gods of the three spheres «, shamanism, Buddhism, Lamaism, Orthodoxy

Статья поступила в редакцию 11.08.2017

УДК 130.3

Н. К. Асанбеков

О понятии «тенгирдей» в орхоно-енисейских письменных памятниках

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В работе рассматриваются сущность и содержание понятия «тенгирдей» встречающееся в орхоно-енисейских письменных памятниках. Автор статьи предлагает переводить, истолковывать сравнительное прилагательное «тенгирдей» «как Бог» или «божественный» и считает, что существование в означенных памятниках этого понятия является доказательством того, что орхоно-енисейские кочевники верили, что человек может обладать теми же «свойствами», которыми обладает «бог Тенгр». Проанализировав орхоно-енисейские письменные памятники, берем на себя смелость утверждать, что в них отражен образ бога, единого в трех ипостасях: Бог созерцающий; Бог защищающий (т.е. Бог покровитель); и Бог карающий. Иначе говоря, можно утверждать, что орхоно-енисейские кочевники верили в то, что простой смертный в определенных моментах может обладать божественным свойством, в силу чего, он может поддержать человека, а может и покарать его.

Ключевые слова: Орхоно-енисейские письменные памятники, «Тенгри», «тенгрилик», «тенгирдей», Небо, «Кёкё Тенгр», Бог, «кошок», кудай

В орхоно-енисейских письменных памятниках Южной Сибири довольно часто встречается понятие «тенгирдей» [1/69, 106]. Это сравнительное прилагательное, дословно можно перевести «как Бог» или «богоподобный». Заметим, что подобное понятие в орхоно-енисейских письменных памятниках связывается, как правило, с умершим человеком. Так, в памятнике (в честь Культегина) упоминается «Бильге каган» (т.е. отец Могиляна и Культегина – Авт.). Бытование в данном памятнике этого понятия лишней раз свидетельствует, по нашему мнению, что орхоно-енисейские кочевники очень верили в то, что человек, в определенной ситуации, может обладать теми же «свойствами», которые присущи только «Тенгри», (т.е. богу).

Итак, какими же свойствами обладал (т.е. был наделен) «Тенгри»? Прежде, чем ответить на данный вопрос остановимся на природе заинтересовавшего нас понятия, тем более, что на сегодняшний день у исследователей нет единого мнения относительно «природы и перевода понятия Тенгри».

Следует подчеркнуть, что со времен В.В.Радлова, у исследователей сложилась традиция: переводить понятие «Тенгр» как «Небо», Исходя из этого, следовательно, они стали пере-

водить сравнительное прилагательное «тенгирдей» как «небоподобный». Вопреки сложившейся традиции перевода понятия «Тенгр» как «Небо», мы предлагаем перевести понятие «Тенгр» как «Бог», ибо считаем, что перевод В. Радлова – неправильным (потому что каким бы ни был перевод того или иного понятия, он должен соответствовать требованиям, предъявляемым, к историко-философским толкованиям и переводам письменных памятников древности). Согласно такому подходу, каждое понятие, по нашему мнению, должно соответствовать своему происхождению и принадлежности, а потому, оно должно нести и определенное содержание. Поэтому перевод и истолкование того или иного понятия должны осуществляться в контексте того языка, культуры и эпохи, к которой принадлежит автор текста. Но это условие не было В.Радловым соблюдено. Во-вторых, он воспринял слово «кёк» перед «понятием «Тенгр», которое часто встречается в орхоно-енисейских текстах, и чаще всего переводится исследователями как цвет – т.е. «синий, голубой», в результате этого в оборот вошло выражение: «Когда возникло вверху голубое небо...»(и далее потексту), [1/72].

Не соблюдение В.Радловым высказанных нами выше требований, к переводам историко-фи-

лософских толкований письменных памятников древности и, в частности, толкование слова «кёк» только как цвет и стало, по нашему мнению, главной причиной перевода, нашим предшественником понятия «Тенгр» как «небо», что, в свою очередь, привело к искажению природы понятия «Тенгри», являющимся в нашем случае – «культуробразующим понятием».

Памятники орхоно-енисейской письменности относятся, как доказано специалистами, к VI-XI векам [3/9], и принадлежат они (по языку) к религиозно-философской системе, именуемой «тенгрианством». Поэтому, чтобы понять сущность и содержание понятия «тенгрдей», мы, прежде всего, обязаны выяснить, что вобрало в себя понятие «Тенгр», бытующее в религиозно-философской системе тенгрианства? Какое содержание вкладывали авторы письменных памятников древности в это понятие?

В культуре же кочевников Центральной Азии было, как известно, широко распространено понятие «кёкё тенгри» т.е. голубое небо» [4/154], которое отражало то, что сегодня подразумевают исследователи под понятием «Всевышний (т.е. бог)». Иначе говоря, «кёкё (в нашем случае – это всевышний), а «тенгри это бог» [4/154]. В разговорном языке, особенно при высеке на камнях, в понятии «кёкё тенгр», обычно из слова «кёкё» упускалась почему-то последняя гласная «ё» и получалось слово «кёк», которое в культуре тюркских народов, действительно обозначало цвет («голубой – синий»). Но следует помнить, что слово «кек» имело и другое значение. К примеру, в современном кыргызском языке понятие «кёк» вобрало в себя, кроме вышеозначенного значения, так же и прилагательные, «храбрый», «бесстрашный»- к примеру («кёк жал Манас»), «упрямый Манас» («эр болсон – если ты мужчина, то – твердым будь») («кёк бол, айткан сёзгё бек» будь «верным сказанному тобой) слову). Как видим, даже с этой точки зрения, слово «кёк тенгри», переведенное Радловым как «голубое небо», свидетельствует, что перевод им осуществлен, дплеко вне контекста языка, характерного для анализируемого сказания.

Понятие же «кёкё» в системе тенгрианства отражало, как было сказано выше, прилагательное «всевышний», «всемогущий». Например, такие понятия как «кёкёлё» [7/276], «кёкёлётту» [7/277], которые переводятся на русский язык как «возвышай», «возвышал», то их корень, как видим, составляет понятие «кёкё». Поэтому, в контексте письменных памятников слово «Кёк

Тенгри» должно быть переведено как «Всевышний Тенгр» или «Всемогущий Тенгр».

Иначе говоря, понятие «Тенгр» в орхоно-енисейских письменных памятниках отражало собой тот феномен, который мы сегодня связываем с понятием «Бог». Наряду с этим, тексты орхоно-енисейских письменных памятников зафиксировали, на наш взгляд, и то, что к VII веку в культуре орхоно-енисейских кочевников не только существовала, но и работала уже, сформулированная ими монотеистическая религия с персонифицированным богом «Тенгр» (который в понимании людей того времени был «единым благодетельным, всезнающим, правосудным», который определял судьбы человека, народа, государства». Кроме того, указанные памятники свидетельствуют и о том, что, орхоно-енисейские кочевники называли «Тенгри и словом «егем» (т.е. хозяин), «творец». Иначе говоря, человек всегда считал себя «рабом» Тенгра и поклонялся ему как единственному богу. Это обстоятельство дает нам все основания, утверждать, что в орхоно-енисейских письменных памятниках понятие «Тенгр» следует воспринимать как «Бог», (как это делается в классических религиях. Например, на письменных памятниках (№59) написано «Тенгри эгем», что можно перевести на русский язык как «мой бог», «мой хозяин». На письменных же памятниках (№111) написано «Тенгриме жугуном» [1/170], т.е., «Тенгру поклоняюсь». Выражение «Кут Тенгрден», можно перевести «как Счастье от Тенгра» [1/172], «Тенгри кулубуз»-, «как -«Мы рабы Тенгра» [1/178] и т.д. В связи со сказанным, можно сослаться и на свидетельства известного тюрколога Н. Абаева, который приводит записи Феоджлант Симокатта, которая относится к 595 году, где сказано, что «тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимн земле, но поклоняются же (они) единственному тому, кто создал небо и землю и называют его богом» [2/107].

Разные народы называют Всевышнего (правда, каждый по своему): «семиты называли его «Яхве», христиане «Егово», арабы «Аллахом», а орхоно-енисейские кочевники «Тенгром».

Например, современные кыргызы, как и их енисейские предки, под «Тенгре» понимали Бога, а поэтому «Тенгр» выступает у них как синоним понятия «кудай» (т.е. Бог).

Каким «свойством-качеством» обладал Тенгри? Согласно верованиям орхоно-енисейских кочевников каждый человек мог достичь этого «свойства-качества».

Так, в тексте памятника в честь Культегина, понятие «Тенгр» встречается 14 раз. И в каждом случае в него вложен «свой смысл». Так, в десяти случаях из четырнадцати «орхоно-енисейцы» просят, правда, разными словами, «Тенгра» поддержать их «просьбу»: «Тенгр жалгаган учун» [1/78], «тенгр колдоп...» [1/71], «тенгри кётёрду...» [1/75]. В трех случаях «наказать», «Тенгр каарына калган учун» [1/106], и один раз Тенгр упоминается как «творец», «тагдырды аныктайт» [1/109]. Как видим, в памятнике отражен образ бога единого в трех лицах: а) Бог созерцающий; б) Бог защищающий (т.е. покровитель) и в) Бог карающий. Иначе говоря «Тенгр», будучи в одном лице, выступает же он - неизменно, в трех ипостасях, главное место, среди которых, кочевники неизменно отводят покровительственной сущности «Тенгр».

Уточнив этот момент, скажем пару слов и о имеющем место в орхоно-енисейских письменностях понятии «тенгрдей» и вековой традиции кочевников: «почитания духов предков», свидетельствующих о бытовании, в культуре орхоно-енисейских кочевников веры в то, что «простой смертный может в силу обстоятельств, обладать божественными свойствами», помогать (в минуту опасности людям и карать тех, кто творит людям зло). Иначе говоря, любой смертный, отмеченный Высоким Небом, может, в силу обстоятельств «слиться с богом (вечностью) и стать богоподобным».

В связи со сказанным, встает неизбежный в таких случаях вопрос: «А может ли простой смертный обладать божественным свойством»? И если да, то как это возможно?»

При такой постановке вопроса, напрашивается естественный ответ: «для этого (т.е. для такой веры необходимо учение, которое должно ответить на массу вопросов, связанных не только с человеческим бытием, но и обосновывающим путь «избранного к божественности».

И надо сказать, в культуре орхоно-енисейских кочевников было такое учение, о котором упоминают орхоно-енисейские письменные памятники. В них оно скрыто понятием «тенгрилик». Оно, на наш взгляд, и было тем самым учением, которое способно было дать ответы на интересующие нас вопросы «В каких случаях и каким образом смертный может стать обладателем тех свойств, которыми обладает «Бог»? [6/152]

И здесь мы должны сказать, что понятие «тенгрдей», т.е. свойство «божественности, которое в большинстве своем, присуще, только «умершим» [1/62]. Иначе говоря, божественные свой-

ства согласно, вышеназванному учению, человек может обрести, только после его смерти. Последняя, исходя из «тенгрилика» это не конец жизни, а переход человека на другой уровень жизни, т.е. переход его в другую форму жизни. Кстати, в орхоно-енисейских памятниках понятие смерть вообще не встречается. Кончину человека они отражали понятием «отделился», «улетел» [1/67, 82, 175]. К смерти в этих сказаниях, герои всегда относились как должному и закономерному явлению, «...сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть» [1/81]. По «тенгрилику», когда человек умирает, его душа улетает и возвращается в мир Тенгра, т.е. она возвращается в божественный мир или мир духов. Вот как данное положение отражено в письменных памятниках: «Печаль быстро достигла меня,.. я отделился... О горе Вам.., я встречаюсь (с Вами)» [1/151, 35, 1/87]. Как видим, в тексте говорится о встрече с богом. «Печаль быстро достигла меня» в этой части текста герой информирует оставшихся о своей смерти – «О горе Вам, во второй его части – он утешает их, заявляя...я встречаюсь Вам».

Философия орхоно-енисейской письменности (орхоно-енисейские письменности являются «кошками») (т.е. фрагментами) и то, что в письменных памятниках отражается только проблема выполнения долга в отношении своего народа, дает основание утверждать, что мир «Тенгра» принимает душу только тех людей, кто выполнил свое, богом предопределенное предназначение в мире людей.

Почему же в кочевой культуре проблема выполнения долга стала смыслообразующей проблемой?

Да потому что это результат особенности решения проблем человеческого бытия кочевой культуры, где бытие человека в мире людей и после смерти определено. Согласно учению «тенгрилик», человек рождается «по милости бога» [1/71] «ему Тенгром» предписывается то, для чего он рожден, т.е. бог предопределяет место человека в мире людей. Следовательно, в соответствии с занимаемым местом в мире, человеку предписываются те или иные обязательства, которые он воспринимает как долг, «Десять месяцев носила (меня) моя мать, принесла (меня) моему народу. Ради моих доблестей я жил» [1/171]. Человек обязан реализовывать то, что возложено ему Тенгром. Именно это положение, имел ввиду С. Абдырасулов, выводя этимологию понятия «Тенгир» из двух древне тюркских слов «Тен-кир», т.е. «тен» ровно, «кир» войти. Согласно учению «тен-

грлик» выполнение богом определенного предназначения есть смысл жизни кочевника (Тоньюкука) [1/71]. В этом последний видит свою актуальность. Тот, кто выполнил свое предназначение, приобретает возможность войти в «мир Тенгра». Кто войдет туда, тот (в соответствии с особенностью этого мира) становится «богоподобным» (как бог), т.е. приобретает некоторые свойства бога. Именно поэтому кочевники службу своему народу ставили основой своего существования, «Геройскую доблесть мою, я дал на службу моему народу» [1/156].

По свидетельству письменных памятников Илтерес каган стал «богоподобным». Следовательно, жизнедеятельность Илтереса является доказательной базой нашего вышеприведенного утверждения, «Тенгри подобным сделал Тенгри» так написано на письменных памятниках об Илтересе.

Что это значит? По воле бога Илтерес стал «богоподобным», т.е. сам бог позволил Илтересу обладать некоторыми свойствами, которыми обладал он сам. В каком смысле и как это возможно?

По свидетельству письменных памятников «Тенгри выбрал Илтереса каганом тюркских народов». «Вверху Тенгри тюрков, святая вода и земля тюрков» так сказал, чтобы народ тюрков не исчез, народ был, отца Илтерес кагана, мать Илбелги катуна бог поддержал и поднял». Именно поэтому в письменных памятниках пишется: «Считая, что счастье отца в тенгрике, там кочевали и трудились. Говоря, ты на тенгрике трудишься, он был милостив и тогда дал звание шад» [1/100], «Я не удовлетворился тенгриком» [1/149].

В чем сущность и содержание труда «на тенгрике»?

Если возьмем положение Илтереса, то выполнение богом возложенного обязательства составляет содержание труда «на тенгрике», а сущностью труда «на тенгрике» является цель, которая заключается в слиянии с богом и стать «богоподобным». Последнее положение и есть «...счастье отца», т.е. по тенгрику счастлив тот, у кого состоялась жизнь, предписанная богом. У Илтераса жизнь состоялась.

По свидетельству письменных памятников дети Илтерес кагана уверены в том, что он стал каганом по воле Тенгра и ему была возложена обязанность «поднять к жизни готовый погибнуть народ» [1/77]. По свидетельству письменных памятников (памятники в честь Культегина, Тоньюкука, Онгин) с поддержки Тенгра и святой воды и земли Илтерес с честью выполнил свое, богом определенное предназначение в мире лю-

дей, т.е. выполнил долг перед народом. Иначе говоря, чтобы построить сильное государства, во-первых, он провел большие организационные работы: «Разбежавшихся собрал, неимущий народ сделал богатым, малочисленных сделал многочисленным» [1/71], во-вторых, он объединил разрозненные племена и создал государство: «Я поднял к жизни готовый погибнуть народ, снабдил платьем нагой народ, сделал богатым неимущий народ» [1/77], «Врагов принудил к миру, имевших колени заставил преклонить колени, а имевших голову заставил склониться» [1/71]; в-третьих, укрепил государство, в-четвертых, усилил и увеличил территорию государства. Тем самым Илтерес выполнил свой долг и обязанность перед своим народом и способствовал процветанию своего народа. Именно труд, направленный на процветание своего народа назван в орхоно-енисейских письменных памятниках «на тенгрике трудишься» [1/78]. Не выполнение своих обязанностей или так, как требовалось с точки зрения самого человека в отношении народа или семьи оценивалось как неудовлетворенность жизнью: «Я не удовлетворился тенгриком» [1/149], т.е. воспринималось как не вполне состоявшаяся жизнь. Все енисейские письменные памятники (не смотря на размеры и формы изложения) отражали «удовлетворенность или неудовлетворенность» в отношении народа, государства, семьи. И тем самым доказывает высокий уровень веры в учение «тенгрике», «Я моему божественному государству (достался) в удел» [1, 146], «Геройскую доблесть мою я дал на службу моему государству, тенгрику» [1, 157], «Десять месяцев носила (меня) моя мать, принесла моему народу. Ради моих доблестей я жил» [1, 171] и т.д. И главное, орхоно-енисейские кочевники верили в то, что эта деятельность предписана ему от «Тенгра», т.е. от бога.

Что значит вера в учение тенгрике? Это значит вера, которая формировала, управляла кочевником, составляла основы его мировоззрения; это вера в то, что каждый человек может стать богоподобным. Следовательно, вера в то, что даже после смерти кочевник может поддерживать свой мир (свой народ, семью) уже будучи в мире «Тенгра».

Выполнение долга и обязанности перед своим народом является содержанием труда, сущность которого заключается в способствовании процветанию своего народа. Поэтому все орхоно-енисейские письменные памятники отражают выполнение долга в отношении своего народа, семьи.

«Арбак» по представлению современных кыргызов, это дух, принятый богом к себе и в ответственности своему положению обладающий свойством поддерживать и карать. Тот факт, что в современной кыргызской культуре сохранилась

традиция обращения к арбакам в поддержке подтверждает все, что было сказано нами выше, в том числе и о приспособлении ислама к культуре кыргызов.

Библиографический список

1. Орхон-енисей тексттери. Ф., 1982.
2. Абаев Н.В.: Тэнгрианство как религия и философия древних татаро-монголов Внутренней Азии. Бишкек, 2006.
3. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М-Л., 1952.
4. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык создугу. Фрунзе., 1988.
5. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.
6. Асанбеков Н.К. Орхон-энесай жазма эстеликтеринин философиясы. Ж., 2002.
7. Карасаев Х.К. Орфографиялык создук. Ф., 1993
8. Карасаев Х.К. Оздоштурулгон создук. Ф., 1986.

Об авторе

Асанбеков Нурзак Кыштакевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. Бишкек, Кыргызстан

Asanbekov N.K.

The notion of «tenrante» in Orkhono-Venisei written monuments

Abstract. The essence and content of the concept of «shadoward» occurring in the Orkhono Venisei written monuments are considered in the work. The author of the article proposes translating, interpreting the comparative adjective «tengei» «like God» or «divine» and believes that the existence of this concept is proof that the Orkhon-Venisei nomads believed that a person can possess those properties possessed by «Tengri» those. God. On the basis of the Orkhono-Venisei written monuments, the author claims that the images reflect the image of a god united in three persons: God who contemplates, protects (patron) and punishes in one person and proves that the Orkhon-Venisei nomads believed that a mere mortal can possess Divine property, hold and punish.

Keywords: Orkhon-Venisei written monuments, Tengri, Tengri, tangne, Sk, Keke Tengri, God, kosok, where

Статья поступила в редакцию 15.05.2017

УДК 391.7 (571.513): 299.4

В. Я. Бутанаев, И. И. Бутанаева

Хакасский женский нагрудник «Поги» и культ богини Умай

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Аннотация. В жизни каждого народа мира имеется немало предметов, вещей которые выделяют, подчеркивают в той или иной степени национальные черты, особенности своего народа. Это можно найти в предметах обихода, одежде и многом другом. И в этом плане хакасы не являют собой исключения. Особенно наглядно это можно проследить по предметам одежды хакасских женщин, которыми они ее украшают. Одним из таковых является нагрудное украшение «поги», которое имеет очень древнее происхождение. В настоящее время значение и символику орнаментальных узоров «поги» сложно расшифровать. В результате нашего исследования было выяснено, что орнаментальный узор нагрудника есть стилизованное изображение лика богини Умай. Надевание женского нагрудника «поги» на свадьбу было связано с культом богини Умай. Поэтому древнее нагрудное украшение остается символом могущественной богини плодородия, дарующей души детей, здоровье беременным женщинам, благополучие и процветание человеческому потомству.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, Хонгорай, хакасы, богиня Умай, нагрудник «поги», орнаментальные узоры, бисер, кораллы, жемчуг, перламутр, раковины каури

Среди хакасских женских украшений, созданных вышивкой бисером, кораллом и перламутром, невольно привлекают внимание своим великолепием и необычным, загадочным видом нагрудники, называемые «поги». Они представляют национальную особенность одевания хакасок.

Среди некоторых тюркских народов имеются женские нагрудные украшения, однако они отличаются и по своей форме, и по названию, и по назначению от хакасских «поги». Например, на Саяно – Алтае своеобразный четырехугольный нагрудник «тёштёк» встречается в костюме телеутских женщин. Он нашивался на передний разрез праздничного платья в виде украшения. Вырезанные из бересты или картона два равновеликих параллелограмма обычно нашиваются на ситцевую подкладку темного цвета. Поверх бересты или картона пришивают яркое сукно, чаще – красного цвета. На сукно пришивается широкий золотой или серебряный галун (в настоящее время – парча). По внешней стороне галун обшивается узкой полоской черного сатина, обмотанного по спирали золотой нитью. На свободное внутреннее поле сукна пришивают квадратной формы украшения. «Тёштёк» хранили отдельно от платья. Когда нужно было наде-

вать праздничную одежду, его несколькими стежками прикрепляли к вороту [Функ. С. 148-149]. Специфическим элементом казахской девичьей одежды были нагрудники «онгир», надеваемые поверх платья. Казахский нагрудник «онгир» представлял прямоугольник с пришитыми сверху тесемками. Он закрывал платье спереди почти до талии. Из-под него виднелись воротник платья и верхняя часть планки разреза, украшенная вышивкой. Нагрудник был праздничным элементом одежды. Делали его из плотной ткани красного цвета (бархата, сукна) и на подкладке. Вышивали шелком и канителью. По краям обрамляли шелковой лентой и позументом с бахромой. Вышивку располагали в центре и по краям, к которым нередко пришивали монеты и пуговицы ювелирной работы. Нагрудник «онгир» входил в свадебный наряд невесты [Захарова. С. 96-97]. Башкирские нагрудные украшения «селтэр» были массивной удлиненной формы. Они вышивались кораллами, поверх которых прикреплялись крупные монеты. Заканчивались нагрудники «селтэр» коралловой бахромой с монетами. Их могли одевать как женщины, так и невесты на свадьбу [Башкирские нагрудные украшения. С. 7].

Хонгорские нагрудники «пого», согласно народным традициям, являлись обязательным атрибутом свадебного наряда свахи. Сплошь расшитый бисером, кораллами и перламутром ритуальный свадебный нагрудник «пого», представляет венец декора традиционного искусства вышивки подобными материалами. Прекрасное украшение «пого» в свою очередь, диктует свои законы, Так, например, свахой не может быть вдова, незамужняя, или бездетная женщина, она не имела право надевать его. Таким образом, «пого» носили только семейные женщины и обязательно свахи во время свадьбы, и без него нет настоящей свадьбы в Хонгорае. Девушкам и невестам на свадьбу носить «пого» запрещалось.

В письменных источниках сведения о нагрудных украшениях хонгорских женщин впервые упоминаются в XVIII веке. Так, например, в 1771-1772 гг. территорию Хонгорая посетила академическая экспедиция П.С. Палласа и И.Г. Георги. Собранный материал был опубликован ими в книгах: «Путешествие по разным провинциям Российского государства» и «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». При описании традиционной одежды исследователи отмечают в числе женских украшений – нагрудник [Паллас, 1786, с. 460-461; Георги, 2007, с. 257]. Позже, в XIX в. статистическим комитетом Енисейской губернии была организована экспедиция с целью изучения быта и хозяйственного строя местных жителей. Результаты экспедиции, материалы по традиционной культуре и экономическому положению хакасов были опубликованы в книге А.А. Кузнецовой, П.Е. Кулакова «Минусинские и ачинские инородцы» в которой дается более подробное описание хонгорского нагрудного украшения «пого». А.А. Кузнецова пишет: «На свадьбах грудь свахи (замужней женщины) украшается поверх свадебной шубы и безрукавки (сигедэк) особым нагрудником (пого), форма которого напоминает детский нагрудник. Пого вырезается из куска дубленой кожи и сплошь унизывается в виде симметричного узора крупными и мелкими перламутровыми пуговицами, небольшими кораллами, раковинами, крупным бисером, разноцветными бусами и различными камнями, между которыми нередко встречаются зерна недорогого жемчуга. По внешней стороне края пого украшаются бахромой из бисера, похожую на низ русского кокошника; завязывается пого вокруг шеи при помощи лент, пришитых к верхним концам его. Пого по преимуществу

качинское украшение, но существует и у других инородческих племен Минусинского округа; у кызыльцев оно встречалось еще лет 40 т.н. и несколько отличалось от качинского своей щитовидной формой, в настоящее же время отходит в область преданий. Стоит пого от 50 до 150 руб.» [Кузнецова, 1898, с. 171-172]. Наличие нагрудных украшений хонгорских женщин упоминает Е.К. Яковлев в своей работе «Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея» [Яковлев. С. 26]. В XX в. комплексным изучением хакасской одежды и нагрудников, в том числе, занималась этнограф Ю.А. Шибаева. Она отмечала, что нагрудник «пого» представлял собой закругленный кусок плотной ткани или кожи размером, примерно 30x30 см, с лицевой стороны покрытый тканью, чаще всего бархатом, и сплошь богато зашитый разноцветными бусами (нинчи), кораллами (шуру или морчан), монетами (манета), серебряными и золотыми бляхами, украшенный аграфами, а также круглыми перламутровыми пуговицами, что вместе составляло определенный красочный орнамент» [Шибаева 1959. С. 71]. В 1978 г. Хакасию посетила московская экспедиция, изучавшая художественные ремесла хакасов, под руководством Ю.В. Максимова. Им были опубликованы статьи, где даются описания хакаских нагрудников «пого» [Максимов. С. 191-193]. В настоящее время изучением искусства вышивки бисером и перламутром занимаются искусствовед И.К. Кидиекова и этнограф В.Я. Бутанаев [Кидиекова. 1997. С. 46-48; Бутанаев. 2015, с. 120-123].

В этимологическом плане термин «пого» первоначально обозначал зоб на шее, а затем в переносном значении стал употребляться как украшение на шее. Аналогичный термин «букав» встречается в туркменском языке, где это слово также обозначает и ключицу у шеи, и женское серебряное украшение, надеваемое на шею [ТРС. С.118].

В героическом эпосе хонгорцев, созданных еще во времена государства Хонгорай (XIV – XVII вв.), описывается свадебный наряд, в состав которого обязательно входили шапка свахи «тюльгу пёрик» (т.е. лисья шапка), свадебная шуба «идектиг тон» и нагрудник «пого», изготовленный из серебра и золота, светящийся на груди богатырских дев, словно солнце и луна. Например: «fknsV gjojps fqof xfcnfk nehflsh| rmvmc gjojps rmVut cecnfk nehflsh» золотое пого блестит под луной, серебряное пого сверкает на солнце; «cwkwluta cwkwu Gbzta Fhso| rmvmnta

бнртV gjojps rmVut xf[es cecnfksg] ?чень красива Пичен-Арыг, нагрудник ее, сделанный из серебра, под лучами солнца сверкает [Бутанав. 2008. С. 48.; Алтын-Арыг. 1988, с. 284-285].

Изготовление нагрудника «пого» является делом трудоемким. Сначала надо выкроить основу, которая называется «чабаа». В XIX начале XX вв. основу, как правило, изготавливали из проклеенных клейстером, сделанным из ржаной муки, трех или четырех слоев хлопчатобумажной или холстяной ткани. Толщина должна быть такой, чтобы иголка с ниткой свободно проходили сквозь заготовку. В более ранние времена ее выкраивали из куска кожи. Об этом свидетельствует сам термин «чабаа», обозначающий в некоторых диалектах кожу и даже шкуру пушных зверей. Например: «челе чабаазы» (чул.) соболиная шкурка; «сарбах намаазы» (бельт.) шкурка белки; «изер чабаазы» дубленая кожа, пришиваемая ремнями на поверхности деревянного седла. Твердая основа «чабаа» употреблялась также при шитье мундирного воротника, тульи свадебной шапки «тюльгу пёрик» и т.д. Например: «сегедек чабаазы» твердая матерчатая основа женской безрукавки сегедека (которая украшается радужной вышивкой «чеек»); «чеек салджан чабаа» основа для радужной вышивки «чеек» на свадебной шубе «идектиг-тон».

Нами были исследованы более 50 «пого», находящихся в Хакасском и Минусинском музеях, а также в частных коллекциях. Размеры традиционной основы «чабаа» в среднем равнялись: высота вместе верхними «рожками» 30 см, ширина 30 см, длина проема между «рожек» 12 см, или высота вместе с «рожками» – 25 см, ширина – 25 см, длина проема между «рожек» – 10 см [ХНКМ. КП-7071, КП-5545]. С лицевой стороны «пого» обтягивали сукном, плисом или черным бархатом, с изнанки обшивали ситцем или даже шелком. На лицевой поверхности суровыми нитками нашивались перламутровые пластины, пуговицы, бисер, коралл, бляшки, раковины каури и т.д.

По своей форме и орнаменту нагрудник «пого» выполнялся по строгим канонам. Форма нагрудника напоминает полумесяц, повернутый двумя закругленными рожками вверх. Главные узоры образуются из крупных перламутровых круглых, иногда квадратных, пластин «тана». Круглые перламутровые пластины «тана» были размером от 3 см. до 9 см. Они носят следующие названия: «тас тана» крупный перламутр, «тана харагы» небольшая пластина (букв. глаза пер-

ламутра), «тана палазы» маленькая перламутровая пуговица (букв. дитя перламутра), «сын тана» настоящий перламутр (с одним отверстием посередине и узорчатый), «арган тана» искусственный перламутр (с двумя или четырьмя отверстиями). По всей видимости, в древние времена перламутр привозили в Хонгорай из Китая и Монголии, ибо термин «тана» монгольского происхождения [МРС. С. 389].

Для создания основного узора мастерицы сначала на лицевой стороне в центре подготовленной основы симметрично пришивали три крупные перламутровые пластины «тана» с одним отверстием посередине, которые закрепляются красной коралловой бусиной к основе. Крупные пластины «тана» создают основную композицию орнамента «пого». Они образовывали равнобедренный треугольник, расположенный основанием вверх. С двух сторон от центральных перламутровых пластин на «рожках» нагрудника нашиваются по одной или по две перламутровые пластины «тана» меньших размеров. Они создают видимость ушей или даже крыльев. На некоторых нагрудниках над двумя центральными перламутровыми пластинами фиксируется пуговица, вероятно представляющая третий «глаз». По всей видимости, это «всевидящее око».

Каждая «тана» сначала вокруг обшивается одним рядом красными коралловыми бусинами. Затем следом вокруг нашиваются белые небольшие пуговицы «марха» с четырьмя дырочками для пришивания. Средний или центральный круг вышивался обычно из розового бисера, два верхних из голубого, а нижние из белого. Их окаймляют три ряда красного бисера. Иногда бисер чередуется – три белых, затем два красных и т.д. Получается узор из разноцветных бисерных кругов «теерпек хоос», в центре каждого круга большая перламутровая пластина «тана». В них заложен магический смысл, они читаются как глаза, нос, рот и уши или крылья антропоморфной личины. Все эти детали подчеркивают силу «пого» как оберега.

Каждая рукодельница сообразно своему эстетическому вкусу, представлению о красоте и гармонии выбирает цвета, орнаментальные элементы и создает традиционное и в тоже время свое неповторимое произведение декоративно – прикладного искусства.

В XIX в. в орнаментальную композицию «пого» активно включались серебряные реже золотые монеты и блестящие серебряные бляшки, называемые «чылтыр», которые заменяли круглые перламутровые пластины. В строго сим-

метричной круговой композиции нашивались бляшки круглой формы «теерпек чылтыр» или продолговатые «сёёлбек чылтыр» с кораллом или полудрагоценным камнем посередине. Затем они обшивались бисерными низками вкруговую.

В XX веке перламутровые пластины «тана» часто стали заменяться круглыми большими пуговицами, называемыми «марха». Согласно представлениям хонгорцев, пуговицы сосредотачивают в себе счастье человека, к ним притягивается его жизненная сила «хут». Термин «марха» имеет чисто хакасское происхождение и в других языках неизвестен.

Крупный бисер, используемый при вышивке нагрудника, носит название «чимджеске», а мелкий «нинджи». Оба названия восходят к древнетюркскому термину «Ven??», который был заимствован из китайского языка. По всей вероятности, бисер и жемчуг завозился на Саяно – Алтай из Китая.

Бисерные низки изготавливались из мелких коралловых бусин. Коралл – это минерал, рожденный в южных морях, имеющий красный, розовый или беловатый цвета и называемый в хонгорском языке «суру». Данное название имеет монгольское происхождение (шур) и, по всей видимости, завозился в Хонгорай из Китая и Монголии.

Коралловые бусины используются для фиксации перламутровых пластин «тана», на единственное отверстие которых накладывается соответствующего размера бусина и пришивается. Мелкими коралловыми бусами обшиваются вкруговую перламутровые пластины «тана», из них же могут вышиваться различные орнаментальные фигуры. Кораллы стоили очень дорого. Одна большая коралловая бусина, идущая на изготовление женских сережек (сурлыг ызырга), равнялась цене одного вола или два настоящих коралла равнялись стоимости одной кобылицы. Настоящие кораллы (сын суру) имели беловатый цвет с алыми крапинками, а искусственный (арган суру) был мягким и имел красный цвет. В XIX в. их привозили татарские купцы из Китая и Туркестана.

Иногда, как один из элементов заполнения основы нагрудного украшения «пого» использовались раковины каури, называемые на Саяно – Алтае «чыланмас» (букв. змеиная головка). Согласно мифологии они были получены хонгорцами от горных духов – хозяев, от брака с которыми были рождены их предки. Раковина каури применяется как оберег с глубокой древности у многих народов. По традиционным представле-

ния хакасов раковина каури является защитой ребенка, к ней притягивается его жизненная сила «хут». Они пришиваются под воротничком детской одежды, на носках башмачков, на капюшонах костюмчиков и т. д. На лицевой поверхности «пого» они составляют узоры в виде треугольников, четырехугольных лепестков и даже пятиугольных звездочек.

Необычайная яркость и красочность материала требуют от мастерицы большого художественного вкуса. Узор, заполняющий пространство между перламутровыми пуговицами «тана», состоит из разноцветных бисерных кругов, заключенных друг в друга и расположенных между ними замкнутых симметричных фигур.

Орнамент на лицевой поверхности «пого» вышивался цветным бисером в виде трехлистника «азыр», в виде миндаля под названием «пуурек» и в виде сердечка под названием «червей». Первые два элемента являются основными в хонгорской вышивке и представляют излюбленный мотив национального орнамента. Особенно чисто хонгорским представляется элемент под названием «пуурек» (букв. анатомическая почка), сопровождающий все хакасские вышивки. Он служит отличительным показателем хонгорского орнамента. Третий узор «червей», судя по названию (от русского названия игровой масти «черви»), более позднего происхождения. Все узоры выполнялись бисером красного, синего и зеленого цветов.

После нанесения узора делается окантовка изделия из маленьких жемчужных пуговиц, которые с внешней стороны обшиваются янтарно-желтыми коралловыми бусами. Обрамляется нагрудник «пого» из одного или двух рядов пришитых белых жемчужных пуговиц, под названием «узумджюк».

Затем, по краю борта нагрудника прикрепляются серебряные цепочки «самзылга» в виде подвешенных корзиночек, идущих вдоль края или нашиваются кисточки «силбирге» из бисера. На концах бисерные кисточки «силбирге» украшаются мелкими серебряными монетками «тенге». [Бутанаев. 1999. С. 107,113,166]. Серебряная монета «тенге» достоинством в один рубль в старом быту широко употреблялась в качестве женских украшений.

После завершения работы обратную сторону «пого» обтягивают ситцем или шелком. Сверху к закругленным концам пришивают ленту при помощи, которой «пого» надевали на шею. Таким образом, нагрудник плотно ложился на грудь. Носить нагрудник полагалось поверх празднич-

ной шубы «идектиг тон» и надетую на нее безрукавку «сегедек».

По традиции, «пого» готовили женщины в приданое своим дочерям до свадьбы. Для его изготовления годами копили деньги на покупку кораллов, самоцветов, перламутра, серебряных монет. Нагрудник относится к одному из дорогостоящих украшений. В XIX в. «пого», унизанный моржанами (кораллами) и жемчугом, стоил 150 руб. В то время стоимость коня оценивалась в 20-30 руб. [Кузнецова. С. 208, 209.; ХНКМ. КП 3938].

Технология изготовления «пого» имеет богатое культурное многовековое наследие. Женщины знали и развивали эту технологию тысячелетиями и передавали своим дочерям. Очевидно, мастерицы уже не могли знать символику, которую они закладывают в свое творение, однако, строго соблюдая, каноны, переданные им предшественницами, четко передавали генетический код изделия. В каждом доме должно было быть свое «пого». Когда-нибудь настанет час, и оно понадобится. В глубокую древность уходит этот обычай. В столь глубокую, что корни его давно стерлись в людской памяти.

В настоящее время нагрудник «пого» получил широкое распространение. Хонгорские женщины теперь надевают его не только на свадьбу, но и на любой праздник. Нагрудник «пого» сейчас носится не только поверх халатов и шубы, но и на платьях.

В советское время «пого» в основном хранился в сундуках и в музейных коллекциях, как атрибут предыдущих исторических времен хакасов. Позже в 70-ые годы XX в. становится модным справлять свадьбу по хакасским обычаям и свадебный нагрудник «пого» снова украшает костюм свахи. Сейчас бытование его переживает новое возрождение. В настоящее время существует смешанная форма бытования: аутентичная, стилизованная и сценическая. Есть мастерицы, как, например, Е.Г. Чаптыкова, которые изготавливают «пого» по традиционным канонам. Также очень много мастериц, которые делают стилизованные нагрудники. Стилизованное «пого» бывает среднего размера, но меньше чем традиционное или совсем маленькое. Их продают как сувениры и носят как обыкновенное украшение. И материал современного «пого» не такой дорогой как у традиционного, в основном это бисер, стеклярус, простые белые пуговицы, стразы и прочее.

Хакасское традиционное украшение «пого» дошло к нам из глубины веков. При сравнитель-

ном анализе орнаментального рисунка женских нагрудников можно обнаружить удивительное сходство с личинами древних каменных изваяний, изображающих богиню плодородия. На некоторых каменных статуях, как например, «Улуг Хуртуях Тас» (Великая каменная старуха), относящихся к окуневской культуре (II тыс. до н. э.), имеются точно такие же нагрудники и даже головные уборы, напоминающие шапку свахи «тюльгу пёрик» [Липский, 1970, с. 6; Бутанаев, 2015, с. 120-121].

Древний культ богини плодородия, праматери, хранительницы душ человеческого потомства передавался из поколения в поколение. Во времена существования Кыргызского государства (VI-XII вв.) богиня плодородия была известна под названием Умай. Культ богини Умай был распространен во всех древнетюркских государствах, поэтому ее имя встречается в древнетюркских рунических надписях [Потапов. 1973. С. 268.] Почитание этой богини также занимает важное место в религиозных представлениях енисейских кыргызов – предков хакасов.

Использование «пого» в качестве обязательного свадебного наряда свахи несомненно связано с почитанием древнетюркской богини Умай, дарующей молодоженам души детей. Богиня деторождения Умай благословит с груди свахи еще один брачный союз и станет добрым спутником и хранителем благополучия еще одной хонгорской семьи.

Богиню Умай почтительно величают: «Умай ине» мать Умай, «Умай идже» матушка Умай, «Умай хадын» госпожа Умай, «Умай идже сайгот» знатная мать Умай, «Умай идже хайрахан» владыка мать Умай, «Пай идже» святая мать, «Пай хадын» святая госпожа. Как отмечают ученые устоявшегося, канонического облика богини не существует. Однако в обязательном порядке присутствуют такие элементы, как подчеркнута женский облик (идже, ине – мать) и крылья за плечами [Скобелев. С. 351]. Согласно хонгорской мифологии богиня Умай представлялась полной златоглавой старушкой, имеющей пышные волосы, обладающей широкими крыльями и которая может превращаться в белую птицу. Она невидима людям и постоянно находится на небе среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от несчастий.

Место зарождения богини Умай находилось на мифической горе Сумеру среди вечно цветущих деревьев, где не вянут зеленые травы и не замерзают текущие реки. Там вешает золотая кукушка величиной с конскую голову, сидящая

на вершине золотолиственной священной березы. Последняя растет на берегу мифического Молочного озера «Суттиг коль». Сама богиня Умай считается в Хонгорае рожденной из молочной пены озера Суттиг коль (ах тамырдан чай-алган). В некоторых молитвах ее представляют рожденной от верховного божества Белого Ульгена [Бутанаев. 2003. С. 236, 240].

На Саяно – Алтае считалось, что если младенец упадет, то ему не будет слишком больно, ибо мать Умай его «поддержит». Если во сне малыш улыбается, то, значит, богиня с ним играет, если вздрагивает и плачет-то она его пугает. Подобные проделки, называемые «забавы матери Умай», требуют ублажения ее со стороны людей. Необходимо было произнести заклинание «хурай, хурай», т.е. помилуй и спаси, а рот ребенка смазать маслом со словами «Умай идже чалхазын» т.е. пусть оближет мать Умай. Физическое развитие ребенка происходит под влиянием богини Умай, поэтому на крепыша говорят: «умайбысхан» – т.е. получил помощь Умай.

По верованиям хонгорцев, богиня Умай была хранительницей детских душ, которые находились у нее в «храме» в горе Умай тасхыл, расположенной в верхнем течении Енисея среди Саянских хребтов (по-русски гора Амай напротив г. Саяногорска). Умай тасхыл (г. Амай) располагается по правому берегу р. Енисей напротив поселка Майна. Сама гора высотой 805 м над уровнем моря находится в северной части хребтов Западного Саяна. Отличается своей правильной, похожей на женскую грудь, треугольной формы. Хорошо выделяется визуально. Часто над ней лежит облачность. Последний факт, считает исследователь С. Скобелев, важен в связи с тем, что согласно представлениям хакасов, богиня Умай может находиться среди белых облаков [Скобелев. С. 352].

При первой беременности женщин в Хонгорае изготавливали фетиш богини Умай, который носил название «умай тёсь». Он служил в качестве оберега для беременных и охранял дитя в чреве матери, чтобы злые силы («айна») не причинили им вреда. Фетиш изготавливался из березового дерева в виде куклы величиной в короткую пядь (12 см), с волосами, сделанными из льна или конопли. Фетиш стоял в изголовье кровати беременной женщины. После рождения ребенка, на каждое новолуние фетиш кормили. Приготовив сметанную кашу «потха», посадив фетиш рядом с колыбелью, прислонив лучок со стрелой к кукле «умай тёсь». Затем три ложки каши брызгают фетишу, три раза в огонь. В даль-

нейшем этот фетиш хранился в шкатулке (умай-лыг абдыра), которая находилась высоко на полке. В этой же шкатулке находились пуповина ребенка, первые срезанные волосы ребенка «умай чачы», лучок со стрелой, лакированная красная чашечка и ложечка для кормления богини.

Когда женщина страдала бесплодием, то проводили обряд «умай тартханы» (букв. притягивание Умай), с участием сильного шамана, обладавшего чистыми духами-помощниками.

Камлание для обретения материнства совершалось в ночь белого полнолуния, т.е. на четырнадцатый день нового месяца. Для выполнения обряда «умай тартханы» хозяевам требовалось привезти молодую трехлетнюю березку вместе с корнями. Вносили ее через дымовое отверстие юрты и помещали на мужской половине в углу между средними (ортын параан) и головными (пас параан) мебельными секциями. Под березку стелили белую кошму, на которой устанавливали маленький столик. На него ставили деревянную красную чашечку. Шаман наливал в деревянную чашечку специально приготовленное молоко, надоенное от белой коровы непорочной девушкой, и, для стерильности, закрывал его белой тряпичей.

Во время камлания богине Умай, к ветвям ритуальной березки, помещаемой в юрту, привязывали семь или девять нагрудников «пого», коралловые серьги и специально приготовленный фетиш «хуруг умай» (букв. сухая Умай). Фетиш состоял из трех полуметровых шнуров с разными символами. Один шнур делался из серебряной мишурной нити «ах алтын», другой из синей (или зеленой) шелковой нити «кёк чибек» и третий из белой (или красной) крученой шелковой нити «ах чибек». К свободным концам серебряной нити привязывалась серебряная монета «тенге», служащая выкупом. На конце синего (или зеленого) шнура прикреплялась бронзовая самодельная пуговица «хола марха», являющаяся сердцем фетиша. На красную (или белую) нить подвешивалась раковина каури (чыланмас), куда притягивается душа ребенка. По представлению тюрков Хонгорая, фетиш «хуруг умай» и нагрудник «пого» притягивают к себе внимание богини Умай, которая якобы в образе белой птицы прилетает и садится на ветвь священной березки рядом с ними. Во время моления, шаманы обращаясь к богине Умай, произносили: «тогыс пого толыглыгзынг» ты имеешь выкуп из девяти нагрудников «пого» [Бутанаев. 1999. С. 148]. Пищей богине Умай служил горячий пар «оор-пус», поднимавшийся от жертвенных мясных даров.

Шаман в своем походе достигал «храма» Умай тасхыл, где находились души детей, он кланялся богине и произносил следующие слова: «Мать Умай Святая мать! Ты защитница пасущегося скота! Ты душа черноголового (т. е. хонгорского) народа! Ради того, чтобы не прервалось животворное семя, ради того, чтобы не кончилось потомство, испытывая большую нужду, прося безвинную душу, я пришел к тебе, госпожа мать Умай!» [Бутанаев. 2006. С. 148]. Получив искомую жизненную силу ребенка, шаман возвращался назад. После возвращения из «храма» «Умай тасхыл», кам совершал завершающее действие под названием «умай урарга» т.е. вливать душу младенца. Шаман опускал в молоко привязанные к фетишу «хуруг умай» раковину каури и бронзовую пуговицу со словами: «Ты имеешь душу в виде белой раковины каури, ты имеешь подарок в виде бронзовой пуговицы». Опущенные предметы якобы притягивали душу и указывали дорогу богине Умай которая, по верованиям хакасов, посылала в молоко кровь и плоть ребенка. В заключении женщина брала в рот раковину каури от фетиша «хуруг умай» и медленно выпивала молоко из чашки. Считалось, что таким образом душа ребенка вместе с моло-

ком попадала в чрево женщины, после чего последняя становилась беременной.

Итак, хакасское нагрудное украшение «пого» имеет очень древнее происхождение. Его смысловая нагрузка, так называемый генетический код, удивительным образом дошел до нашего поколения. Поэтому в настоящее время значение и символику орнаментальных узоров «пого» сложно расшифровать. Однако в результате данного исследования выявляется, что орнаментальный узор «пого» есть стилизованное изображение лика богини Умай. Значит, надевание женского нагрудника «пого» на свадьбу было связано с культом богини Умай. По прежнему, древнее нагрудное украшение остается символом могущественной богини плодородия, дарующей души детей, здоровье беременным женщинам, благополучие и процветание человеческому потомству. В тюркском мире, вероятно, нет такого другого народа, у которого имелось бы подобное украшение, связанное с культом богини Умай.

Таким образом, нагрудное украшение «пого» – часть уникального наследия, полученное хакасами из глубины веков, сочетающий в себе функции: этническую (маркирующую), социально – знаковую, сакральную и эстетическую.

Библиографический список

1. Алтын Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988.
2. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет. Уфа, 2006.
3. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2007.
4. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь (ХРИЭС). Абакан, 1999.
5. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно – Алтая. Абакан, 2003.
6. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан, 2006.
7. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
8. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда XIX – начало XX века. Алма-Ата, 1964.
9. Кидиекова И.К. Орнамент хакасов. В. 1-2. Абакан, 1997.
10. Кузнецова А.А., Кулаков Н.Е. Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения). Красноярск, 1898.
11. Липский А.Н. Енисейские изваяния. Абакан, 1970.
12. Максимов Г.В. Народные художественные ремесла Хакасской автономной области. // Сельскому учителю о народных художественных промыслах Сибири и Дальнего Востока. М. 1983. с. 183-199.
12. Монгольско-русский словарь. (МРС) М., 1957.
13. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. ч. 2. кн. 2; 1788. ч. 3. кн.1.
14. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных. //Тюркологический сборник.1972. М., 1973. С. 265-286.

15. Скобелев С.Г. Гора и храм Умай на Енисее. // Жусуп Баласагындын «Куттуу билими» X-XI кылымдардагы борбордук азиядагы мусулмандык кайра жаралуунун кузгусу. Бишкек, 2016. С. 351-354.
16. Туркменско-русский словарь. (ТРС.) М., 1968.
17. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1983.
18. Шиббаева Ю.А. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959.
19. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.

Об авторах

Бутанаев В.Я. – доктор исторических наук, профессор, действительный член академии социальных наук Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Бутанаева И.И. – кандидат исторических наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Butanaev v.YA., Butanaeva I.I.

Khakasska Women's Breastplate «Pogo» and the cult of the Goddess Umai

Abstract. One of the typical national features of the Khakas female garment is a pectoral attire called Pogo which is of ancient origin. In our days, the meaning and the symbolism of Pogo's decorative patterns is difficult to determine. As a result of our research it's been revealed that the decorative patterns of this breast attire constitutes stylized figures of the goddess Uma's face. Adorning of the pectoral attire Pogo on the wedding day was connected with the cult of goddess Uma. Therefore, the ancient pectoral attire still stands the symbol of the mighty goddess of fertility who gives souls of the children and health to the pregnant women, well-being and prosperity to the human posterity.

Keywords: Sayano-Altai, Khongorai, Khakass, Goddess Umai, breastplate «Pogo», ornamental patterns, beads, corals, pearls, mother of pearl, shells of cauri

Статья поступила в редакцию 29.05.2017

УДК 902

В. Г. Дацышен, Н. С. Модоров

Посольская миссия Ф.И. Байкова в Китай в 1654-1658 гг. и ее результаты

*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, пер. Свободный, 9
Горно-Алтайский государственный университет. 649000, Республика Алтай,
г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1*

Аннотация. В статье, на базе опубликованных русских и иностранных первоисточников, а также исследований отечественных и зарубежных авторов и отдельных, разнохарактерных архивных материалов, проанализирована ситуация, сложившаяся в результате продвижения Московского государства на восток и установления им контактов с народами, населявшими в то время Сибирь, Забайкалье и Приамурье, а также с государством Алтын-ханов, Джунгарией и цинским Китаем, претендовавших на господство в этих пограничных районах в 40- 60-х гг. XVII века

Ключевые слова: Московское государство, Сибирское ханство, Ермаковская «вольница», русские землепроходцы, казаки, «ясашные люди» Сибирь, Дальний Восток, Китай, торговые пути, «иноземные набеги и нашествия», посольства китайские грамоты и источники, «китаецентризм», послы и посланники

Окончательный разгром в конце XVI века Сибирского ханства Московским государством и последующее его продвижение (в начале XVII в.) на восток, способствовало присоединению к «Московии» (мирным и немирным путями) многих новых земель, их последующему освоению, а также приведению обитавших на них народов «под высокую руку белого царя». Это невиданное доселе «деяние» существенно преобразило «былую Московию», которая стала на рубеже XVI-XVII вв. не только европейским, но и азиатским государством. Что же способствовало столь быстрому ее продвижению от Урала до Тихого океана, хотя предпринятые «русичами» походы совсем не были «увеселительными прогулками для ее ратников». Достаточно сказать, что от голода, холода, болезней и стычек с аборигенами русские землепроходцы постоянно несли «немалые потери». К примеру, из 500 казаков «Ермаковской вольницы» обратно на Русь не вернулось 400 с лишним человек, из 133 участников «Поярко-вской экспедиции» до Амура добрались только 50 человек. Еще большие потери понесли землепроходцы С. Дежнева и В. Атласова: первый потерял 88 человек из 100, второй – 45 из 60 [1, с. 67].

Так каким же образом удалось русским казакам и землепроходцам решить, без всякого пре-

увеличения, поистине глобальную задачу: за 60-70 лет «подчинить своему влиянию, порой пусть условно», столь огромную территорию? Не вдаваясь в подробности данной проблемы, отметим лишь некоторые моменты. В частности, этому содействовали, во-первых, слабая плотность населения осваиваемых земель, во-вторых, низкий уровень социально-экономического развития «тамошних насельников» и, наконец, межродовые и межплеменные «распри», бытовавшие у них, которые не позволяли им объединиться и дать достойный отпор «пришельцам». Но, главным двигателем быстрого продвижения «москвитов» на восток была, по нашему мнению, их «алчная погоня за мягким золотом» (т.е. за собольими шкурками), за которым они готовы были идти, хоть на край света, не взирая на встававшие перед ними «трудности и лишения» [1, с. 67].

Не говоря больше о том, что способствовало быстрому «выходу» Московского государства к Тихому океану, подчеркнем лишь одно: в ходе этого его продвижения (на восток и на юг Сибири, в частности, Москва пришла в соприкосновение с «центрально-азиатским миром»). Это обстоятельство потребовало от ее правительства безотлагательного решения целого ряда внешнеполитических задач. Первостепенное значение,

среди которых сразу же приобрела необходимость оперативного налаживания «бесконфликтных» отношений с государством Алтын-ханов, Джунгарией и минским Китаем. Такого решения возникших проблем требовала от Москвы и ее внешнеполитическое положение. Последнее уже не одно десятилетие беспокоило «Московию». Главной «головной болью» ее правительства были, в то время конечно же военные противостояния: сначала с Польшей и Швецией, а затем – с Османской империей. В условиях этих почти непрекращающихся войн на западе – Москве необходимо было выработать на востоке такую внешнеполитическую линию, которая позволила бы ей «чинить» «приращение себе новых земель и народов» и на востоке, и на юге Сибири, без каких либо серьезных военных конфликтов с монгольскими и с «иными центрально-азиатскими феодалами».

Наибольшую же заботу Москвы в этом плане вызывала тогда, конечно же, позиция джунгарских правителей и маньчжурской династии Цин, которая с 1644 года утвердилась в Китае. Первые, сломив сопротивление Алтын-ханов, превратили Джунгарю в сильное государство, включившее в свой состав почти все земли, раскинувшиеся между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби. Кроме них, в ее состав были включены и восточно-казахстанские земли, Кашгария и западная часть Южной Монголии [2, с. 46]. Не менее активно действовали в этом плане и маньчжуры. Захватив в 30-х гг. XVII в. Южную (Внутреннюю) Монголию, они вплотную столкнулись с северо-монгольскими ханами и стали оказывать на них «сильное давление» [2, с. 46]. В силу этого, рубеж XVI–XVII вв. стал для Северной Монголии (Халхи) не только временем особых «внутренних забот», но и временем «внешних беспокойств». Именно в этот период она лишилась, в результате агрессивных устремлений маньчжурских завоевателей, своего «живого от них щита» – Чахарского ханства, прикрывавшего Халху с юга.

Но, прежде, чем поведи разговор об этом, скажем пару слов о внешней политике маньчжурских завоевателей, позаимствованной ими у китайских императоров, именуемой сегодня исследователями «китаецентризмом», которая зародилась у них еще в глубокой древности и находилась в тесной связи с древним религиозным учением, превратившемся впоследствии в политическую доктрину о «Сыне Неба» и его роли в жизни тогдашнего мирового сообщества [3]. Суть же ее с давних пор была направлена на зах-

ват и подчинение различными методами – соседних народов «Сыну Неба» Богу на земле, поставленного последним для управления всей Вселенной. Именно так и не иначе, представляли себе древние китайцы фигуру своего императора. И такое представление о нем внедрялось китайскими философами древности, политиками и учеными в сознание своих и «чужих народов». Эта политика и поддерживалась ими на протяжении всего средневековья. Иначе говоря, «китаецентристская доктрина» рассматривала Китай как центр всей Вселенной или «Поднебесной» (как называли свою страну в древности китайские ученые и политики), а все остальные народы, согласно этой доктрине, являли собой периферию этого центра и неотъемлемую часть единого комплекса, именуемого «Поднебесной». В силу этого, все некитайские народы должны были – безоговорочно подчиняться этому центру, принимать и следовать установленным им порядкам, а его мироустройство считать «идеальным», а потому – обязательным для всех народов». И это, при том, что каждый из них имел свои национальные особенности, обычаи, традиции, религиозные, социальные и этнические отличия от китайской нации. Однако все это, «китаецентризм» отвергал и обязывал все народы безоговорочно принять китайскую цивилизацию со всеми ее морально-этическими и общественными институтами как «нечто идеальное и совершенное». И, наконец, согласно вышеназванной доктрине, Китай являл собой наилучший образец мироустройства и цивилизации, а его император «Сын Неба» олицетворял собою земного бога самого мудрого, щедрого и великодушного, самого могущественного правителя всех народов на земле, их заботливым отцом». «А посему, гласила она, все народы (близкие и далекие) обязаны быть послушными детьми китайского императора, почитать его, подчиняться ему и чтить его» [4, с. 32].

Данная концепция о «Сыне Небе», легшая в основу китайской внешней политики, привела к утверждению ею, что «все некитайские народы являются вассалами Китая». А коль они не пожелают быть таковыми добровольно, то их следует силой заставить признать это. Такими путями и зародилась в древнем Китае политика агрессии по отношению к некитайским народам, которую «взяли на вооружение» и цинские императоры, «коя устраивала их во всех отношениях. Именно из нее и «выросли» у них в дальнейшем – «вассалы – «данники» (причем, где бы они ни находились). В действительности же, это было далеко не так, ибо многие народы, которых ки-

тайские источники зачислили в разряд «вассалов», таковыми никогда не были. Это были независимые от Цинской империи народы, жившие и руководствовавшиеся своими «природными законами, обычаями и традициями», и которые не желали быть чьими-либо вассалами. На этой почве, естественно, стали возникать войны, инициаторами которых неизменно становились цинские правители. С такой вот внешней политикой Пекина и столкнулись на рубеже XVI-XVII вв. многие народы.

Не стали исключением в этом плане и представители «Московии». Внешнеполитические же устремления ее правительства на сибирских и дальневосточных рубежах в указанное выше время во многом зависели от общей внешнеполитической обстановки, складывавшейся в «собственно Центральной Азии» и на Дальнем Востоке, которая в свою очередь, была непосредственным результатом взаимоотношений «тамошних владельцев» между собой, а также с «Московией» и Китаем. Последние, как справедливо отмечали в свое время отечественные и зарубежные исследователи, являлись в то время «самыми сильными государствами в данном регионе». Однако стабильных дипломатических контактов между ними в то время, еще не было, хотя попытки установить таковые московитами» и предпринимались (еще до установления в Китае господства цинской династии, т.е. до 1644 г. – Авт.) [4].

Не был пассивным наблюдателем в деле установления дипломатических связей с «Московией» и Китай. Свидетельство тому – переводы двух китайских грамот времен Минской династии, адресованных русскому царю – Михаилу Федоровичу, которые были обнаружены отечественными исследователями в российских архивах. Первая из них, по свидетельству русского синолога Н.Н.Бантыш-Каменского, относится к 1619 году и связана с именем минского правителя Чжу И-цзюня (1573-1620) [4, с.5-7]. Вторая же грамота, по свидетельству советских востоковедов Н.Ф.Демидовой и В.С.Мясникова, относилась, скорее всего, к периоду правления последнего минского императора Чжу И-цзяня (1628-1644 гг.), которую они датировали второй половиной 1641 – апрелем – маем 1642 г. Она, по их мнению, была доставлена в Москву тарским конным казаком Е. Вершининым, ездившим в 1641-1642 гг. в среднеазиатские и китайские города с торговым «караваном торгоутского тайши Дайчина» [5, с. 167].

Говоря о переводах вышеупомянутых китайских грамот, следует сказать о существенном

замечании отечественных историков, сделанном ими в адрес этих «документов». Дело в том, что подлинники указанных выше грамот исследователями так и не были обнаружены. Словом, в их распоряжении, были только переводы этих грамот, которые впервые были обнародованы Н.Н.Бантыш-Каменским [4]. Эти же переводы, по заявлению советского востоковеда Л.И. Думана, вызвали у специалистов массу нареканий, (по тону, титулатуре и по общему стилю составления указанных выше грамот). «Китайские документы, которые направлялись правителям иностранных государств, заявил он, подобным образом, никогда не оформлялись» [6, с. 266].

И завершая разговор о «главных источниках», свидетельствующих о зарождении русско-китайских отношений в начале XVII века, можно подчеркнуть (опираясь на мнение наших предшественников) относительно содержания упоминавшихся выше переводов китайских грамот) минские правители (исходя, опять-таки, из переводов китайских грамот) не «приветствовали» не только торговлю русских – «лоча» (так называли русских маньчжуры) в Китае, но и приезд в их страну русских послов. И, наконец, последний штрих: правители Китая имели, в соответствии с традицией, три имени: первое – личное; второе – по девизу правления и третье – храмовое (посмертное). В нашем случае – «Чжу И-цзюнь» это личное имя; по девизу правления – он звался «Вань-ли» и, наконец, храмовое его имя было – Шэньзун». С учетом сказанного, мы будем использовать только личное имя правителя, т.е. «Чжу И-цзюнь».

Уточнив эти моменты, возвратимся к переводам вышеупомянутых китайских грамот. Та и другая, подметил в свое время востоковед Л.И. Думан, написаны «в доброжелательном духе», они не содержат даже намека «на столкновение интересов или на недоразумения, имевшие место в отношениях между правительствами Китая и России» [6, с. 266].

Совсем иная ситуация складывается между двумя странами после того, как в Китае установилось господство Цинской династии (т.е. с 1644 года – Авт.). В результате «прискивания новых земель» той и другой стороной», границы двух государств к середине 40-х гг. XVII века очень сблизились, хотя между ними и продолжали оставаться еще громадные территории, на которых проживали многочисленные «независимые народы» – неподвластные пока еще ни Русскому государству, ни Цинской империи, ни какой-либо другой державе. Эти «вольные земли и незави-

симые народы», обитавшие на них, особенно те, что проживали в бассейнах Амура («Хейлунцзяна», Сунгари («Сунхуацзяна», Усури «Вусулицзяна» и других рек превратились в 40-е гг. XVII века в объект «притязаний» и Китая, и России.

Но, прежде, чем говорить об этом подробнее, скажем пару слов о правившей в то время в Китае маньчжурской династии Цин, истоки которой уходят, по свидетельству историков, в конец XVI столетия. Именно на его исходе и появляется на политической арене Восточной Азии новое действующее лицо – «Маньчжурское военно-феодальное государство», правители которого сыграют в последующем печальную роль в истории не только монголов, корейцев и других азиатских народов, но и самих китайцев. Так, кто же эти «маньчжуры» или («маньчжу»), снискавшие себе недобрую славу у многих азиатских народов? По свидетельству источников, это была одна из «ветвей многочисленных южно-тунгусских племен, обитавших в древности на территории Маньчжурии». Ныне такого географического объекта с подобным названием нет ни на одной современной карте Китая. В настоящее время все северо-восточные земли «тех древних насельников «растворились» в новом географическом китайском понятии «Дунбэй» (т.е. северо-восток», ничем не напоминая нам об истории, уходящей своими корнями, аж во вторую половину VII века – Авт.).

Основу хозяйственной деятельности тех древних насельников, проживавших тогда здесь составляли скотоводство, охота и земледелие. Во главе маньчжурского общества стояли их «природные вожди», всецело распоряжавшиеся принадлежавшими роду пастбищами и охотничьими угодьями. В процессе зарождения у маньчжуров в конце XV столетия (как и у большинства народов Центральной Азии – Авт.) феодальных отношений, их племенные предводители превращаются в «наследственных князей» («бэйлэ» титул высшей маньчжурской знати 3-ей степени), которые активно включаются в борьбу за пастбища и охотничьи угодья, а также за наиболее выгодные условия торговли. Согласно свидетельствам китайских источников, во второй половине XVI века в пределах Маньчжурии имелось свыше 60 мелких тунгусских феодальных владений, главы и население которых были весьма заинтересованы в торговле с Китаем, которому маньчжуры (не без выгоды для себя) сбывали – в обмен на продукты китайского земледелия и ремесла – своих лошадей, пушнину и женьшень [8, с. 28].

В 1575 году правителем маньчжуров становится князь Нурхацзи, резиденция которого находилась тогда в местности Хэтуэла (в 195 км к востоку от Мукдена – Авт.). Воспользовавшись выгодным географическим положением своих земель (через них тогда пролегли основные торговые пути в Китай – Авт.), он постепенно подчиняет своему господству ближайшие к нему княжества. Когда в его руках оказалась большая часть последних, Нурхацзи силой принудил их правителей провозгласить себя «ханом Маньчжурского государства». Однако это, еще не означало их политическое подчинение новоявленному маньчжурскому правителю [6, с. 338]. И, тем не менее, это свидетельствовало о завершении многолетней борьбы правителей тунгусских княжеств за верховную власть, участие в которой приняли и монгольские феодалы, владения которых находились по соседству с маньчжурскими княжествами. Укрепляя свое могущество, Нурхацзи подчинил своему влиянию (в конце XVI – начале XVII века – Авт.) южно-монгольские и северо-монгольские княжества. Решив эту важную для себя, внешнеполитическую задачу, он, не теряя времени, двинул свои войска на Корею. Этим походом, Нурхацзи открыл в 1618 году эпоху маньчжурских завоевательных войн. Тогда же он вступил и в борьбу с империей Мин. Этот шаг Нурхацзи неоднозначно оценили монгольские феодалы, с давних пор обогащавшиеся (за счет подарков, получаемых ими от китайского правительства, «за их службу по охране китайской границы», а также и за счет военных набегов на пограничные территории Китая – Авт.). Поэтому война с Минской династией была воспринята монгольскими феодалами, как «лишение их маньчжурским правителем законной статьи своего дохода». Поэтому, когда в августе 1619 года маньчжуры овладели китайским городом Телинчэном, на победителей неожиданно напало 10-тысячное монгольское войско, но безуспешно. В результате разгрома нападавших, маньчжуры пленили многих крупных монгольских феодалов, в т.ч. «бэйлэ» Дзасайя с двумя сыновьями, тайджу Сэбэн из княжества Джаруд и сына хорчинского тайджи Минганя и др. [3, гл. 6, с. 226].

Поражение монголов под Телинчэном вызвало неоднозначную реакцию у правителя Чахарского княжества Лигдэн-хана, не принимавшего участия в этом походе. В декабре 1619 года в ставку Нурхацзи прибыли одновременно – послы Чахарского правителя и «послы князей «пяти халхаских племен». Лигдэн-хан в резкой форме потребовал тогда от Нурхацзи не совершать боль-

ше военных походов на территорию империи Мин, угрожая, в противном случае, войною [3, гл. 6, с. 32а]. Заявление Чахарского правителя вызвало у маньчжуров бурю негодования. Первым делом Нурхацзи задержал послов Лигдэн-хана. Но, сделав это, он, в то же время, послал к последнему своего дипломата с письмом, в котором предлагал Лигдэн-хану, естественно, в ультимативном духе – Авт.) заключить военный союз двух родственных (по обычаям и общественному устройству) народов против Минов [3, гл. 7, с. 36]. Но Лигдэн-хан «высокомерно отверг маньчжурский ультиматум» и задержал посла Нурхацзи. Вскоре до последнего дошел слух и о казни его посланца. Не проверив истинность «доверительного сообщения», маньчжурский правитель тут же казнил посла Лигдэн-хана [3, гл. 7, с. 46-5а].

Совершенно с иными целями прибыли в ставку маньчжурского правителя послы «пяти халхаских племен». В переданном ему от их владетелей письме содержались извинения за действия Дзасайи, а также предложение: заключить военно-политический союз против минского Китая. «Мины, говорилось в монгольском письме, враждебное нам государство. Если идти против него войной, необходимо совместно составить...-планы похода... В случае заключения мира с Минами, то решение об этом, также следует принять совместно...Если же Мины пришлют много подарков для Вашего государства и меньше для нашего, Ваше государство не должно их принимать их». Со своей стороны монголы обязывались поступать таким же образом [3, гл. 6, с. 33а]. Словом, действия владетельных князей «пяти халхаских племен» в полной мере соответствовали внешнеполитическим амбициям маньчжуров и развязывали, таким образом, им руки.

Агрессивные устремления соседей, естественно, обеспокоили монголов. Не были спокойными (начиная войну) и сами маньчжуры. Но их беспокойство было совсем другого порядка: они отчетливо понимали, что их военные успехи всецело будут зависеть от прочности и надежности их правого фланга, где соседями маньчжуров были независимые монгольские княжества. Вот почему ликвидация их независимости и стала одной из первостепенных внешнеполитических задач Нурхацзи и возглавляемого им государства.

Но устремления маньчжурского правителя, никак не совпадали с интересами монгольских феодалов, стремившихся любыми путями сохранить свою политическую независимость. Не чуждо было это их стремление и народным массам

Монголии, ибо установление над их страной маньчжурского господства не сулило им ничего хорошего, кроме дополнительного гнета. Именно это противостояние интересов двух сторон – монгольской и маньчжурской – и предопределило ожесточенную борьбу между ними, которая затянется на полтора с лишним века.

Чтобы добиться в ней победы, маньчжуры умело воспользовались феодальной раздробленностью Монголии. Она же в то время была разделена на три части: Южную Монголию, Северную Монголию (или Халху) и Ойратию. В свою очередь, каждая из названных частей делилась на множество мелких феодальных владений, правителей которых и надо было сокрушить маньчжурам. И они справились с этой задачей, умело используя для этого, подкуп, обман, провокации, а кое-где и силу оружия. Благодаря этому «арсеналу», маньчжурские завоеватели уже в первые два десятилетия XVII века смогли установить свое господство почти над всей территорией Монголии. Вне их контроля оставалось лишь владение «хана Лигдэна» (правнука старшего сына Даян-хана – Авт.). И хотя в одиночку противостоять маньчжурам ему было трудно, он, тем не менее, отказался принять предложение нового маньчжурского правителя - Абахая (сына Нурхацзи, умершего в 1626 г. – Авт.) перейти к нему на службу [4, с. 193]. Продолжая борьбу с маньчжурами, «упрямый варвар» попытался даже заключить антиманьчжурский союз с Минской династией, но безуспешно: летом 1634 года Лигдэн-хан был наголову разбит Абахаем. Одержав победу над «непокорным смутьяном», последний, сурово расправился с ним. Захватив Чахарское ханство, Абахай «раздробил» его на мелкие владения, которые «милостиво пожаловал своим послушным вассалам» [4, с. 194]. «Обещанный» Лигдэн-хан отступил с остатками своих войск к Кукунору (Цинхяю) – бессточному, соленому озеру в горах Наньшаня – Авт.), где вскоре и умер. После его смерти «дело отца» т.е. борьбу с маньчжурами продолжил его сын – хан Эчже. Но, тоже – безуспешно: вскоре «строптивец» был окружен маньчжурами, схвачен и казнен ими [4, с. 194].

Победа Абахая над владетельными князьями Южной Монголии «принесла» ему в 1636 году титул «хана Монголии». Этим «провозглашением и закончился, как принято считать, первый этап завоевания Монголии маньчжурами.

Следующим их шагом в деле установления своего господства в регионе, стало покорение Северной Монголии, которая на рубеже XVI-

XVII вв. состояла из семи самостоятельных княжеств, в силу этого, она имела и второе официальное название – «Халхаин долон хошун» («Семь халхаских хошунов») [2, с.172-173]. В это время в ней особенно выделялись своей силой и могуществом три феодала: Тушэту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан. Владения первого простирались по берегам р.Толы, верховьям Орхона и далее на запад, вдоль р.Тамир, второго (т.е. Дзасакту-хана) находились в районе Хангая и третьего (Цэцэн – хана) по р.Керулен [3, с. 97]. К началу века эти феодалы подчинили своему влиянию всех остальных владетельных князей и стали играть первостепенную роль в истории Северной Монголии [2, с. 173].

Но став «вершителями» народных судеб и своей родины в целом, они совсем не «по-хозяйски» распорядились предоставленным им историей шансом. Когда их соплеменники, жившие в южно-монгольских княжествах, истекали кровью в борьбе с маньчжурскими захватчиками, «три северных бога», блюдя свои личные интересы, способствовали своим «бездействием превращению своей родины в провинцию Маньчжурского государства». В защиту «южан» выступил только лишь известный в Халхе поэт и сторонник объединения страны Цокто-тайджи, вступивший в союз с Лигдэн-ханом, за что он и был изгнан «северными богами» из Халхи. После смерти своего союзника, он в одиночку, продолжал борьбу с захватчиками и их пособниками – тибетскими и кукунорскими феодалами – и геройски погиб в одном из сражений в районе озера Кукунор [4, с. 194].

Столкнувшись с печальной судьбой южан, правители Халхи сразу же предприняли попытку «завоевать доверие» у победителей Чахарского ханства. С этой целью и прибыло в январе 1636 года ко двору маньчжурского правителя посольство Цэцэн-хана (4 посла и 132 «их сопроводителя» – Авт.). В доставленном послами «Сыну Неба» письме выражалось желание «Цэцэн-хана» жить «с Ним в мире и согласии» [4, с. 143]. Словесные заверения своего владетеля его послы «подкрепили» богатыми дарами: верблюдами, лошадьми и собольими шкурками [4, с. 194]. «Почтение признательного варвара» с «удовольствием» было встречено правителем Маньчжурского государства, который щедро награждал первых халхаских послов [5, гл. 27, с. 17а]. Внимание и дары «Сына Неба», естественно, воодушевили Цэцэн – хана. Чтобы завоевать у него еще большее доверие, он отправляет в сентябре 1637 г. в Пекин новое свое

посольство. Выражая от имени своего «досточтимого Цэцэн-хана» высокие пожелания и благодарности «солнцеликому Абахая», его послы передали в дар последнему 40 лошадей и «множество шкурков соболя и выдры» [6, гл. 38, с. 56].

Пример Цэцэн-хана «заразил» и других владетельных правителей Халхи. В октябре 1637 г. в Пекин прибыли послы «от Тушету-хана и весьма «изумили Абахая своими дарами», в числе коих значились «два золотых лука и три коня» [4, с. 194]. Но еще больше удивило «Сына Неба» второе посольство Тушету-хана», отправленное им в Пекин (совместно с феодалами аймака Тумэт – Авт.). Прибыв в столицу в сентябре 1638 г., оно «явило Сыну Неба свои «дары»: лошадей, верблюдов, собольи шкурки, меха выдры, дикого кота, перья орла, дробовики и прочие предметы». Как и в случае с предыдущими посольствами, Абахай не остался в «долгу» и тоже «щедро одарил халхаских послов и отправивших их «хозяев» [5, гл. 43, с. 15а]. Вслед за «северными богами Халхи», в ставку маньчжурского правителя «потянулись» после этого и другие халхаские феодалы, добровольно предложившие ему «свою дружбу». До поры до времени, Абахай милостиво принимал халхаских «доброхотов» и их «подарки». И здесь нельзя не сказать несколько слов относительно «даров», посылавшихся «Сыну Неба» владетельными монгольскими феодалами (и не только ими – Авт.) и «наград», которыми удостоивал «Сын Неба» послов владетельных «варваров». Первые (согласно доктрине «китаецентризма» Авт.) китайские источники неизменно именуют «данью». Хотя пестрый состав и эпизодичность приезда в нашем случае – халхаских послов дают все основания рассматривать вручаемые ими «Сыну Неба» подношения не как дань, а как обычное для норм феодальной дипломатии подарки от одного правителя другому при установлении меж ними дипломатических контактов. Но эта норма общепринятых дипломатических связей была «пересмотрена китайскими правителями опять-таки, с позиции их политики «китаецентризма», в силу чего даже представители европейских государств, в том числе и «Московии» стали для Пекина «варварами, не говоря уже о южных монголах. Стараясь привлечь их правителей на свою сторону, Пекин не жалел «подарков». Именно так и поступал Абахай по отношению к халхаским князьям, в частности, к Цэцэн-хану и другим владетелям, направляя к ним свои посольства с подарками в марте 1636 г. и в январе 1637 года [5, гл. 32, с. 7а].

И такая практика посольских связей между владетельными феодалами Халхи и Пекином будет иметь место и в последующие годы. Так, в октябре 1643 г. подданный Тушету-хана преподнесет «Сыну Неба» «оседланных коней, серебро, деньги, чай, благовония, другие предметы и вещи», которые с «благодарностью будут приняты» последним [6, гл. 2, с. 116]. Подобного рода «дары» (согласно, китайской терминологии) преподносились им «Сыну Неба» и в дальнейшем. В частности, в декабре 1644 г. ему были «переданы мулы, лошади и др.» [6, гл. 20, с. 15а], в 1645 г. – «только – лошади, (но сколько, источник об этом умалчивает – Авт.). Но это «умолчание» уже отнюдь «не халатность чиновника – делопроизводителя, а уже политика». Кроме этого, в указанных записях нет и сведений относительно «ответного одаривания» (согласно установленным дипломатическим этикетом нормам) прибывших монгольских послов всегда одаривали «ответными подарками», Это всегда соблюдалось дипломатическим этикетом, характерным для дипломатических сношений между Цинской империей и халхаскими владетелями тех лет.

Теперь к 1638 году, положение маньчжуров в Южной Монголии при императоре Фулине («Шуньчжи») (такое имя имел он по девизу своего правления – «благоприятное»; храмовое же его имя – было – «Шицзу» Авт.) заметно окрепло, а посему, характер маньчжуро-халхаских отношений резко изменился. Отныне в дипломатии Пекинского двора все отчетливее стал просматриваться диктат, а также стремление добиться от халхаских феодалов признания их зависимости от Пекина.

Иначе говоря, «игра» в дипломатию «Сыну Неба» порядком надоела и он решительно потребовал от своих «служб» прекратить («игру в дружбу с былыми друзьями» с их «обязательным одариванием лошадьми»). Иначе говоря, Пекин «осознанно прекратил былую поставку лошадей в армию своих противников». Поступать таким же образом Пекин приказал и по отношению к халхаским доброхотам». Особенно строго наказал он соблюдать этот приказ, по отношению к «варвару Лигдэн-хану». Резкий окрик недавнего «благодетеля», сразу же подействовал на халхаских владетелей. Не посмеяв его послушаться, они тут же прекратили свои торговые связи с Минским Китаем. После этого, маньчжурские завоеватели стали бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела Северной Монголии. Это обстоятельство убедило, наконец-то, ее феодальных владетелей (больших и мелких) в том, что мань-

чжурская агрессия на Халху, увы, не за горами. Чтобы предотвратить ее, они собираются в 1640 году на всемонгольский «курултай» – т.е. съезд на котором принимают два важных решения: 1) «урегулировать свои, внутримонгольские дела» и 2) «объединить усилия всех монгольских правителей в «предотвращении надвигающейся маньчжурской угрозы». Правда, претворение в жизнь этих важных для себя решений, халхасцы отложили, увы, «до наступления благоприятного момента» [4, с. 195]. И он наступил: в 1643 году умер маньчжурский хан Абахай. К этому времени «северные боги» Тушэту-хан и Цэцэн-хан в полной мере осознали реальность маньчжурской агрессии, нависшей над Халхой. Чтобы отвести ее, они приняли решение поддержать антиманьчжурское выступление главы суннитов Южно-монгольского аймака – князя Тингиса. Последний, как известно, пренебрег в свое время, «цинским подданством и бежал летом 1646 года со своими людьми от «маньчжурских покровителей» и укрылся (на беду халхасцев) во владениях Цэцэн-хана. Используя это обстоятельство, маньчжуры тут же нанесли удар, естественно, не столько по Тенгису, сколько по его халхаскому «спасителю» т.е. Цэцэн-хану» [6, гл. 26, с. 26]. 14 июня 1646 г. Цины обнародовали в Южной Монголии императорский указ о мобилизации всех южно-монгольских войск для похода на Халху. Спустя несколько дней, они выступили в поход. В ходе нескольких сражений «бунтовщики» были разбиты. Но их «главарю» (Тингису) вновь удалось спастись. 27 августа населению Южной Монголии было объявлено об «усмирении» суннитов» [6, гл. 27, с. 106].

Преследуя их предводителя (Тингиса – Авт.), маньчжуры стали вторгаться все глубже на запад от р. Толы. Тушету-хан и Цэцэн-хан пытались «оружно» остановить это их продвижение. 23 августа, возле урочища Чжацзибулак, маньчжуров встретила 20-тысячная армия во главе с двумя сыновьями Тушету-хана. Но задержать маньчжуров, ей не удалось. Не смогло сделать это, и день спустя, и 30-тысячное войско Цэцэн-хана. И вновь неудачно [6, гл. 27, с. 196]. Главная причина неудач монгольских войск в их противодействии маньчжурам заключалась в разобщенности и разрозненности действий халхаских феодалов.

Но одержав две важных победы, маньчжурская армия тоже не смогла идти дальше на запад: она была сильно измотана и нуждалась в отдыхе. Поэтому, 26 августа она двинулась в обратный путь. Ее командующий (Додо – Авт.) был

в «сильном волнении». Несмотря на разгром войск Тушету-хана и Цэцэн-хана, решить главную задачу похода: (пленить Тингиса и Цэцэн-хана) ему не удалось. Это-то и пугало возвращавшегося домой полководца [6, гл. 27, с. 196].

Но, несмотря на нерешенность главной своей задачи, Пекин, тем не менее, получил в ходе предпринятых им акций один очень важный для себя результат: ему удалось «обкатать» идею подчинения себе Халхи военным путем. Иначе говоря, Пекин обрел, благодаря этому походу, четкое понимание того, что в решении «халхаской проблемы» нецелесообразно прибегать к услугам армии. Причинами такого отказа стали, во-первых, отдаленность этой «страны от империи, а, во-вторых, сложности в «деле обеспечения войск всем необходимым». Но, несмотря, «на трудности», вопрос с Халхой (и это было очевидно), Пекину надо было решать, причем, безотлагательно, поскольку он был связан с обеспечением безопасности северных границ империи, что имело особое значение в условиях непрекращающейся войны внутри самого Китая. В силу всех этих обстоятельств, было решено подчинить халхаских ханов своему влиянию мирным путем.

И эта победа над восставшими, придала, что, вне всякого сомнения, уверенность маньчжурам. Воспользовавшись предательством китайских феодалов, они овладели в 1644 году столицей Минов городом Пекином, свергли с – Драконового трона – бывших китайских правителей. Захватив власть, маньчжуры положили, тем самым, начало правлению в стране новой маньчжурской династии Цин. Как известно, маньчжуры, создав в 1636 году свое государство, назвали его «Цин» (или «Дай Цин» – «Великое Цин»). После захвата же Пекина в 1644 г. название «Дай Цин» стало применяться ими как для обозначения маньчжурской правящей в Китае династии, так и для обозначения всей китайской империи в целом).

Происшедшие в стране события существенно осложнили положение и княжеств Северной Монголии, и ее населения. Если раньше халхаские ханы отказывались присылать маньчжурам своих заложников, то теперь они вынуждены были капитулировать перед Цинами и отправлять в Пекин своих заложников – уже в обязательном порядке. Все это свидетельствовало о том, что дни независимости Халхи уже сочтены.

Решение этой важной для себя задачи, подчинение Халхи своему влиянию Пекин начал с конкретных шагов: 12 октября 1646 года он направил владетельным правителям Халхи императорский указ с требованием разыскать, схва-

тить и передать маньчжурам «бунтовщика» Тингиса и его брата Тэнгитя. Невыполнение ханами указа «Сына Неба» грозило вторжением маньчжуров в Халху [6, гл. 28, с. 6а]. Получив «грозное послание из Пекина», халхаские владетели, в частности, Цэцэн – хан, блудя, больше всего свои личные интересы, направил «Сыну Неба» послание в котором просил «Его: восстановить «былые меж ними мирные отношения». И Пекин, надо сказать, тут же отреагировал на это послание. В мае 1647 г. Цэцэн-хан получил на свою просьбу характерный, для «Цинов ответ»: от имени «Сына Неба», ему предоставлялось право сделать выбор: либо самому «схватить Тингиса и его людей и выдать «бунтовщиков» маньчжурам, либо самому «оружно уничтожить их». В случае «неповиновения», проситель и все северо-монгольские феодалы обязаны были прислать в Пекин «своих близких и доверенных сановников в качестве заложников, и их жизнями гарантировать свое невмешательство в судьбу нового карательного похода против суннитов» [6, гл. 31, с. 14а-14б].

Однако излюбленный прием маньчжуров – натравливать своих противников друг на друга (в нашем случае – одних монголов на других) дал на «сей раз сбой»: халхасцы – «молчаливо проигнорировали все требования Пекина. Это обстоятельство послужило, на наш взгляд, главной причиной «охлаждения» их дипломатических контактов с Пекином. Лишь сдача в 1646 г. Тингиса маньчжурам сделала возможной их реанимацию. Инициаторами в том «грязном деле» в очередной раз стали Тушету-хан и Цэцэн-хан, пославшие послов с подарками и, как свидетельствует источник, «их доклады с просьбами о прощении» и «немалые выкупы за некогда совершенные ими проступки». (кстати, посланный Цэцэн-ханом Фулиню «выкуп» состоял из 100 верблюдов и 1000 лошадей [6, гл. 3, с. 3б]). Но это «не размягчило» сердце. «Сына Неба, который потребовал-таки (от Тушету-хана и Цэцэн-хана) прислать ему в качества заложников «своих сыновей». Но на это требование «хозяина драконового трона» оба халхасца» вновь «ответили молчанием» [7, гл. 3, с. 3б].

Следует отметить, что в те годы в отношениях халхаских ханов и Пекина сложилась весьма занятая ситуация: последний продолжал принимать халхаских послов и подарки – «дань», направляемые халхасцами «Сыну Неба». Принимая щедрые дары, хозяин драконового трона стремился, в то же время, усилить зависимость Халхи от Цинской империи. Воспользовавшись

вооруженным нападением подвластного Дзасакту-хану феодала – «Омбо-эрдэни» – на Гуйхуачэн, император Фулинь предъявил халхаским владетельным правителям (большим и малым – Авт.) ультимативное требование: «поклонитесь перед Небом и Землей», в том, что вы «заключите дружественный союз с Цинской империей» [6, гл. 48, с. 5а]. Главной особенностью заключаемого союза было то, что договаривающиеся между собой стороны не были равноправными: слабый всегда должен был уступить сильному и подчиниться ему, т.е. халхаские ханы должны были изначально признать свою зависимость от Маньчжурского государства. Эту зависимость от него стороны обязаны были регулярно подтверждать своевременным представлением «Сыну Неба дани»: одного [белого] верблюда и восемь [белых лошадей], т.е. это была (так называемая «дань из девяти белых предметов» Авт.). За ее регулярную уплату император благосклонно позволял ханам, дававшим ему ее, «присылать к нему своих сановников» [6, гл. 51, с. 86].

Занятый «междоусобными» делами Южной (Внутренней) и Северной Монголии (Халхой), Пекин упустил, по сути дела, из виду, активные действия представителей «Олосыго» (так китайский источник называет Русское государство Авт.) в Приамурье и в Приморье, активное освоение которых «лоча» начали в конце 30-х – начале 40-х гг. XVII века. В частности, в 1639-1640 гг. Иван Москвитин со своими людьми добрался, согласно источнику, «до Охотского моря», а казаки, ведомые Василием Поярковым, прошли «по Амуру и Зее к устью Сунгари, к Охотскому морю и далее по реке Улье». До этих земель (по Амуру, в устьях рек Сунгари и Кумары) добрался в 1649-1650 гг. и русский землепроходец Ерофей Хабаров. Позднее, здесь по свидетельству В.А.Александрова, побывают Онуфрий Степанов и другие русские землепроходцы». [Александров. На дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.), М., 1969].

Эти походы русских казаков и «охочих людей» сопровождались, как правило, подчинением тамошних аборигенов «высокой государевой руке» и принятием ими русского подданства, с последующей платой «ясака белому царю» «Чагань-хану» (по китайским документам – Авт.). Вне сомнения, что присоединение и освоение «новоприисканных земель и объясачивание тамошних инородцев» не обходились без насилия. Но последнее явно не играло главной роли в этих делах. Дело в том, что при небольшой численности землепроходцев (чаще всего не более 100

человек) трудно было бы присоединить такие огромные территории к Русскому государству, если бы аборигены были против этого. Явно, что это его «приращение» новыми землями без поддержки и желания» со стороны аборигенов не обошлось. Свидетельство тому – документы, предписывавшие землепроходцам «чинить расширение Российскому государству», но «им под страхом смерти воспрещалось «разорять войною, тамошних «инородцев... Учинять их под нашею...высокою рукою (можно было) – «только ласкою и приветом, но, не жесточью...» [Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и док-ты. Т. 1. 1608-1683. – М.,1969. С.204]. Именно такое отношение русских землепроходцев к «приисканию новых земель и приведению в вечное холопство тамошних инородцев» позволило им построить к середине XVII в., к примеру, в Приамурье несколько острогов (Албазинский и Ачанский (1651), Кумарский (1652) и Нерчинский (1654) и с их помощью прочно обосноваться там. Но эти действия «лоча» (так именовали русских людей китайские источники – Авт.), естественно, противоречили планам «Сына Неба». Поэтому цинские власти, следуя его указаниям, неоднократно предпринимали попытки силой вытеснить русских с Амура и из бассейна Аргуни и Сунгари. Этот их шаг знаменовал собою «рождение силовых начал» в проводимой цинским правительством агрессивной политики против Русского государства [Внешняя... с. 263].

Первое свое нападение на «лоча» цинские войска совершили, в марте 1652 года. Тогда из Нингутского гарнизона, которым командовал джангин Хайсе, отправился специальный отряд, который должен был «проверить крепость и надежность обороны» Ачанского острога, расположенного в Амурском бассейне. «На утренней заре (24 марта – Авт.), как донесет потом Е.П. Хабаров, на них неожиданно напали маньчжуры, используя «огненный бой» ружья и пушки». Однако казаки, возглавляемые Е.П. Хабаровым, не только выстояли против превосходивших сил противника, но и нанесли ему сокрушительное поражение. В том бою нападавшие потеряли только убитыми 676 человек. Защищавшиеся же казаки потеряли убитыми 10 человек и 78 человек было ранено. Немало нападавших попало в плен. Один из них – «по имени Кабышейка явил на допросе», т.е. сообщил на, что он «служилой человек Нюлгуцкого города,, а ехали они на конях [до Ачанска] три месяца» [Русско-китайские... с. 136-137]. Снести такого «позора» цинский император, естественно, не мог. Поэтому 9

(19) октября 1652 года он издал указ, в соответствии с которым командующий войсками Хайсе был казнен, а его заместитель Сифу, получив 100 ударов плетью, был отстранен от должности, но был оставлен служить в Нингуте [21, гл. 68, с. 24а].

Говоря об этом нападении маньчжуров на Ачанский острог, следует подчеркнуть, что он находился от гарнизона Нингуты за несколько сот километров. Это реальное свидетельство того, что с одной стороны, границы России и Китая были разделены в то время значительными расстояниями, а с другой, что «Амурский бассейн» не находился тогда еще под властью Цинской династии, в силу чего направление ею своих войск на столь удаленное от метрополии расстояние означало ничто иное, как вторжение «в чужие пределы».

Однако это обстоятельство не было принято во внимание Пекином. Более того, после «Ачанского инцидента» он развязывает военные действия против русских в Приамурье, причем, не объявляя им войны и не предъявляя им каких-либо претензий по дипломатическим каналам. Иначе говоря, цинское правительство официально не вступало в военный конфликт с Русским государством, а имевшие место «военные стычки» с русскими землепроходцами в Приамурье и Приморье оно рассматривало как «карательные меры», применявшиеся им против «частных лиц – нарушителей границ», поставивших себя своими действиями вне закона». Этой «ширмой» Пекин будет прикрываться и позднее, чтобы оправдывать свои агрессивные действия. Это составляло одну из главных особенностей агрессивной политики Цинской империи по отношению к Русскому государству в то далекое время. Подобного рода устремления Цинов, несомненно, вытекали как раз из идеи, унаследованной ими от «былых китайских императоров, о величии «Сына Неба как господина всей Вселенной и его права господствовать всем миром, властвовать над соседними странами». Видимо, следуя этим принципам, и китайские источники, в частности, «Да Цин личао шилу» («Хроника правления всех государей великой [династии] Цин») фиксировали (весьма лаконично) информацию о походах цинских войск против русских, почти полностью исключая данные об официальных взаимоотношениях Китая с Русскими государством.

Первое сообщение о дипломатических связях Цинов с последним зафиксировала вышеназванная «Хроника». Оно датировано 25 июня 1655 года. Его текст (в уточненном советским востоковедом Л.И. Думаном варианте – Авт.)

гласит: «Указ [императора Цин] Чагань-хану Русского государства (Олосыго)... «Твое государство находится далеко на северо-западе. Прежде, еще никто [от Вас] не прибывал в Китай (Чжун-хуа). Ныне ты (обращение не как к правителю государства – Вы, а как к подданному – т.е. во втором лице) искренно обратился к [нашей] цивилизации и направил посланника с данью (не с подарками – выражение, применяемое в официальной дипломатической практике, а «данью», получаемой сюзереном от вассала) из местных изделий. Мы весьма одобряем это. Специально жалуюм (естественно, «тебя») наградой. Тотчас же отпускаю твоего посланника. Выражаю наши чувства гуманизма [дословно: мягкости], далеко распространяющиеся. Ты их с уважением прими. Навеки будь предан и послушен, и этим (ты) ответишь на милость и любовь [нашу]» [Внеш... с. 273]. К сожалению, подчеркнул автор данного перевода, китайский источник ничего не сообщил нам, в связи с чем увидел свет вышеприведенный указ китайского императора. Однако, опираясь на косвенные данные китайских и русских архивных документов, а также беря во внимание дату указа, он предположил, что указ «Сына Неба» появился в связи с прибытием в Пекин гонцов П. Ярыжкина и С. Аблина, отправленных из Тобольска (с торговым караваном – Авт.) 9 июля 1653 года, чтобы сообщить о скором прибытии в Китай русского посла Ф.И. Байкова (его посольство отправится из Тобольска 25 июня 1654 г. и прибудет в Пекин в 1656 г. – Авт.) [Демидова, Мясников/Первые русские дипломаты... с. 89].

Обосновывая свои доводы, в связи чем было связано появление приведенного выше императорского указа, Л.И.Думан приводит еще один аргумент в пользу своего заключения: русские гонцы П. Ярыжкин и С. Аблин «в третьей декаде июня 1655 года (т.е. на время датировки указа «Сына Неба» в «Хронике») еще находились в Пекине. Но какие-либо сведения об этом «Хроника» не сохранила. Но это подтверждает один из вариантов статейного списка Ф.И. Байкова, в котором говорится, что маньчжурские чиновники довели до его сведения, что «...от вашего де великого государя приезжал, прежде тебя, посол Петр Ярыжкин и сказывался тот посол...[что он] у своего великого государя первой человек, да и тот де повеления все творил нашева царя – в приказ де к царевым людем приезжал и, на колено припадши, кланялся...» [Там же. С.131]. Трудно судить, говорит Л.И. Думан, что именно так обстояло дело, как говорили об этом Ф.И. Бай-

кову цинские чиновники, действительно ли совершали русские гонцы обряд «коу-тоу», ибо такое событие – как принятие «Сыном Неба» русских послов, несомненно, нашло бы свое отражение в «Хронике» [Внеш... с. 344]. Хотя, как подчеркивает исследователь, не это самое главное, а то, что результатом поездки русских гонцов в Пекин стала первая официальная грамота цинского императора русскому царю Внеш... с. 274]. Однако этот официальный документ в полной мере продемонстрировал стремление правителя Цинской империи рассматривать Русское государство как своего вассала и строить на этой основе все отношения с ним, в том числе и в сфере внешней политики. Это в еще большей степени демонстрирует дипломатическая миссия Ф.И. Байкова, которая прибывает в Пекин, как уже упоминалось выше, в 1656 году.

Однако, прежде, чем повести разговор об этом, отметим, наряду с «заблуждениями» правителей государства Цин относительно границ России, ее населения, ее могущества, авторитета на международной арене, и о «слабых познаниях» Московского правительства о Цинской империи, ее внутреннем и внешнем положении, ибо только этим можно объяснить, то, что даже в 1650-1651 гг. оно не «ведало», кто же стоит во главе маньчжурского государства, а потому и слало оно своих служилых людей то к богдойскому, то к никанским царям с предложениями «учиниться под высокую руку Великия, Малыя и Белья Русии Самодержца» [Русско-кит. С.201].

Словом, в такой ситуации, когда русское и цинское правительства, не имея друг о друге четкого представления, естественно, не в силах были решать какие-либо внешнеполитические и иные проблемы, касавшиеся интересов двух государств. А решать их было необходимо. И кто-то из них должен был сделать в этом направлении шаг первым. Таким первопроходцем и стало Русское государство.

Взяв инициативу на себя, оно направило в Китай, как уже упоминалось выше, в 1656 году посольство, которое возглавил Ф.И. Байков. Его посылка, по справедливому замечанию Н.Ф. Демидовой, «была подготовлена всей предысторией русско-китайских отношений» [Демид-Мяс... с. 87]. Действительно, приближение русских владений на Амуре к границам Цинской империи (хотя в действительности, их продолжали разделять еще многие сотни километров) порождало необходимость установления между двумя государствами добрососедских отношений и развития торговых связей с Китаем и соседними с

ним странами. Однако главная цель, которую должна была решить посольская миссия Ф.И. Байкова, заключалась (это отразила данная ему царская грамота, адресованная цинскому императору – Авт.) в установлении добрососедских дипломатических контактов с Китаем. «А ныне, мы, великий государь, гласила она,.. слыша, что вы, богдыхан-царь, с окрестными своими соседями, которые к Китайскому царству поблику, держишь дружбу и ссылку, и послы, и посланники меж вами о дружбе и о любви на обе стороны ходят, и для того, что ваше Китайское царство подошло (к нашим царского величества отчинам, к украинным городам Сибирского царствия, хотим мы,..с вами, бугдыханом-царем, от нынешнего времени вперед быти в приятной дружбе и любви и в ссылке быть так же, как мы [находимся] ...в ссылке...с турскими салтаны и с персидскими шахи и с иными окрестными великими государями...» [Рус-кит. С.167].

Но, наряду с этой задачей, перед Ф.И. Байковым стояла и другая задача, которую предельно четко отразила наказная память, данная ему 2 февраля 1654 года. Согласно ей, послу надлежало разузнать, какие товары следует покупать в Китае, а какие товары везти туда и на какую сумму...». Кроме того, надо было выяснить, «...будет ли торг впредь п[р]очен и чаять ли [Москве]...прибыли [от него]» [Рус-кит... с. 151].

Решая задачи «торговой направленности», Байков обязан был уяснить (причем во всех подробностях – Авт.) и условия торговли в Китае, цены на товары, их номенклатуру, о получаемых купцами, государством прибылях и др. Предусмотрена была и тактика посла на случай, если «ближние люди императора» будут задавать ему вопросы о «торговых делах в Московском государстве». На это ему следовало ответить: «...если маньчжурский государь пошлет в Московское государство своих послов и купецких людей с товары, то русский царь пожалует оных послов и купчин своим государевым жалованием и разрешит им торговать повольно, а государевых пошлин повелит не брать...» [Рус-кит... с. 158-159].

Помимо этих задач, посольство Ф.И. Байкова должно было собрать сведения о внутреннем и внешнеполитическом положении маньчжурского государства, особенно в части, того с кем оно состоит в дружбе, а с кем воюет. Но больше всего Москву интересовало: пойдет ли китайский император на установление с Москвою дипломатических отношений и отправит ли он своих послов и купцов в Россию.

Кроме указанных задач, Ф.И. Байков, обязан был выполнить еще один правительственный наказ: речь в нем шла о соблюдении Ф.И. Байковым посольского ритуала. Согласно «коему государеву грамоту посол обязан был «вручить лично и только императору» и «ни при каких «коллизиях» не отдавать ее «ближним [его] думным людям и речи оным не говорить» [Рус-кит... с. 154]. Иначе говоря, русский посол не должен был вступать в переговоры с представителями «Сына Неба», а вести переговоры только с императором.

Конкретизировал наказ и правила поведения посла при посещении им императорского дворца. Будучи в нем, Байков не должен был кланяться «никакому порогу» [Рус-кит... с. 155], и даже, если будет предложено, то «в ногу их царя... не целовать» [Рус-кит... с. 156]. На приеме у императора посол должен был «поклониться, обычным, рядовым поклоном», справиться о здоровье их царя» и передать, что «наш государь пребывает «в добром здравии» [Рус-кит... с. 156]. «А коль бугдыхан не справится о здоровье царского величества, то тогда послу предписывалось сразу же говорить, «что он, бугдыхан-царь...относится к нашему великому государю.. с нелюбовью, поскольку он что про его царского величества здоровье не спросил и тем самым чести великому государю не учинил...» [Рус-кит...с.156].

Предписывала наказная грамота как следует поступать послу и с государевыми «дарами китайскому императору». Согласно предписанию, он обязан был вручить их «только богдыхану», притом «вежливо и остерегательно». И сделать это полагалось только после вручения ему «государевой грамоты» [Рус-кит... с. 157].

Немало наказов было сделано Байкову и относительно приема им ответной грамоты от китайского императора. Ее посол мог взять только в присутствии последнего. И лишь в крайнем случае (если послу не удастся добиться личного присутствия «Сына Неба») он мог взять ее «на подворье», но непременно потребовать от приближенных императора «копии грамоты», дабы «ведать, с чем его отпускает» к царскому величеству их «богдыхан» [Рус-кит... с. 163]. Особое внимание посол обязан был обратить на соблюдение китайцами «титулования Московского государя». Если таковое будет сделано неправильно или будет отсутствовать совсем, то Ф.И. Байков не должен был принимать такую грамоту [Рус-кит... с. 163]. И, наконец, наказ определял, как должен был поступить посол, если его пригласят «к столу» во дворец императора: туда Байков обязан был пойти только в том слу-

чае, если там будут присутствовать послы других государств [Рус-кит... с. 159].

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что русское правительство придавало посольскому ритуалу очень большое внимание, ибо его выполнение принимающей стороной обеспечивало поддержание престижа Русского государства, а нарушение его – могло свидетельствовать о «нелояльности» принимающих к нему.

Однако в цинском Китае, с давних пор бытовал посольский церемониал, существенно отличавшийся от русского и европейского в целом. Основу его составляли отношения, характерные для отношений между сюзереном и вассалами. В силу этого, посольская миссия Ф.И. Байкова уже изначально была обречена на неудачу. Но Москва, отправляя своего посла в Китай, естественно, не знало о всех «тонкостях» китайского посольского церемониала, чем и ставила своего посланника в очень сложное положение. Но об этом, увы, ничего не ведал Ф.И. Байков, отправившийся 23 мая 1653 года из Москвы в Тобольск, а 25 июня 1654 года – оттуда в Пекин, куда и прибыл он 3 марта 1656 года [Демид-Мяс... с. 93].

Прибыв в китайскую столицу Ф.И. Байков, сразу же столкнулся с необычным для европейского посла обращением: встретившие его в полуверсте от Пекина цинские чиновники заставили русского посла сойти с коня и стать на колени перед ламаистским храмом и кланяться, отдавая таким образом (по их словам) поклон императору. Этот «обряд, Байков, естественно, не выполнил [Рус-кит... с. 176, 185].

На следующий день он столкнулся с новыми «нюансами» китайской дипломатии: «ближние люди императора» потребовали, чтобы посол передал им «подарки», предназначенные для «Сына Неба». Однако, следуя наказной памяти, Байков отказался передавать их им. После долгих споров и заверения цинских властей о том, что русский посол будет допущен «на аудиенцию к Сыну Неба» для вручения ему «государевой грамоты», Ф.И. Байков отдал 4 марта 1656 года «подарки по росписи» [Рус-кит... с. 177]. Однако вместо встречи с императором, его пригласили привезти 6 марта 1656 года «государеву грамоту» в Палату внешних сношений (Лифаньюань – Авт.). Но русский посол вновь отказался делать это, заявив чиновникам, что он «прислан ... великим государем к вашему царю, а не к вам, его приказным людям» [Рус-кит... с. 177].

Подобное поведение русского посла обусловило, что вполне естественно, и негативное отно-

шение к нему всех причастных к переговорам правительственных чиновников. В силу этого, Ф. Байков, согласно источникам, был переведен в «другое помещение», где он и находился с апреля по август месяц 1654 года. За этот период нет, к сожалению каких-либо сведений о жизни русского посла в Пекине и его переговорах. Лишь в день прибытия в Пекин голландского посольства во главе с Нейгофом – 7 июля 1656 года, есть краткие упоминания о встрече голландцев с отдельными членами «Байковской посольской миссии» [Дем-Мяс... с. 93]. Хотя, как отмечает Л.И. Думан, трудно предположить, что в течение всего этого времени русский посол ни разу не встречался с представителями цинского правительства. Скорее всего, он предпочел не писать обо всем, что могло бы бросить тень на его поведение в Пекине и вызвать «неудовольствие в Москве» [Внеш... с. 280].

Возобновились переговоры, как следует из статейных списков (они существуют в двух вариантах – Авт.) лишь 12 августа 1656 года. Именно в этот день Ф.И. Байков был приглашен в «приказ для того, чтобы...посмотреть, как [надо] кланяться царю» [Рус-кит... с. 177]. Это же, согласно китайской традиции, следовало делать «тремякратным земным поклоном, стоя на коленях». Выполнять предложенное, Байков вновь отказался, мотивируя, что «не быв у вашего царя, в приказ мне ехать негоже» [Рус-кит... с. 186].

Несговорчивость русского посла обозлила цинских чиновников и они, согласно статейному его списку (второй вариант – Авт.) стали угрожать ему. «Царь, говорили они Байкову, -велит казнить тебя, [потому, что] ты царева указу не слушаешь» [Рус-кит... с. 187]. В ответ на это, Байков говорил, что его они могут казнить, но я «царя вашего очей не видею, к вам, приказным людям, в приказ не поеду и государевы...грамоты вам не отдам» [Рус-кит... с. 187].

Вышеприведенные ответы посла, воочию демонстрируют стойкость русского посла, его верность наказу, данного царем, даже перед лицом смерти. Столкнувшись с непреклонностью Байкова, Пекин вернул ему, сославшись на приказ «Сына Неба», «любительные поминки». «Ты, разъясняли чиновники суть решения своего императора, царя нашего...повеления ни в чем не слушал... в приказ...ты с государевою грамотою к приказным [его] людям не поехал и по нашему, припадши на колени, не кланялся» [Рус-кит... с. 178, 187].

Итог такого послования мог быть только один: высылка посла ни с чем из страны. Так оно

и случилось. 4 сентября 1656 года Ф.И. Байков был выслан из Пекина, не выполнив ни один пункт московского наказа. Покидая страну, он подметил, что «выслали его невежливо и царскому величеству чести никакой не учинили» [Рус-кит... с. 178]. Обдумывая на обратном пути все произошедшее в Пекине, глава миссии понимал, что невыполнение возложенного на него задания добром ему не обойдется, хотя его вины в случившемся, т.е. в провале посольской миссии, нет. Поэтому взвесив все «за» и «против», он решил (уже в девяти днях пути от Пекина Авт.) пойти на компромисс с цинскими властями. Приняв такое решение, он тайно посылает в Пекин слугу индийского купца, находившегося в Байковском посольстве, с сообщением, что признает «свою вину за нарушение повелений императора» и готов выполнить его волю. А для этого прошу. «...чтобы ныне ваш царь пожаловал и велел меня с государевою грамотою и с казной взять [меня] назад к себе в Канбалык, а я...повеление царя вашего во всем стану слушать» [Рус-кит... с. 180].

И Пекин откликнулся на «предложение» Ф.И. Байкова: 19 сентября 1656 года русского посла догнал императорский гонец и сообщил ему, что он прибыл, дабы лично услышать от него («Сын Неба» не поверил словам байковского посланца – Авт.) «...поедешь ли [ты] в приказ...к царевым людям и государя своего любительную грамоту, которая прислана к нашему царю, с собою к приказным людям принесешь ли, и по нашей вере припадши...на колени, кланяться станешь ли»? [Рус-кит... с. 180].

Получив от Байкова положительные ответы на все заданные вопросы, гонец тут же ускакал в Пекин.

Спустя неделю, 25 сентября 1656 года Байкова в очередной раз нагнали цинские гонцы и их «старшой» сообщил послу, что император, будучи оскорблен поведением русского посла, не дал согласия на его возвращение в Пекин для продолжения переговоров. В заключение он передал русскому послу не очень лестный отзыв императора о Ф.И. Байкове [Рус-кит... с. 180-181]. Суть его в полной мере отразили источники. В их числе статейный список Ф.И. Байкова, а также грамота ойратского тайджи Аблая царю Алексею Михайловичу (март 1657 г. – Авт.). Кстати, последняя подчеркивает, что причина «нелюбови» цинского императора к русскому послу заключается в том, что он «...государеву грамоту китайского царя людям.. не отдал, а просился с тою, государевою грамотою к самому [ихнему] царю» [Рус-кит... с. 217]. Эту и другие причины «не по-

сольского поведения» Ф.И. Байкова отмечают и китайские источники, в частности, уже неоднократно упоминавшаяся выше «Хроника правления всех государей великой Цин». Ее «нелюбовь» к нему, похоже, стала и причиной того, что даже «Хроника» всегда скрупулезно фиксировавшая приезд в Китай иностранных послов, миссии Ф.И. Байкова положенного внимания не уделила. Непонятно почему, но свидетельство о его визите датировано в «Хронике», во-первых, 10 июня 1660 года, а во-вторых, оно посвящено не только посольской миссии Ф.И. Байкова, но и еще двум русским посольствам, не имеющим никакого отношения к визиту первого в Китай. Чтобы подтвердить это, приведем сообщение «Хроники», перевод которого был осуществлен (в свое время) советским исследователем Л.И. Думаном.

«Прежде, свидетельствует оно, в 12-й год Шуньчжи (т.е. 1655 г.), Белый царь («Чагань-хан») Русского государства направил посла спросить о здоровье [нашего императора, представил дань местными изделиями, но не имел грамоты (в данном случае, как справедливо отмечал в свое время переводчик, речь идет о П. Ярыжкине и С. Аблине, которых, как уже упоминалось выше) отправил в Пекин Ф.И. Байков). Так как он [русский царь], впервые представил [нам] дань [мы] наградили и отправили его [посла] обратно. Вместе с тем, [мы] пожаловали грамоту, приказав каждый год вносить дань.

Впоследствии, «в 130-м году (1656 г. – Авт.), снова прибыл [русский] посол (Ф.И. Байков). Хотя [он] имел грамоту, но действовал [он] по обрядам своей страны стоя вручил грамоту (источник искажает факты: грамоту Ф.И. Байков не вручал) и не встал на колени для поклона. Тогда Палата (видимо, Лифаньюань – Палата по делам вассальных территорий): «[Так, как] прибывший посол не понимает посольского церемониала, [то его] не следует допускать на аудиенцию к императору, дани его вернуть обратно» [Внеш... с. 282]... Через год, Белый царь вновь отправил [своего] посланца (речь идет об И.С. Перфильеве и С. Аблине, посланных в Китай в 1658 г. – Авт.), который захватил с собою грамоту и дань. В дороге он находился три года и только к этому времени прибыл [к нам] (выше отмечалось сообщение «Хроники» датированное 10 июня 1660 г. Минус «три года в пути» получается 1657 г. Однако китайцы не следуют нашему летосчислению и в грамоте ошибочно назван 7165 г., а надо 7166 г. – Авт).

...Себя [царь] называет великим ханом, в словах [грамоты] много нескромности... [Все это

мы] передали на решение (на суд) князей и сановников... [Они]...высказались за то, что следует выслать его посланника и отказать [в приеме] дани. [Когда] доклад об этом был представлен, получен указ [императора]: «Белый царь, хотя и является [лишь] главой племени, [он] самонадеян, а грамота [его] кичливая и нескромная. Однако иноземное владение следует цивилизации (естественно, китайской – Авт.). [Но нам] надлежит быть снисходительным, чтобы показать [наши] мягкость и уступчивость».

Россия находится далеко на западной окраине (безусловно, Цинской империи), [она] недостаточно цивилизована. И вот [то, что она], смогла прислать посла с грамотой, [в этом] также видно искреннее стремление [ее правителя] к выполнению [своего] долга (естественно, долга вассала перед сюзереном – Авт.).

[Что касается] прибывшего посла, [то] приказать этой палате (опять-таки, Лифаньюань – Авт.) дать [для него] банкет и дань, [им привезенную], проверив [по описи], принять. Белого царя и его посла соразмерно наградить [подарками]. Однако не следует отправлять с послом ответной грамоты. Ваше ведомство (видимо, Лифаньюань – Авт.) может не допустить [посла] на аудиенцию по той причине, что их грамота [по содержанию] кичлива и непочтительна. Указать об этом послу и вернуть его обратно» [21, гл. 135, с. 26-3а].

Основываясь на содержании процитированного выше перевода текста, нашедшего отражение в «Хронике», можно вполне определено говорить о предвзятом отношении цинского Китая к Русскому государству. Его правитель относится к России не как к равноправному партнеру, а как сюзерен к вассалу. Поручкой тому – все выказанные «Сыном Неба» претензии в адрес российского правителя – «Чагань-хана». С точки зрения китайского богдыхана, последний не имеет права именоваться «великим ханом», а только лишь «главой или вождем племени», ибо «его страна затерялась где-то на западной окраине» Китайской империи и она не является «просвещенным государством», он не может пользоваться своим летосчислением (оно существенно отличается от китайского – Авт.) и т.д. В ситуации, которую преподносит читателю китайский источник, лишь одно утешает «Сына Неба»: а именно стремление «Белого русского царя к цивилизации» и его «искреннее стремление выполнить свой долг вассала», что и доказал он присылкой «Сыну Неба» своей грамоты и дани».

Таким образом, подводя итог вышеописанному «Хроникой» эпизоду, можно с полным правом

говорить о неуважительном отношении китайского источника к Русскому государству, ибо он характеризует все три посланные Москвой посольства к Сыну Неба» как миссии «вассального государства, пославшего дань Цинской империи». Но последний, подчеркивает китайский источник, «гуманен, мягок и уступчив» по отношению к «заблуждающемуся вассалу», а потому и «благоклонно» принимает от него «дань» в знак того, что правитель Цинской империи не отказывается от выражения «Чагань-ханом» верноподданнических чувств и с верой, что последний будет и «в дальнейшем предан и послушен [нам]». Но, проявив к нему «свою гуманность», «Сын Неба», то же время, счел необходимым «строго» напомнить правителю «Олосыго», что в следующий раз он уже не простит нарушения последним норм «поведения вассалом». В противном случае, его посол не будет допущен Пекином до «аудиенции», а грамота «Чагань-хана» не будет принята [Внеш... с. 283].

Говоря о процитированном выше сообщении китайского источника, а также о включенном в него указе цинского императора, следует, хотя бы кратко, сказать об отдельных нюансах, содержащихся в них. Дело в том, что «Хроника», непонятно, чем руководствуясь, но совершенно по разному оценила, деятельность и поведение русских послов. Так, к гонцам П.А. Ярыжину и С. Аблину, а также к П.С. Перфильеву и С. Аблину китайский источник не предъявляет каких-либо претензий и доставленные ими «поминки» подарки – («дань» по китайской терминологии). С первыми даже была отправлена ответная грамота в Москву. А вот к Ф.И. Байкову китайский источник проявил настоящую «нелюбовь». «Хроника» не удостоила русского посла «похвал», а, наоборот, она, обвинила его во всех «смертных грехах»: он не знал и не соблюдал посольский церемониал, принятый в Цинской империи. Не встал, к примеру, (как требовал он) на колени, в силу чего посол не был допущен к аудиенции с императором, от него не были приняты «поминки» и т.д. За все эти нарушения, как свидетельствует «Хроника», Ф.И. Байков был в конечном итоге, выслан, из страны.

Однако его высылка из Китая, по мнению исследователей, мало была связана с поведени-

ем русского посла и с невыполнением им посольского церемониала, который в дипломатических отношениях Цинской империи со странами «варваров», без преувеличения играл первостепенную роль. Главную причину «нелюбви» Пекина к Ф.И. Байкову многие китаеведы увидели совершенно в другом, а именно, в незнании Цинами того, что же на самом деле представляло собой в то время Русское государство. Это их «незнание» и проявилось на практике: в использовании ими старой китайской традиции в дипломатических отношениях «с великим северным соседом», продолжая рассматривать его, как и прежде, вассалом Поднебесной империи. Потому-то они так «болезненно» восприняли титулование правителя «Олосыго» «великим государем». Данный титул, по мнению «Сына Неба», может иметь только один человек – а именно только правитель «Чжан-хуа», т.е. правитель цинского Китая.

Словом, первые попытки Русского государства установить дипломатические контакты с последним (учетом направлений внешней политики цинского правительства, практики и методов его дипломатии) завершились для Москвы откровенным провалом. Да другого результата, единодушно отмечают исследователи, трудно было и ожидать. И даже эти, не совсем удачные попытки наладить дипломатические связи с Китаем не были безрезультатными для России. Первые визиты русских послов и торговых людей в Пекин, позволили Москве существенно пополнить свои знания о Цинской империи, изучить, в известной степени, условия для развития с нею торговых контактов. Кроме того, эти визиты, особенно Ф.И. Байкова, показали русскому правительству то, что ему предстоит в дальнейшем иметь дело не с «безвестными князьками» типа «Боробоя, Богдоя или Шамшакана», а правительством «большой и сильной (по тем временам – Авт.) державы», которая располагает сложившейся достаточно стройной системой дипломатии, с устоявшимся в ней посольским церемониалом, который представители русского дипломатического корпуса обязаны хорошо изучить, чтобы не иметь негативных результатов в последующем.

Библиографический список

1. Зуев А.С. Сибирь: вехи истории/А.С.Зуев. – Новосибирск, 1999.
2. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) – М., 1969.
3. Думан Л.И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи. – М., 1970.
4. Ганболд О.М., Модоров Н.С. Из истории завоевания маньчжурами Северной Монголии (первая половина XVII в.//Мир Евразии. №2. – Горно-Алтайск, 2008.

5. История Монгольской Народной Республики. – М., 1967.
6. Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эдэнийн эрх». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающем в себе материалы для истории Халки с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.
7. Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзуна великой династии Цин). – Токио, 1937. Здесь и далее использованы переводы В.А.Моисеева.
8. Да Цин Шицзу Чжан хуанди шилу (Хроника правления императора Шинцзу великой династии Цин). – Токио, 1937.
9. Хаунчао Фань бу яо люе (Краткий свод основных данных о вассальных племенах при царствующей династии). Сост. Шоу Ян и Ци Юнь-ши.[б.м.]. 1884.
10. Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу (Хроника правления императора Шэнцзу великой династии Цин). – Токио, 1937.
11. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758, М., 1983.
12. История завоевания китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Пер.И.Россихин. – СПб., 1750.
13. Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись И.Петлина и статейный список Ф.И.Байкова– М., 1966.
14. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. – Казань, 1882 г.
15. Демодова Н.Ф., Мясников В.С. О датировке грамот китайских императоров Минской династии царю Михаилу Федоровичу//Проблемы востоковедения. 1960. №1.
16. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. – М., 1977.
17. Дацишен В.Г., Модоров Н.С. Из истории становления Маньчжурского государства Цин и его взаимоотношений с соседями в XVII – начале XVIII вв.// Мир Евразии – Горно-Алтайск, 2009. ¹1.

Об авторах

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета, г. Красноярск

Модоров Николай Семенович — доктор исторических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета

Datsyshen V.G., Modorov N.S.

Ambassador mission of FI Baikov in China in 1654-1658 and its results

Abstract. In the article, on the basis of published Russian and foreign sources, as well as studies of domestic and foreign authors and individual, diverse archival materials, the analyzed situation, formed as a result of the advancement of the Moscow state to the east and self-help with the population inhabiting Siberia, Transbaikalia and the Amur Region, as well as with the state of Altyn Khans, Dzungaria and Qing China, claimed to dominate in these border areas in the 40-60's. XVII century.

Keywords: The Moscow State, the Siberian Khanate, the Ermakovsky Volnitsa, the Russian explorers, the Cossacks, the «yasash people» Siberia, the Far East, China, trade routes, «foreign invasions and invasions», embassies Chinese letters and sources, «Sino-centrism», ambassadors and envoys

Статья поступила в редакцию 09.03.2017

УДК 93/94

*К столетию Февральской и Октябрьской революций 1917 года***В. А. Демидов***

От Февраля к Октябрю (Горный Алтай между революциями 1917 года)

Аннотация. В статье на основе опубликованных метариалов и архивных документов, выявленных в автором в сибирских и центральных архивах, проанализирована ситуация, сложившаяся в России: в центре и на периферии, особенно в национальных районах, в период между Февралем и Октябрем 1917 года.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Томская губерния, Алтайская губерния, Алтай, Барнаул, Бийск, Улала, Алтайская горная Дума, национальных вопрос, Г.Н. Гуркин

События, происшедшие 1905-1907 годах в России, стали главной причиной появления целого ряда «новшеств», появившихся в после этого в жизни «инородческого» населения Горного Алтая. Самым главным для них, безусловно, стал выход в 1908 году «инородческой Улалинской волости» из состава Быстрянской управы. Чуть раньше, утратила свое «полновластие Алтайская духовная миссия на прием лиц, пришедших разных мест, дабы жить в Горном Алтае». Теперь (после всех этих перемен) Улалинская волость стала всецело управляться своей администрацией, состоявшей из волостного старшины, двух его помощников и «официального сборщика налогов». В связи с происшедшими изменениями, появились в Улале и здания государственных служб, волостное правление и почта.

Одновременно с этими переменами прошел в селе и первый стихийный политический митинг, на котором с большой речью о происходящих в стране событиях выступил волостной писарь Юдалевич, подробно «и темпераментно поведавший сельчанам о стачках, митингах и прочих формах протеста, организуемых ныне в стране революционерами». После него, выступили учителя мужской Улалинской второклассной школы Блинов и Косинцев, не только осудившие антинародные действия властей, но и в ультимативной форме потребовавшие от присутствовавшего на митинге пристава: «не держать никого больше в каталажке, а всех имеющих на сегодняшний день в ней арестованных – вы-

пустить и отправить по домам». В эти дни, по свидетельству официальных лиц и священнослужителей, Улала буквально потонула в «потоке листовок, прокламаций и брошюр, в несметном количестве, поступавших в селение из Бийска и Барнаула». «Ныне, всякий малограмотный мужик или баба, сообщали властям осведомители разных уровней, преважно берутся осуждать существующий ныне строй и порядки в стране». При этом они критикуют не только действия властей, но и протягивают свою грязную лапу к вечным ценностям Евангелия. Словом, получается подчеркивалось, в отчете Алтайской Духовной миссии за 1906 год», какое-то дикое сквернословие и нелепое «оплёвывание всего и вся... и это сразу же бросается любому человеку в глаза...». В январе того же 1906 года, в Улале случилось «из ряда вон выходящее: на одной из ее улиц ночью был избит (чего раньше никогда не бывало) помощник управляющего Бийским имением г. Борзенков, «а 7-го января, крестьяне подняли бунт и избили старосту, затем они освободили заключенных, находившихся в «холодной». При этом бунтовщики, по словам потерпевшего, «грозились убить пристава и урядников, а также разгромить волостное правление». Спустя три дня, в Улале случилось новое происшествие: неизвестные «жестокости избили (опять-таки) ночью урядника Колковского, осуществлявшего положенный «по уставу караульно-дежурной службы «надзорный обход села». Характерной формой протеста улалинцев в те годы, стали повсеместные самовольные и массовые) «вырубки и хищения» леса» в

* Демидов Виктор Александрович (1928–2005).

окрестностях Улалы, а также в лесных угодьях Никольского монастыря. Все это вместе взятое, вызвало «сильное неудовольствие Томского губернатора, который вынужден был (в конечном счете) «временно отстранить от службы» местного станового пристава», а весной 1906 года даже прислать в Улалу отряд казаков. Словом, политические события, имевшие место в России, разбудили «ныне тихую доселе патриархальную Улалу, с давних лет слышную как «истинно крепкий форпост православия на Алтае». Но политика политикой, а жить улалинцам надо было и они жили, преодолевая «неожиданно появившиеся на их головы «трудности и невзгоды». Словом, понемногу, все успокоилось. И каждый въезжавший в 1910 году в Улалу (со стороны нынешнего села Алферово – а именно так пролегал в то время Чуйский тракт) мог прочесть на доске, прикрепленной к дорожному столбу на въезде в Улалу, мого прочесть: «Селение Улала, Бийского уезда, церковей 3, школ 2, дворов 500, всего жителей в нем 3127 человек». Если смотреть (опять-таки, с Алферовской горы, то Улала в те далекие годы являла собой беспорядочное скопление «разнородных строений», связанных между собой паутиной улиц и переулков, как ручьи, стекавшие в реку. А «стекались» они тогда к широкой, но грязной центральной проселочной дороге, протянувшейся через все село с севера на юго-восток, соединяя одним своим концом Улалу с деревней Майма-Чергачак, а другим концом — с разросшимся женским монастырем, каменные строения которого белели в семи верстах от Миссионерской площади (пространство перед современным Домом культуры) Улалы. Мутная и илистая Улалушка, активно использовалась жителями в те годы для сплава леса, который «усердно вырубался (улалинцами и не только ими) в верховьях». Улалушки. Последняя (и это очень хорошо было видно с «Мельничной горы» (с 1948 года она станет называться «Комсомольской») делила селение на две неравные части. На правом берегу реки, сплошь застроенном «кособоками домишками с весьма разнородными подворьями» селился, главным образом, пришлый люд. Большая же часть селения располагалась на противоположном берегу Улалушки. Здесь проживала, так повелось с давних пор, церковная иерархия, купцы и представители власти. Поэтому на левом берегу реки, рядом и вокруг служб миссии «выстроились» по широкой и прямой улице, «приличные двухэтажные дома, со справными усадьбами». Они-то и придавали Улале, по свидетельству путешественников, вид уездного

города. Наряду с ними, украшали левобережную часть селения и две каменные церкви — «Нагорная», выстроенная на старом кладбище купцом Михаилом Матвеевичем Бодуновым и большая Спасская, стоявшая в центре, Улалы, у моста через Улалушку (примерно на том же месте, где стоит ныне Успенская церковь). От Спасского храма тянулся сплошной ряд кирпичных и побеленных известью лавок, построенных местными богачами в начале XX столетия. Все это вместе взятое, и разнообразило улалинскую панораму. Особенно тоскливо и неприглядно выглядела Улала осенью, когда бесконечные потоки воды с окрестных гор превращали округу в море черной, как деготь, грязи, в которой постоянно вязли телеги улалинцев, да и сами жители.

Основным источником существования населения Улалы были тогда земледелие и скотоводство. Так, «в распоряжении и обработке селян находилось шесть, с лишним тысяч десятин земли». Из кустарного и ремесленного производства, следует в первую очередь отметить предприятия по переработке местного сырья: кожевенные цеха, коих одно время было три, маслобойный и маслоделательные цеха, две мельницы и три кирпичных завода. На каждом из указанных производств, трудилось, как правило, не более 50 человек. В основном, это были новоприбывшие поселенцы, которым не хватило земли для ведения крестьянского хозяйства.

Стремительное развитие получила в то время в Улале торговля. Порукой тому разросшийся базар (на территории старого пединститута — по ул. Социалистической), который вобрал в себя включает в себя 18 торговых лавок. С завидным постоянством появлялись в Улале (именно в районе базара) питейные заведения — кабаки.

В дальнейшем благоприятном формировании облика Улалы сыграли свою роль местные купцы (русские и алтайские), жившие и торговавшие здесь. В числе их следует назвать в первую очередь, бийского купца II гильдии уже упоминавшегося выше Бодунова Михаила Матвеевича, а также предпоследнего зайсана «сеока (рода) комдош» Давыда Тобокова (Михаила Васильевича), получившего зайсанство после смерти брата отца, не имевшего детей. До зайсанства Тобоков, по словам «родовичей» был очень бедным человеком: он имел всего одну лошадь. Но как только Давыд вступил в должность он быстро разбогател. Именно от него пошла целая династия улалинских купцов Тобоковых, прославившихся крупной торговлей и тесными связями с сибирским торговым «людом». Хорошо

были известны в его среде и братья Кульджины (Аргымай и Манди), владевшие огромными табунами лошадей и ведущие широкомасштабную торговлю как внутри России, так и за ее пределами, в частности, с торговцами Монголии и Китая. К слову сказать, Манди даже заимел, титул «придворного поставщика лошадей для «Его Императорского Величества». Если Тобоковы были непосредственно связаны с русским купечеством и пользовались их всемерной поддержкой, то Кульджины всецело противостояли им и предпочитали работать, через Монголию, с китайскими и японскими торговцами. Один из братьев Тобоковых был даже избран в 1904 году в Государственную Думу России II созыва, («как представитель коренного народа Алтая»). Став депутатом, он воспользовался своим статусом и привез из столицы в порядке «культурного обмена» петербургских девиц, для которых он выстроил в Улале дом терпимости. Это здание, красовавшееся до революции «красным фонариком» дожило до наших дней и известно сегодня горожанам, как жилой дом под названием «Ковчег».

Дальнейшее развитие села прервала Первая мировая война. С ее началом, почти две тысячи мужчин, находившихся в самом расцвете сил, были мобилизованы в окопы. В основном на фронт призывались лица русской национальности, алтайцев тоже призвали, но только «на строительство стратегических оборонительных укреплений в прифронтовых районах». Как результат, в Улале катастрофически сократилось, за годы войны, мужское население, заметно уменьшилось и число грамотных улалинцев. Прекратили свое существование в годы войны и многие местные предприятия. Главной причиной этого, стала нехватка рабочих рук и сырья, сократилась в годы войны и площадь пахотных земель, уменьшилось поголовье лошадей, крупного рогатого скота, поскольку то и другое подлежало «конфискации для нужд армии». И как следствие этого — резко повысились цены на продукты питания и другие товары.

Вспыхнувшая в феврале 1917 года в России революция принесла на Алтай национальное пробуждение. Свергнув самодержавие, Временное правительство ввело повсеместно в России институт земства, который не предусматривал, как известно, национальные отделения регионов. Одновременно с земством «увидела свет» и Декларация «О самоопределении народов, незабываемым аргументом которой стал лозунг — «О единой и неделимой России». В связи с этим, в Сибири, как известно, сразу же стали создавать-

ся (стихийно) земства. Не обошло это «новшество» и Алтай. Это движение здесь возглавила немногочисленная алтайская интеллигенция, которая была тесно связана с сибирским областничеством, в числе основателей и последователей которого были Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, В.В. Сапожников, А.В. Анохин и др. «Областники» сразу же стали ратовать за большую самостоятельность Сибири от Центральной России, вплоть до полного самоопределения от нее. Так, Г.Н. Потанин, будучи одним из крупнейших деятелей областничества, писал тогда: «Сибирское общество еще не организовано, интересы русского населения Сибири за триста лет пребывания его на новых местах обособились от интересов митрополии, но это осознано пока немногими умами. Инородческие племена пока, увы, не сцементировались с русским сознанием общих интересов, которые объединяют все другие нации...»

Летом 1917 года в Бийске открылся съезд представителей инородческих волостей Алтая. Их население представляли 60 уполномоченных от населения Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии. С 1 по 6 июля съезд провел 6 заседаний, на которых было принято обращение «О признании самоопределения инородцев Алтая» с последующим выделением их в самостоятельную земскую единицу. До признания этого, предлагалось организовать центральный орган, который предлагалось называть «Алтайская Горная Дума». В избранный ею президиум вошло пять человек. Председателем ее был избран известный алтайский художник Г.И. Чорос-Гуркин. Наряду с ним в состав президиума были избраны: священник С.С. Борисов, зайсаны Аргымай Кульджин, Давыд Тобоков и Кара Егуеков. Секретарем президиума был избран Петр Вальдгрубе. Почетным членом Думы был избран Г.Н. Потанин. На его имя съезд направил телеграмму. «Инородцы Алтая, гласила она, впервые собравшиеся на общий съезд, шлют Григорию Николаевичу горячий привет, желая, чтобы голос старого поборника прав инородцев еще много лет раздавался в их защиту... крепко надеясь на осуществление в недалеком будущем Вашей заветной мечты о Сибирской областной Думе!»

Первыми заботами Горной Думы стали возрождение национальной культуры и исторического самосознания народа. Исследователям Алтая П.Е. Семенову и Н.С. Гуляеву был сделан заказ: написать «Историю Алтая и алтайцев». У последнего Дума приобрела большую библиотеку и коллекцию минералов и археологические

материалов (которые составили впоследствии основу Горно-Алтайского краеведческого музея). Наряду с этим, Дума стала принимать активные меры по развитию народного образования в национальном регионе и решению продовольственных проблем в нем. Однако, ею не были решены главные «основополагающие проблемы: вопросы самоопределения, власти и землепользования. Алтайская Горная Дума сразу же выдвинула лозунг: «*Жер-СВВ-Хан-Алтай*» («Земли и воды величественному Алтаю») и провела волостные референдумы о выделении Горного Алтая из Бийского уезда в самостоятельную административную единицу. Однако Бийское земское собрание, несмотря на численный перевес населения Горного Алтая (72000 чел. в первом и 9000 чел. в Бийском), отклонило решение о выделении первого и приняло резолюцию, в которой говорилось: «Представленный доклад Алтайской Горной Думы с приговорами селений о выделении Горного Алтая из Бийского уезда в самостоятельный Горно-Алтайский уезд передать земской управе для проверки на местах, совместно с Горной Думой, причем если от каких-либо селений не окажется приговоров, то взять вновь и представить все это к следующему очередному земскому собранию, с объяснительной запиской и указанием границ».

В знак протеста члены Бийского земства Гуркин, Борисов, Кульджин, Михайлов сложили с себя полномочия и покинули собрание. После «неудачи», Горная же Дума приступила к организации и проведению Учредительного собрания в Улале, дабы оформить создание Горно-Алтайского самостоятельного уезда. На учредительный Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов, проходивший в Улале с 6 по 12 марта 1918 года, прибыло 132 делегата, из которых 122 представляли инородческие и крестьянские общины, остальные представляли кооперативные и общественные организации. Съезду были присланы приветствия из Минусинска от Комитета Сагайского и других хакасских племен, от Якутского исполкома, Омского киргизского исполнительного комитета и от Томского мусульманского съезда. Последний, в частности, телеграфировал: «Томский губернский съезд приветствует первый свободный инородческий съезд. Желает кровным братьям нашего племени полного успеха в делах. Да здравствует свободный монголо-тюркский народ на родной колыбели Алтая. Председатель съезда Нурула Карпов».

7 марта 1918 года тайным голосованием съезд принял решение о выходе Горного Алтая

из состава Бийского уезда, закрепив их в следующих положениях: 1. Горную часть Алтая выделить из состава Алтайской и Томской губерний в особую единицу, наименовав ее Каракорумский Алтайский округ. 2. Северная и западная границы округа устанавливаются путем опроса жителей, которые волостным собранием определяют свою волю — остаться в прежнем статусе или примкнуть к Каракорумскому Алтайскому округу».

Центром нового округа временно намечена Улала, с тем, чтобы приступить к постройке новой столицы — города Каракорум. Место для города отводилось на правом берегу Катуня между современными селами Манжерок и Майма — участок Соузга, из бывших кабинетных земель, в 6993,9 га. В длину по р.Катунь в 10 км и в ширину до 3 км. День 7 марта 1918 года стал знаменательным для Улалы. Около пяти часов вечера в Спасской церкви был отслужен благодарственный молебен. На Миссионерскую площадь вынесли и освятили национальное знамя Алтая — изображенный на красном фоне с левой стороны треугольник, символизирующий собой горы величественного Алтая, под треугольником — извивающиеся полосы волн молочно-зеленого цвета — это Катунь, над треугольником — восходящее солнце. Все фигуры символизируют землю, солнце и воду, которые являются основными элементами религиозного мировоззрения алтайцев. По знамени надпись «*Жер-СВВ-Хан-Алтай*». Песни и громогласное «ура!» раздавались на площади. В честь этого события, прибывшие для охраны порядка солдаты Бийского гарнизона произвели праздничный салют.

Другими важными решениями Улалинского Учредительного съезда были постановления о дополнительном открытии 13 интернатов и 5 школ, открытии смешанных гимназий в Улале и Онгудае, организации народных изб-читален и библиотек, об издании собственного печатного органа и т.д. Также были предложены проекты о постройке на Алтае дома художников и писателей, об организации Общества пчеловодов, Общества правильной охоты. После выборов членов правления Алтайская Окружная управа под руководством Г.И. Чорос-Гуркина приступила к работе.

Россия уже стояла на пороге гражданской войны, это коснулось и Горного Алтая. Уже весной 1918 года между Каракорумом и Бийским Советом возникает вооруженный конфликт на территориальной почве. Приграничные села

Березовка, Тарханское (Быстрянка) добровольно вошли в состав Каракорум-Алтайского округа, но Бийский совдеп это решение не признал и направил сюда красногвардейский отряд, который производил аресты и грабил жителей. Каракорумская управа срочно отправила туда свой отряд во главе с офицером В. Залесским. В стычке в с. Березовка был убит один красногвардеец, один ранен, один арестован. Это столкновение удалось разрешить мирным путем, но дальнейшие события стали развиваться по другому сценарию.

В Сибири вспыхивает мятеж белочехов. В дни мятежа офицеры, которых много было на Алтае, приняли их сторону. Многие из офицеров были приглашены на службу в Каракорум. Позиция ее председателя Г.И. Чорос-Гуркина была непростой. Одни обвиняли его в симпатиях к Советам и большевикам, в частности, в содействии комиссару Соболевскому, другие считали его противником Советов. Очевидно, прав был уездный комиссар правительства Колчака И. Батурин, который вынес такое впечатление о Гуркине: «Человек со слабым характером, чрезвычайно доверчивый. Достаточно кому-нибудь сказать «я люблю Алтай», как он уже может положиться на такого человека, не зная его подлинного лица...»

Офицеры, служившие в Каракорумской управе, приступили к формированию Алтайского Туземного дивизиона из местного населения,

которым обещали перевод в казацье сословие со всеми привилегиями. Дивизион использовался для подавления крестьянских волнений в Бийском уезде и Каракорум-Алтайском округе, а одна сотня была отправлена в ставку Колчака в г. Омск.

Гражданская война принесла на Алтай разруху, голод и болезни. По Чуйскому и Уймонскому трактам к монгольской границе потянулись полуголодные, измученные неизвестностью отступающие колчаковцы. Только «туземный» дивизион под командованием Сатунина проводил карательные акции против сочувствующих Советам. В конце лета его отряд расправился с партизанами в селе Майма-Чаргачак, а вернувшись в Улалу, расстрелял девять человек, подозреваемых в большевизме. Сразу после расстрела направились в Чергу на подавление волнений населения, где повесили на воротах 12 партизан и сочувствующих. Однако общий разброд и разложение не миновали и сатунинский дивизион. Самого Сатунина спяну застрелил из нагана один из приближенных офицеров штаба, за что и был повешен на выезде из села. Командование принял подъяесаул Кайгородов, который и возглавил отступающие отряды, остатки некогда регулярной колчаковской армии: Кундия Шабуракова, полковника Сокольского, капитана Келлера, Хмелевского и прочих.

Об авторе

Демидов Виктор Александрович – (27 окт. 1928, дер. Лыковщина Мордовской АССР – 29 марта 2005, Новосибирск). Историк, д-р ист. наук (1980), проф. (1981).

Окончил Мордовский гос. педагогический ин-т им. А.И. Полежаева (1951). На пед. работе в вузах с 1958 по 2005. Декан ист.-филол. фак-та Горно-Алтайского гос. педагогического ин-та (1958–64). Зав. каф. истории КПСС (с 1989 каф. полит. истории, с 1993 каф. истории России) Новосибирского гос. ун-та (1974–96). Специалист в области сов. нац. политики в Сибири.

Соч.: Боевая молодость. Из истории комсомола Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1963; Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск, 1978; Россия: политика и политики. 1985–2000. Новосибирск, 2000

Demidov V.A.

From February to October (Mountain Altai between the revolutions of 1917)

Abstract. The article analyzes the situation in Russia: at the center and at the periphery, especially in the national regions, between February and October 1917, based on published meta-materials and archival documents discovered by the author in Siberian and central archives.

Keywords: Russian Empire, Siberia, Tomsk Province, Altai Gubernia, Altai, Barnaul, Biysk, Ulala, Altai Mountain Duma, national question, G.N. Gurkin

Статья получена из архива редакции 19.05.2017

УДК 93/94

Б. Р. Зориктуев

О монгольском суперэтнотипе в XIII в.¹

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. В 1206 г. Чингис-хан на основе «вождества» монголов Трехречья (истоков Онона, Керулена и Толы) приступил к строительству первого в истории монголов государства. Доминировавшие в его границах центростремительные тенденции привели к сложению целостного этнического организма, который, характеризуясь социально-экономическим, культурным и языковым единством входивших в его состав этносов, классифицируется как суперэтнос. В настоящей статье помимо определения типологии данной общности, впервые в российской этнологии выявлены и проанализированы ее основные признаки.

Ключевые слова: Отечественные и зарубежные исследователи, монголы Трехречья, гегемония, вождество, государство, суперэтнос этнология, споры и дискуссии

История Монголии конца XII – начала XIII в. наполнена междоусобной борьбой за гегемонию в степи. Главными претендентами на власть были главы вождеств (в этническом плане, в отеч. этнологии – соплеменность, или группа родственных племен) [Свод. С. 99, 122], потому что наиболее многочисленные и сильные войска могли выставить находившиеся в их подчинении племенные объединения. Не остался в стороне от этой борьбы и Чингис-хан. Обладая огромным талантом военачальника, он поочередно разгромил своих противников. Первыми пали татары, за ними – кереиты, найманы, меркиты и группировка Джамухи, состоявшая из более чем десятка племен и родов. С казнью Джамухи, что произошло в 1205 г., завершилось смутное для Монголии время, когда, по словам современников, «все друг друга грабили», «всесветная брань шла». Это была борьба ханов не только за всемонгольский престол. История распорядилась так, что это была борьба этносов за преобладание в Монголии. У побежденных названных выше татарского, меркитского, кереитского и найманского общностей этническое развитие было прервано. Эти группы, на рубеже XII-XIII вв. представлявшие значительную силу, в этническом плане оказались отброшенными далеко назад, до уровня небольших родов, войдя в таком качестве в состав разных народов на обширном пространстве Евразии.

Что касается монголов, то с их победой ускорились параллельно развивавшиеся процессы объединения и монголизации страны. Начала складываться хозяйственная и культурная общность, общим для населения стал язык ведущего монгольского этноса. Официально объединение страны оформил *курултай* представителей ханского рода и кочевой знати, который был собран весной 1206 г. Чингис-хан был повторно объявлен ханом (первый раз, при интронизации на должность главы вождества монголов Трехречья, по «Сборнику летописей» и «Юань ши», в 1203 или 1204 г., по другим источникам – в 1189 или в 1190 г. Вопрос требует дальнейшего изучения. – *Б.З.*) и провозглашен верховным правителем всей Монголии. Этот год является годом рождения первого в истории монголов государства, которое стало называться Великим Монгольским Государством (*Yeke Mongol Ulus*).

Государственное строительство сопровождалось развитием качественно новых объединительных процессов. Чингис-хан, придя к власти, оказался обладателем громадной территории, привести население которого «под единые бразды свои» было нелегко. Владимирцов писал, что «обычно, Чингис-хан ничего нового у себя не вводил» [Владимирцов. С. 96]. В этих словах видится недооценка деятельности монгольского правителя, отличий созданного им государства от предшествующего.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

щих политий и подчеркивание его племенной основы. Новым была как раз выстроенная Чингис-ханом военно-политическая система, сломавшая вышние звенья социально-политической организации номадов, частично перетасовавшая их этнические подразделения и тем самым устранившая угрозу проявления сепаратизма, по крайней мере в его традиционной для кочевников форме откочевок [Хазанов. С. 374-376].

Государство Чингис-хана возникло на базе вожества монголов Трехречья, объединившего остальные этносы Монголии. Государство оформило население в территориально-политическом отношении, создало определенную общность экономических, социальных и других интересов, что обеспечило высокий уровень его сплоченности. Большую роль в подобном процессе, как показывают исследования, играли сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутригосударственных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при наличии чтеца выполняла свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения [Арутюнов, Чебоксаров. С. 27]. Если еще учесть такую важную деталь, что вся деятельность Чингис-хана была подчинена цели объединения страны, руководимой из одного центра, то понятно, что внутри государства доминировали мощные центростремительные тенденции, которые привели к сложению целостного этнического организма, характеризовавшегося социально-экономическим, культурным и языковым единством входившего в его состав населения.

Поскольку сложившаяся целостность охватывала всех жителей большого многоэтнического государства, то для определения ее типологии применим термин *народ*, который в отечественной этнологии употребляется в двух основных понятиях: философско-политическом и этническом. В философско-политическом смысле он используется для обозначения особой исторически сложившейся многонациональной политико-экономической и идейно-культурной общности (например, советский народ, многонациональный российский народ), в этническом смысле – для обозначения всех исторически сложившихся типов этнических общностей [Свод. С. 68]. Так как монгольское государство объединило в своих границах разные по происхождению и культуре этносы, то всю эту многоликую общность, исходя из первого значения термина *народ*, можно квалифицировать как суперэтнос.

Этот термин был, как известно введен в этнологию Л.Н. Гумилевым. По его мнению, «суперэтнос» – это этническая система, состоящая из нескольких этносов. Его единство манифестируется в наличии общей ментальности, консолидирующей разнообразные этносы. Поэтому суперэтнос олицетворяет собой идейно-религиозную и культурную целостность, что предполагает экономическое, политическое и идеологическое общение внутри нее. Ядром суперэтноса является группа этносов, возникшая в одном регионе. В дальнейшем в орбиту уже сложившегося суперэтноса могут быть включены народы иного генезиса [Гумилев. 2004. С. 550-551].

На мой взгляд, в XIII в. центральную зону монгольской ментальности составили имя *монгол* и господствовавшая на территории Монголии традиционная шаманская религия. С приходом к власти Чингис-хана интенсивное развитие получил процесс монголизации страны. Это было предопределено тем, что ядро монгольского суперэтноса составило объединение монголов Трехречья, ставшее элитой огромного населения. Иноплеменников ожидала участь вытеснения из страны или ассимиляции с монголами, верной службой доказывая свое право быть включенными в их этническую среду [Викторова. С. 174, 175]. Постепенно это привело к тому, что не только государство, но и вся его территория по названию безраздельно господствовавших монголов стала именоваться Монголией, а населявшие его этносы, независимо от происхождения *монголами*. Как пишет Рашид-ад-дин, «в настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы, [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуется [этим именем], а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» [Рашид-ад-дин. С. 103].

Принятие населением большого полиэтнического государства имени *монгол* было следствием сформировавшегося у него единого с монголами этнического самосознания. Некоторая часть населения Монголии, как показывает материал, стала называть себя *монголами* не в ре-

зультате непосредственного распространения этого имени, а после того, как оно стало официальным названием государства. Таковым оно стало, разумеется, в 1206 г., хотя первое упоминание названия *Yeke Mongʻol Ulus* в письменных источниках относится только к 1211 г. Ли Синьчуань, автор сочинения «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи» писал: «Когда монголы (мэн-жэнь) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя великим монгольским государством [да мэн-гу го]. Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (Мэн-гу)» [Мэн-да бэй-лу. С. 123, прим. 92]. К числу групп, которые стали называться монголами после появления политонима *монгол*, можно отнести, наверное, ойратов, которые в свое время противостояли Чингис-хану в составе группировки Джамухи. После разгрома оппозиции ойраты укрылись на своей родине в верховье Енисея и окончательно подчинились монголам в 1207 г., когда монгольский отряд во главе с Джочи совершил карательный и одновременно завоевательный поход по Северо-Западной Монголии и долине Енисея. Надо полагать, после покорения монголам ойраты к своему имени стали прибавлять слово *монгол* и ощущать себя не только *ойратами*, но и *ойрат-монголами*.

К концу XIII в., что видно из «Сборника летописей», все этнические и территориальные группы населения Монголии называли себя не иначе как *монголы*. Это говорит о том, что к тому времени сложение суперэтноса было свершившимся фактом. В противном случае монголы не стали бы известны в мире под этим именем уже в период завоеваний. Единое этническое самосознание стало важным цементирующим началом, которое привело всех людей, независимо от происхождения, к осознанию своей принадлежности не только к своему этносу, но и к жителям всего монгольского государства. Наблюдения показывают, что на основе этнического самоопределения, в котором центральное место занимает представление о единстве происхождения и исторических судьбах членов той или иной этнической общности, опирающееся на общую генеалогию, совместное участие в исторических событиях, на связь с родным языком и родной землей, складывается образ своего народа, не похожий ни на какой другой и обладающий наилучшими, с точки зрения людей данного этноса, этническими характеристиками. Так обстояло дело и у этносов, вошедших в состав монгольской суперэтнической общности. У них закрепилось некогда сложившееся общее выражение «*эсгий туурган улс*» (букв. «живущий в войлочных стенах

народ»), которое они по отношению к себе употребляли. Все этносы считали себя одним народом, который в силу своей одаренности создал уникальную кочевую культуру, обладает богатым языком, насыщенной яркими событиями историей и т.д. Осознание принадлежности в XIII в. к единому монгольскому этносу до сих пор вызывает у представителей всех современных монгольских народов щемящие сердце чувства: чувство сопричастности к судьбам общемонгольского мира, любви к монгольскому языку, истории, культуре и т.д. На основе подобного комплекса чувств и переживаний сложился соответствующий тип поведения и состояния психики, выражающийся в готовности защищать и отстаивать интересы не только своего народа, но и всех других монгольских народов.

В свете сказанного неудивительно, что в XVII в., в годы завоевания маньчжурами Халхи, сформировалось так называемое панмонгольское движение, основанное на идее возрождения Великого Монгольского государства XIII-XIV вв. В дальнейшем под этим термином стало пониматься движение за национальное самоопределение и возрождение монгольских народов (политическое и культурно-этническое), за создание самостоятельного государственного образования. Поскольку движение отражало интересы населения всего монгольского мира, то оно в немалой степени способствовало сохранению и укреплению этнических, исторических и языковых связей между народами. Панмонгольское движение в России достигло наибольшего развития в начале XX в. В это время мысль о возрождении монгольского единства получила широкое развитие среди бурятских демократов-просветителей Ц.Жамцарано, Э.-Д.Ринчино, М.Н.Богданова, Б.Барадина и др. Как политическое течение панмонголизм прекратил свое существование в СССР в 1937-1938 гг., когда в ходе «Большого террора» более двух тысяч его якобы бывших сторонников (среди них 1033 буддийских священнослужителя) были арестованы. Несколько десятков из них были приговорены к расстрелу, остальные – отправлены в тюрьмы и лагеря. В конце XX в. идеи панмонголизма вновь приобрели актуальность как один из интегрирующих факторов для монгольского мира [Историческая энциклопедия. С. 577].

Другой составляющей центральной зоны монгольской ментальности был шаманизм, который, являясь мощной духовной силой, пронизывал жизнь всех слоев монгольского общества. Главное место в его пантеоне принадлежало верховному божеству Вечному Синему Небу (Х?х

Мэнх Тэнгэр). «Мэн-да бэй-лу» сообщает: «В первый день первой луны [они] непременно поклоняются Небу. То же самое делают в [праздник начала лета] чун-у (5-й день 5-й луны по китайскому календарю, праздник назывался также дуань-у – Б.Э.)» [Мэн-да бэй-лу. С. 75].

Небо было олицетворением высшего духа; оно представлялось монголам в образе творца жизни, вершителя судеб, правителя мира. Небо считалось мужским началом, дарующим жизнь, и потому называлось Отцом (*Эцэг*). По велению Верховного Неба был рожден первопредок Чингис-хана Бортэ-Чино. Поэтому считалось, что Чингис-хан также имеет небесное происхождение. Он верил в то, что все его действия, в том числе властвовать над народами, предопределены Небом. Несомненно, этот мощнейший побудительный стимул, наряду с другими, вынудил Чингис-хана сделать внешнюю экспансию основной политикой своего государства.

Вторым божеством в шаманском пантеоне была богиня земли Этуген. Земля считалась олицетворением женского начала и называлась Мать-Этуген (*Эх Этуген*). Она считалась добрым божеством, ее имя сопровождалось эпитетом *алтан* – «золотая». Бурятам, а некогда, вероятно, и всем монголам Этуген представлялась в виде старушки, живущей внутри земли и дарующей людям богатство и плодородие [Михайлов. С. 225]. От Неба и Земли зависело очень многое в жизни монголов, включая важные судьбоносные моменты. Хорчи, сподвижник Тэмуджина, предрекая ему ханский престол, поведал о снизошедшем на него откровении, в котором главное действующее лицо бык, ревя, приговаривал: «Небо с Землей сговорились, нарекли Тэмучжина царем царства» [Козин. С. § 121].

У монголов боготворение Земли выражалось в двух формах: в общем ее почитании и в почитании отдельных местностей. Поскольку каждая этническая или военно-административная единица имела свою территорию кочевания, то существовали родовые, племенные и территориальные духи-покровители. Для них устраивались специальные обряды с жертвоприношениями, которые назывались *тайлга*. Помимо таких божеств и духов, считали монголы-шаманисты, мир населен огромным количеством других духов, подразделявшихся на добрых и злых. Из них особым почитанием пользовались духи огня, воды и дверного порога. В кодекс монгольских законов «Великую Ясу» Чингис-хана были включены статьи, которые под страхом смерти запрещали их оскорбление. Чтобы не допустить этого, запре-

щалось перешагивать через огонь в очаге, лить на него воду, касаться острыми предметами, кидать в огонь грязь и мусор. Также считалось недопустимым засорять речную и озерную воду, умываться и стирать в ней одежду. Существовал категорический запрет купаться в воде женщинам. Дверной порог, отделяя юрту от окружающего чужого мира, оберегал покой, достаток и благодать (*буян-хишиг*) внутри жилища, препятствовал проникновению в него зла извне. Поэтому запрещалось стоять или сидеть на пороге, разговаривать через него [Ишжамц. С. 37].

По мнению исследователя У.Раульфа, ментальность материализуется в мышлении, чувствах и действиях [История ментальностей. С. 39]. Поскольку одним из результатов проявления человеческой деятельности является все многообразие культуры, то можно утверждать, что ментальность определяет формы и содержание любой культуры, включая этническую. Переводя разговор на монгольскую ментальность, отмечу, что ее формирование привело к сложению в границах монгольского суперэтнуса идейно-нравственной и культурной целостности. Большую роль в закреплении этой целостности сыграла «Великая Яса» Чингис-хана, ставшая одной из высших форм проявления монгольской ментальности. «Великая Яса» («Их засаг») – это письменный свод монгольских законов и установлений, обнародованный на всемонгольском *курултае* в 1206 г. В него включены и юридически закреплены тщательно отобранные вековые обычаи степи, необходимые для успешного функционирования государства. Исследователи полагают, что «Яса» была составлена самим Чингис-ханом, в связи с чем она пользовалась огромным уважением у монголов. Ему приписываются слова: «У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, младший не признавал старшего, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел законность и порядок» [Цитирую по: Гумилев. 1997. С. 481].

Величайшее этнокультурное значение «Ясы» состояло в том, что она не знала этнических границ, через уста *нойонов* и высшей знати доходила до рядовых людей и утверждала на огромной территории государства не только единые законы, но и единые духовно-культурные

ценности. В результате многие собственно монгольские и заимствованные у покоренных этносов традиции и обычаи, лучшие культурные достижения стали общемонгольскими, в равной степени доступными для всех жителей государства. Непременно следует отметить и то, что «Яса» была мощным средством сплочения всего населения страны. Она объединяла людей на всех этнических и социальных уровнях от небольшого родового подразделения до крупной метаэтнической общности (суперэтнуса), от низовой военно-административной единицы *арвана* (де-

сяток) до государства. «Яса» выступала в качестве хранителя и пропагандиста идей этнополитического единства монголов, культивировала в народе взгляд о незыблемости его основных этнических доминантов преданности Великому хану, веры в происхождение от Вечного Синего Неба, Бортэ-Чино и Бодончара. Этот кодекс без сомнения стал выражением национального сознания и самосознания монголов и в полной мере отразил их личностные черты, вызывавшие удивление и восхищение иностранцев.

Библиографический список

1. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 6. М., 1972.
2. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. Кн. I. М., 1997.
5. Гумилев Лев. Этносфера. История людей и история природы. М., 2004.
6. Историческая энциклопедия России. Новосибирск, 2009.
7. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
8. Ишжамц Н. Обычай и нравы монголов XII-XIV веков // *Studia Mongolica*. Том. II. Fasc 1-17. Ulan-Bator, 1975.
9. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.
10. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980.
11. Мэн-да бэй-лу. («Полное описание монголо-татар»). Факс. ксилографа. Пер. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц.Мункуева. М., 1975.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1. М.;Л., 1952.
13. Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. М., 1995.
14. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Об авторе

Зориктуев Булат Раднаевич – д-р ист. наук, проф. Бурятского госуниверситета

Zoriktuev B.R.

About Mongolian supra-ethnos in the XIII century

Abstract. In 1206, Genghis Khan started building a state based on the sociopolitical organization of the Three River Mongols that became known as the *Veke Mongʻol Ulus*. The centripetal tendencies that existed within its borders led to the formation of an integral ethnic organism characterized by socio-economic, cultural and language unit of the constituent ethnos, which is determined as a supra-ethnos. The existence of the Mongolian supra-ethnic entity manifested itself in the presence of a common mentality in which the name *Mongol* as well as traditional Shamanistic religion formed the keystone zone in its ideological, moral, and cultural unit.

Keywords: Three River Mongols, chiefdom, state, supra-ethnos

Статья поступила в редакцию 11.04.2017

УДК 93/94

М. Н. Колоткин

Горный Алтай в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года

Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Аннотация. В статье на основе публикаций сибирских историков и отдельных архивных документов, освещены события, имевшие место в Горном Алтае в февралепереокитябре 1917 года.

Ключевые слова: Томская губерния, Алтайская духовная миссия, Улала, первая русская революция, Никольский монастырь, первая мировая война, национальное самоопределение, инородческий съезд, «областники», Г.Н. Потанин

События первой русской революции (1905-1907 гг.), произошедшие в России привнесли изменения и в жизнь населения Горного Алтая. Во-первых, они инициировали выход в 1908 году Улалинской «инородческой волости из состава Быстрянской управы. Во вторых, в те же годы «пришел конец и полновластия Алтайской духовной миссии «на прием лиц, пожелавших, жить в Горном Алтае». После происшедших изменений, Улалинская волость стала управляться своей администрацией, состоявшей из волостного старшины, двух его (с двумя помощников и официального сборщика налогов. Появились с этого момента в Улале и здания государственных служб: волостное правление и почта и др.

Одновременно со всем этим, в селении прошел и первый стихийный политический митинг, на котором с большой речью о происходящих в стране событиях выступил волостной писарь Юдалевич, который весьма подробно «и с большим воодушевлением» поведал присутствующим о стачках, митингах и прочих формах протеста, которые применяются революционерами». Вслед за ним выступили учителя Улалинской мужской школы Блинов и Косинцев, резко осудившие не только антинародные действия властей, но и потребовавшие в ультимативной форме от присутствовавшего на митинге пристава «никого не держать больше в каталажке, а имеющих ныне в ней узников – срочно выпустить и отправить их всех по домам». В эти же дни Улала, по свидетельству «очевидцев», буквально потонула в массе листовок, прокламаций, брошюр и разного рода «агиток», поступавших из Бийска, Барнаула и других сибирских городов. «Ныне, -подчерки-

валось в отчете Алтайской миссии за 1906 год, всякий малограмотный мужик или баба преважно берутся осуждать существующий ныне строй, «охаивая при этом всех и вся. Но критикуя действия властей, они протягивают свои грязные лапы даже к вечным ценностям Евангелия. Словом, ширится и разливается по краю какое-то дикое сквернословие и нелепое оплыввание всего и вся. И это очень зримо бросается в глаза. Даже в самой, вечно тихой Улале стало твориться «что-то невероятное»: так, в январе месяце на одной из ее улиц был избит помощник управляющего Бийским имением г. Борзенков, а 7-го числа того же месяца местные крестьяне подняли бунт, избив старосту и освободили заключенных, содержащихся «холодной»..., при этом они грозились убить даже пристава и урядников, а также разгромить волостное правление. Еще через три дня на одной улалинской улице был избит урядник Колковский, совершавший положенный по службе, ночной обход села. Характерной формой протеста в те дни стали, как явствует из полицейских донесений, «самовольные массовые вырубki и расхищение леса, как в окрестностях Улалы, так и в лесных угодьях Никольского монастыря». Все это вызвало «справедливое неудовольствие Томского губернатора», который вынужден был «за допущенные сии беспорядки временно отстранить от должности станового пристава», а весной 1906 года, даже прислать в Улалу даже отряд казаков. Таким образом, политические события в России разбудили тихую патриархальную Улалу, известную прежде лишь как «надежный форпост православия на Алтае». Но политика политикой, а улалинцам – надо было

жить. И их селение, и они с ним – продолжали жить. Поручкой тому информация, которую содержала доска, прибитая на верстовом столбе у въезда. Любопытный прибывающий в 1910 году в Улалу мог прочесть на доске у въезда в населенный пункт: «Село Улала, Бийского уезда, церковей 3, школ 2, дворов 500, всего жителей 3127 человек». Если смотреть с горы (со стороны (нынешнего села Алферово, на противоположной стороне которой ютилась деревня «Ерыхалка» -старое название села «Верх-Карагуж» Авт.), то Улала представляла собой беспорядочное скопление строений, связанных между собой паутиной улиц и переулков, которые как ручьи стекались в реку (в нашем случае они тянулись к широкой, но очень грязной центральной проселочной дороге, протянувшейся через Улалу (с севера на юго-восток), которая одним концом соединяла ее с деревней «Майма-Чергачак», а другим (через Верх-Карагуж – и мельничный приселок (будущее с. Алферово) — с разросшимся женским монастырем, каменные строения которого белели в семи верстах от Миссионерской площади – центральной площади Улалы). Мутная и илистая Улалушка, была пригодна тогда только для сплава леса, «который усердно вырубался в ее верховьях». Если говорить об Улале, то р. Улалушка была для нее в то время настоящей границей, которая делила селение на две неравные части. На правом ее берегу, сплошь застроенном кособоками домишками, с такими же «неуклюжими подворьями, селился, главным образом, «пришлый люд». Именно здесь, расположилась и жительствовавшая основная часть улалинского населения. Церковная же иерархия, купцы и представители власти издавна проживали, на левом берегу Улалушки (вокруг служб миссии). Эти здания располагались на широкой и прямой улице, где выселись двухэтажные дома «со справными усадьбами, которые придавали Улале, по словам заезжих журналистов и путешественников, «вид уездного города». Такое «восприятие придавали селению и две каменные церкви — Нагорная (у старого кладбища, построенная бийским купцом Михаилом Матвеевичем Бодуновым и большая Спасская, расположившаяся в центре селения (у моста через Улалушку) — да сплошной ряд кирпичных и побеленных известью лавок, выстроенных местными богачами в начале XX столетия. Они-то, по словам заезжих людей, «и разнообразили сельскую панораму Улалы. Особенно тоскливо выглядела последняя осенью, когда бесконечные потоки воды, катившиеся с окрестных гор, превращали округу в

море черной, как деготь, грязи, в которой постоянно вязли и телеги улалинцев, да и они сами.

Главным источником существования улалинцев тех лет, было, земледелие и скотоводство. Так, в интересующее нас время в распоряжении и обработке селян находилось почти шесть тысяч десятин земли. Поглощали труд селян и предприятия кустарного, и ремесленного производства, главным образом кожевенные цеха, обрабатывавшие местное кожсырье. Одно время их было три). Наряду с ними функционировали тогда в Улале, также маслобойные и маслоделательные цеха, две мельницы и три кирпичных завода. На каждом из вышеназванных производств трудилось, как правило, не более 50 человек. Основной рабочей силой в таких цехах были новоприбывшие поселенцы, которым не досталась земля, чтобы вести крестьянское хозяйство. Стремительное развитие в Улале получила в те годы торговля. Свидетельство тому – разросшийся в селении базар (на территории старого пединститута- на ул. Социалистическая, тянувшийся до ее пересечения с ул. Ленина) по ул. Социалистической, д.32), вобравший в себя 18 торговых лавок. Как грибы «росли» в те годы в Улале, причем, недалеко от базара, питейные заведения — кабаки.

В дальнейшем благоприятном формировании облика Улалы сыграли свою роль русские и алтайские купцы, жившие и торговавшие здесь. К числу таковых, следует в первую очередь отнести бийского (второй купец гильдии) купца Бодунова Михаил Матвеевич, предпоследнего зайсана сеока комдош Давыда Тобокова (Михаил Васильевич), получившего зайсанство от брата отца, поскольку тот не имел своих детей. До зайсанства Тобоков, по общему признанию знавших его «инородцев», был очень беден (он имел всего одну лошадь). Но как только он «вступил в должность», «то стал быстро богатеть. От него пошла, кстати, целая династия улалинских купцов Тобоковых, прославившихся крупной торговлей и их тесными связями с сибирским торговым людом. Хорошо были известны на Алтае и в Сибири братья Аргымай и Манди Кульджины, заимевшие даже имевшие титул «придворного поставщика Его Величества», владевшие огромными табунами лошадей и ведшие широко-масштабную торговлю как внутри России, так и за ее пределами, в частности, они вели «крупную торговлю с Монголией и Китаем. Но если Тобоковы были непосредственно связаны с русским купечеством и пользовались их всемерной поддержкой, то Кульджины противостояли им и предпочитали «работать», через Монголию, с ки-

тайскими и японскими торговцами. Если говорить об алтайском купечестве, то стоит подчеркнуть, что один из братьев Тобоковых избран был в 1904 году в Государственную Думу России (II созыва) и являлся в столице представителем коренного народа Алтая. Оттуда он, по меткому замечанию местных остряков, «привез в порядке «культурного обмена опытом в Улалу нескольких петербургских девиц легкого поведения», и построил для них (рядом с базаром дом терпимости. Это здание «дожило до наших дней и известно горожанам, как жилой дом, именованный в советское время да и теперь «Ковчегом».

Дальнейшее поступательное развитие Улалы прервала первая мировая война. Она «вырвала из повседневной, размеренной жизни селения почти полторы тысячи улалинцев, находившихся в самом расцвете жизненных сил»: они были мобилизованы и отправлены «в окопы». В основном на фронт призывались только лица русской национальности, алтайцев же тогда в «армию не брали, они подлежали «мобилизации», но только на «тыловые работы», главным образом – на «строительство стратегических оборонительных укреплений в прифронтовых районах». Как результат, в Улале катастрофически сократилось, за годы войны, мужское население. Заметно уменьшилось в ней и число грамотных жителей. Прекратили за годы войны свое существование большинство местных предприятий, ставших испытывать острую нужду «в мужских рабочих руках и в сырье, сократилось также, причем значительно количество пахотных земель, существенно уменьшилось за годы войны поголовье лошадей, крупного рогатого скота, которые подлежали тогда «обязательной конфискации для нужд армии». И как следствие, — в селении резко выросли цены на продукты питания и другие товары.

Февральская революция 1917 года принесла на Алтай и «национальное пробуждение». Свергнув самодержавие, Временное правительство повсеместно ввело в России институт земства, не предусматривавший национальные отделения. Одновременно с этим «увидела свет и «Декларация о самоопределении народов», в которой незыблемым продолжал оставаться лозунг о «Единой и неделимой России». В связи с этим, в Сибири сразу же стали стихийно создаваться земства. На Алтае во главе этого движения встала немногочисленная алтайская интеллигенция, которая была тесно связана с сибирским областничеством, в числе основателей и последователей которого были Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, В.В. Сапожников, А.В. Анохин и др.

«Областники» ратовали, как известно, за большую самостоятельность Сибири от Центральной России, вплоть до ее полного самоопределения. Так, Г.Н. Потанин, являвшийся одним из крупнейших деятелей областничества, писал: «Сибирское общество еще не организовано, интересы русского населения Сибири за триста лет пребывания его на новых местах обособились от интересов митрополии, но это осознано немногими умами. Инородческие племена не сцементировались с русским сознанием общих интересов, которые объединяют все другие нации...»

Летом 1917 года в Бийске открылся съезд представителей инородческих волостей Алтая, представленных шестьюдесятью уполномоченными Бийского и Кузнецкого уездов Томской губернии. С 1 по 6 июля было проведено шесть заседаний, на которых было принято обращение «О признании самоопределения инородцев Алтая» с последующим выделением их в самостоятельную земскую единицу, а до признания последней организовать центральный орган, назвав его Алтайской Горной Думой. В ее президиум вошло пять человек. Председателем Думы был избран известный алтайский художник Г.И. Чорос-Гуркин, вместе с ним в состав президиума вошли священник Стефан Борисов, зайсаны: Аргымай Кульджин, Давид Тобоков, Кара Егуеков, секретарь Петр Вальдгрубе. Почетным членом Думы был избран Г.Н. Потанин. На его имя участники вышеназванного форума сразу же направили приветственную телеграмму: «Инородцы Алтая, — гласила она, — впервые собравшиеся на общий съезд, шлют Григорию Николаевичу горячий привет, желая, чтобы голос старого поборника прав инородцев еще много лет раздавался в их защиту, и крепко надеясь на осуществление в недалеком будущем его заветной мечты о Сибирской областной Думе!»

Первыми заботами Горной Думы стали вопросы возрождения национальной культуры и исторического самосознания народа. Исследователям Алтая П.Е. Семенову и Н.С. Гуляеву тут же были даны заказы: написать «Историю Алтая и алтайцев». Кроме того, у Гуляева были приобретены в последующем большая библиотека, коллекция минералов и археологические материалы, которые составили впоследствии основу Горно-Алтайского краеведческого музея. Весьма активно начала действовать Дума по развитию народного образования и решению продовольственных проблем. Однако основными и нерешенными вопросами, по прежнему продолжали оставаться вопросы самоопределения, вла-

сти и землепользования. «Родившись», Алтайская Горная Дума сразу же выдвинула лозунг «Жер-Суу-Хан-Алтай» («Земли и воды величественному Алтаю»), а также провела волостные референдумы «о выделении Горного Алтая из состава из Бийского уезда в самостоятельный уезд. Однако Бийское земское собрание, несмотря на численный перевес (72000 «горно-алтайцев. – «за», 9000 чел. (преимущественно бийчан-«против»), отклонило решение о выделении». Оно приняло резолюцию, в которой говорилось: «Представленный доклад Алтайской Горной Думы с приговорами селений о выделении Горного Алтая из Бийского уезда в самостоятельный Горно-Алтайский уезд, надлежит передать земской управе для проверки ею на местах, совместно с Горной Думой, всех приговоров. И если от каких-либо селений не окажется приговоров, то их необходимо взять и вновь представить все это к следующему очередному земскому собранию, с объяснительной запиской и указанием границ».

Не согласившись с подобным решением Бийского земского земства Гуркин, Борисов, Кульджин и Михайлов (члены Бийского земства) сложили с себя, в знак протеста свои полномочия и покинули собрание. В связи с вышеуказанным вердиктом Бийского земства, Горная Дума приступила к организации и проведению Учредительного собрания в Улале, дабы оформить создание Горно-Алтайского самостоятельного уезда. На учредительный Горно-Алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов, проходивший в Улале с 6 по 12 марта 1918 года, прибыло 132 делегата, из которых 122 представляли инородческие и крестьянские общины, остальные представляли собой кооперативные и общественные организации. Начавшийся в Улале съезд получил приветствия из Минусинска от Комитета сагайского и других хакасских племен, от Якутского исполкома, Омского киргизского исполнительного комитета и от Томского мусульманского съезда. Последний, кстати, телеграфировал: «Томский губернский съезд приветствует первый свободный инородческий съезд. Желает кровным братьям нашего племени полного успеха в делах. Да здравствует свободный монголо-тюркский народ на родной колыбели Алтая. Председатель съезда Нурула Карпов».

7 марта 1918 года тайным голосованием съезд принял решение о выходе Горного Алтая из состава Бийского уезда, закрепив их в следующих положениях: «1. Горную часть Алтая выделить из состава Алтайской и Томской губерний в особую единицу, наименовав ее Каракорумский

Алтайский округ. 2. Северная и западная границы округа устанавливаются путем опроса жителей, которые волостным собранием определяют свою волю: «остаться в прежнем статусе или примкнуть к Каракорумскому Алтайскому округу».

Центром нового округа была временно назначена Улала, с тем, чтобы приступить в дальнейшем к строительству новой столицы — «города Каракорум». Место для его возведения отводилось на правом берегу Катунь, между современными селами Манжерок и Майма- т.е., это был участок из бывших земель Кабинета, площадью в 6993,9 га. В длину он тянулся вдоль р.Катунь -на 10 км и в ширину он доходил до 3 км. Словом, День 7 марта 1918 года стал знаменательным для Улалы: Около пяти часов вечера в Спасской церкви был отслужен благодарственный молебен. На Миссионерскую площадь вынесли и освятили национальное знамя Алтая: на красном фоне полотнища с левой стороны был изображен треугольник, символизировавший собой горы величественного Алтая, под треугольником — извивающиеся полосы волн молочно-зеленого цвета — это Катунь, над треугольником — восходящее солнце. Все фигуры символизировали землю, солнце и воду, которые являлись и являются основными элементами религиозного мировоззрения алтайцев. По знамени шла надпись «Жер-СВВ-Хан-Алтай». При выносе знамени на площади звучали песни и гремело громогласное «ура!». В честь этого, памятного события, прибывшие для охраны порядка солдаты Бийского гарнизона произвели праздничный салют.

Другими важными решениями Улалинского Учредительного съезда были постановления о дополнительном открытии 13 интернатов и 5 школ, открытии смешанных гимназий в Улале и Онгудае, а также об организации народных избитален и библиотек, об издании собственного печатного органа и др. Были также предложены тогда проекты о постройке на Алтае Дома художников и писателей, об организации Общества пчеловодов, Общества правильной охоты. После выборов членов правления, Алтайская Окружная управа под руководством Г.И. Чорос-Гуркина приступила к работе.

А Россия тем временем вплотную приближалась к рубежу, за которым неизбежно начиналась гражданская война. Достиг этой кровавой черты и Горный Алтай. Нужна была лишь «искра», чтобы воспламенить факел. И она «нашлась»: весной 1918 года между Каракорумом и Бийским Советом возникает (на территориальной почве) вооруженный конфликт. Пригранич-

ные села Березовка, Тарханское (Быстрянка вошли, как известно) добровольно в состав Каракорум-Алтайского округа, но Бийский совдеп эти решения приграничных сел не признал и направил в данные селения красногвардейский отряд, который начал производить в них аресты и грабежи жителей. В связи с этим, Каракорумская управа срочно отправила туда свой отряд, которым командовал подпоручик В. Залесский. В ходе случившейся в с.Березовке стычки, погиб один красногвардеец, один ранен и один арестован. Этот «неприятный для всех инцидент» удалось разрешить мирным путем. Однако последующие события стали развиваться совершенно по «неожиданному сценарию».

В Сибири то время вспыхивает, как известно мятеж белочехов. В ходе его офицеры, которых много было немало на Алтае, приняли, к несчастью Советской России, сторону белочехов. Стали врагами большевиков и многие офицеры, приглашенные Каракорумом к себе, на службу. В связи с этим, очень сложной оказалась Позиция ее председателя, т.е. Г.И. Чорос-Гуркин: Одни стали обвиняли его в симпатиях к Советам и большевикам, в частности, в содействии большевистскому комиссару Соболевскому, другие же, напротив, стали считать его противником Советов. Очевидно, прав был уездный комиссар правительства Колчака И. Батурин, сказавший о Гуркине: «Это был человек со слабым характером и чрезвычайно доверчивый. Достаточно было кому-либо сказать: «я люблю Алтай», и Гуркин уже мог всецело довериться этому человеку, не зная его подлинного лица последнего...»

Весьма своеобразно повели себя в дни белочехского мятежа офицеры, служившие в Каракорумской управе: большая их часть сразу же приступила к формированию из числа местного населения, Алтайского Туземного дивизиона, обещая в добровольцам последующем перевод в

казацье сословие со всеми полагающимися ему привилегиями. Самого начала новоявленный дивизион стал использоваться для подавления крестьянских волнений в Бийском уезде и Каракорум-Алтайском округе, а одна его сотня была даже отправлена в ставку Колчака в г. Омск.

Словом, вспыхнувшая на Алтае гражданская война принесла его населению неисчислимую массу бед и несчастий. Разруха, голод и болезни стали обычным явлением для жителей нашего края в то время. По Чуйскому и Уймонскому трактам к монгольской границе, день и ночь тянулись толпы голодных, измученных неизвестностью отступающих колчаковцев. Лишь Горно-алтайский «Туземный» дивизион, предводительствуемый Сатуниным продолжал проводить в те дни свои карательные акции против лиц, сочувствующих Советам. В конце лета он жестоко расправился с партизанами села Майма-Чаргачак. По возвращении из последнего в Улалу, он расстрелял в ней девять человек, заподозренных бандитами в сочувствии большевикам. После этой карательной акции, «сатунинцы отправились в Чергу, чтобы подавить вспыхнувшие там волнения крестьян. Прибыв в село, сатунинцы повесили на въездных воротах в Чергу 12 партизан и сочувствующих. Однако охвативший бегогвардейцев «разброд» коснулся и сатунинского дивизиона, в котором пьянки и драки стали постоянным явлением. В ходе одной из них был убит сам Сатунин: его, как свидетельствуют протоколы допросов «застрелил спяну из нагана один из приближенных к главарю, офицер штаба, за что «виновный» был повешен «на выездных из Черги воротах». После смерти Сатунина, командование дивизионом принял подъесаул Кайгородов, объединивший и возглавивший, остатки бывшей регулярной колчаковской армии: отряды Кундия Шабуракова, полковника Сокольского, капитана Келлера, Хмелевского и др.

Об авторе

Колоткин М.Н. – Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Kolotkin M.N.

Gorny Altai in the period of the February and October revolutions of 1917

Abstract. In the article, based on the publications of Siberian historians and individual archival documents, the events that took place in the Altai Mountains in February-October 1917 were highlighted.

Keywords: Tomsk gubernia, Altai spiritual mission, Ulala, the first Russian revolution, Nikolsky monastery, the First World War, national self-determination, foreign congress, «Oblastniki», G.N. Potanin

Статья поступила в редакцию 07.02.2017

УДК

А. В. Попков, П. Я. Захаров, С. А. Нагорных, А. К. Пручкина

Из истории создания метода антистрессовой пластической гимнастики

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

Аннотация. В статье, на основе анализа имеющейся литературы и авторских разработок дается краткое изложение истории создания антистрессовой пластической гимнастики (АПГ), этапы ее формирования и общая характеристика этого подхода к движению – в его концептуальной основе, практических приложениях и перспективе дальнейшего развития в качестве учебной дисциплины. Показано также значение Учения Живой Этики, Агни-Йоги как этико-философской базы метода, а также место АПГ в истории Горного Алтая.

Ключевые слова: этика, Агни-Йога, непрерывность, устойчивость, жизнеспособность, процесс, воспитание, образование, антистрессовая пластическая гимнастика

Современный период развития нашего социума можно охарактеризовать как смену парадигмы, когда старые ориентиры в их прежних формах оказываются под вопросом, а отсутствие ясности относительно качества новых провоцирует неуверенность в своей перспективе. Естественно, вопрос о том, куда идти и что строить, какие отношения считать нормой морали – все это не может не плодить новых проблем для психики, и без того перегруженной напряжением последнего времени с его социальными, экологическими и этническими проблемами. Поэтому, без преувеличения, можно определить современную жизнь как время выживания, когда речь должна идти уже не просто о сохранении здоровья, – от физического до психического и морального, – но о необходимости выстоять в скопище негативов. Это особенно относится к большим городам, где нервно-психические нагрузки играют роль стресс-фактора такой мощности, которая требует принятия адекватных мер противодействия.

К такому можно отнести созданный в конце 1980-х метод, в котором упор делается на поддержание устойчивости всей совокупности сфер жизнедеятельности, как единого интегрального процесса. Это значит, по сути, что предложен подход, в котором во главу угла ставится целостность всего организма при одновременном дифференцированном рассмотрении этих сфер в их иерархической значимости, т.е., в соответствии со степенью их устойчивости. Эта концепция фор-

мировалась и развивалась параллельно накоплению практического опыта ее освоения. Первоначально эмпирически найденный эффект релаксации позволил понять принципиальную основу нового подхода в виде непрерывности процесса, а продолжение поиска – сделать вывод о независимости этого эффекта от заранее выбранных форм движения, т.е. их геометрии.

Так постепенно складывался комплекс движений на базе самых простых и доступных форм с перспективой его расширения по мере освоения. При этом были использованы подготовительные упражнения – как элементы самомассажа, – связанные с практикой воинских искусств. Особенно важными оказались движения качественно нового типа, связанные с крупными колебаниями, как наиболее полно охватывающие спектр воздействия на весь организм и соответствующие найденному режиму движения в его плавности и замедленности. Этот режим используется в одном из наиболее продвинутых стилей воинских искусств, и его совершенствование стало основой предложенного подхода. Важно было отделить характер движения, связанный с понятием устойчивости, от традиционных форм оригинальной системы, которые оказались необязательными для достижения психотерапевтического стабилизационного эффекта.

Период индивидуальной апробации был связан с освоением получавшего в то время все бо-

лее широкую известность Учения Живой Этики или Агни-Йоги. Причиной этому стала неудовлетворенность разрывом между внешними устремлениями, декларируемыми ценностями и реальностью. В то же время, новое Учение открывало перспективы самопознания без ущерба для жизни в социуме и выполнения своих обязанностей. Конечно, моральный кодекс и нравственные нормы, необходимые для здоровья психики, существуют и в боевых искусствах, получавших все более широкое распространение. Все же, при всей их полезности, они формировались в конкретных условиях и носили отпечаток своего времени, а потому не могли соответствовать современному уровню научного знания, многоукладности и многоконфессиональности нашей страны. Но главное, они не могли объединить предыдущие моральные учения, – в отличие от Агни-Йоги, которая, отвечая понятию светской этики, представляет единство путей совершенствования.

Сказанное мотивирует характер всей дальнейшей деятельности по исследованию возможностей нового подхода к движению. Она базировалась на этике, в том числе на принципе ненасилия, заложенном в основе метода, что создавало возможности ее устойчивого продвижения. Иными словами, работа носила некоммерческий характер, и таковой остается по настоящее время. Отличительной особенностью на всех этапах было полное отсутствие платы за занятия для самих занимающихся. Это помогло в дальнейшем довести предапробацию до ее официальной стадии, и вмешательство госструктур ограничилось лишь закрытием нескольких групп. Для работы с людьми был необходим допуск, и одного энтузиазма, даже присутствия на занятиях врачей оказывалось недостаточно и приходилось идти на риск – тем более, что число групп неуклонно росло. Разумеется, компетентные органы были осведомлены, но претензий не было, лишь высказывались опасения в связи с возможностью передачи метода в другие руки и потери контроля. Это соображение было принято во внимание, и усилиями авторской группы апробация АПГ шла по государственной линии с конечной целью дальнейшего официального развития.

Возвращаясь к начальному этапу, можно сказать, что в таком же ключе решался вопрос о проверке и подтверждении авторского опыта в связи с необходимостью выполнения условия «не навреди», ибо принцип коллективизма требовал поделиться эмпирически найденным, но непред-

сказуемость эффекта на стадии его индивидуального восприятия и возможного усиления заставляли проявлять осторожность. Был найден компромиссный вариант, когда занятия проводились в малых группах по несколько человек с постепенным нарастанием количества движений и времени занятий при условии возможности постоянного контроля состояния занимавшихся. Последнее могло быть выполнено, поскольку участники эксперимента были сотрудниками одной лаборатории академического института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова РАН (ИОНХ РАН). Именно в этот период эффект превзошел все ожидания, когда у одной из занимавшихся наступило очевидное улучшение в тяжелом заболевании (псориаз, ревматоидный полиартрит). Это заинтересовало ее лечащего врача, поскольку подобное достигалось лишь сильнодействующими препаратами, переливанием крови и другими процедурами, и по ее предложению было принято решение провести пробные занятия в одной из московских больниц. Был отмечен выраженный эффект релаксации, особенно заметный у лежачих больных, которые могли выполнять лишь плавные движения руками, что позволило сделать вывод о возможностях синхронизированного процесса в повышении общей устойчивости организма. В этой связи дальнейшая работа по апробации метода проводилась по медицинской линии в кооперации с соответствующими учреждениями, а также с группами общего доступа. При этом количество участников в группах постоянно увеличивалось до 100 и более человек, причем, самого различного возраста, от детей до пенсионеров. Что важно отметить – это практически одинаковую реакцию на нагрузку, связанные с режимом замедленного плавного движения, когда занимавшиеся их, как будто, не замечали. Причем, им легко и естественно давались такие элементы, особенно связанные с гибкостью, которые не получались дома. Это объясняется повышением частотных характеристик коллективного процесса и выражается в стабилизирующем воздействии, в том числе и на костно-суставную систему, что в дальнейшем подтвердилось в ходе официальной апробации.

Постепенный рост числа занимавшихся, количество групп и общая нагрузка предопределили необходимость работы на открытом воздухе, за городом. Эти занятия показали возможность их совмещения с техникой бега, причем естественной потребностью было заниматься без обуви, а связанное с этим тонизирование отмечалось как отсутствие усталости и прилив сил.

Загородные занятия продолжались до осени и наступления холодов, включая пробежки, по-прежнему без обуви, а костер, горячий чай и беседы всегда входили необходимым элементом общения. Занимавшиеся знали об этической базе метода, и было много вопросов автору – зачастую в режиме спарринга – о ее связи с конкретной жизнью, а ответы на них помогали яснее увидеть концептуальные основы АПГ. Этот период становления метода можно считать примером коллективного творчества, а некоторые из вопрошавших затем составили костяк будущих специалистов АПГ.

Этот же период отмечен как начало профессионального использования АПГ в подмосковном пансионате «Клязьминское водохранилище». На основе наработанного опыта ведения занятий был найден принципиально новый подход к нагрузочным режимам, когда использование гравитации – например, в технике бега – давало возможность свести к минимуму необходимые усилия. Отмеченный при этом эффект управления вестибулярным аппаратом («бег в падении») позволял занимавшимся даже преклонного возраста легко без усилий взбегать на пригорок, не замечая нагрузки. Так постепенно складывались условия формирования той стадии устойчивости процесса, которая, впоследствии, получила название «автоматического», – и, как его завершение, – «свободного» движения. В общих чертах эту ступень освоения можно охарактеризовать как рост эффективности физического движения за счет постепенной замены силового воздействия фактором гармонизации или согласованности сфер жизнедеятельности. Следствием этого является рост устойчивости или жизнеспособности организма при условии сохранения доминирующего значения этического фактора, обеспечивающего стабилизацию всей совокупности процессов – от ментального до физического. Динамика улучшений, рост общего тонуса отмечались в ходе медицинского контроля состояния занимавшихся, что положило начало дальнейшим исследованиям в рамках медико-биологической и психологической апробации АПГ.

Приходится удивляться возможностям метода, позволившим бригаде из нескольких человек создать десятки групп свободного доступа, а также в различных медицинских учреждениях, детских садах, школах, НИИ, производственных объединениях, ДК, спорткомплексах и т.д., в которых занимались сотни человек. Отметим, что с 1984 по 1987 г. ознакомительные занятия по освоению метода проводились в группах: оздоро-

вительной физкультуры (детская городская больница №6, Клиника неврозов им. Соловьева, санаторий профилакторий «Вымпел», Республиканский лечебно-физкультурный диспансер (РВФД) МЗ РСФСР, Московский опытный завод «Эталон», психоневрологический диспансер №14, противотуберкулезный диспансер №13, детская поликлиника №114, клуб им. Русакова, дома культуры «Салют», «Серп и молот», «Каучук», «Алмаз», «Москворечье», автомобильного завода имени Ленинского Комсомола (АЗЛК), стадион Лужники, Добровольное спортивное общество «Водник»); в системе туризма и отдыха (пансионат «Клязьминское водохранилище», детский сад-ясли № 50 Московской области); в системе военной подготовки (каф. Физической культуры Академии им. Н.Е. Жуковского) и др. Эта масштабность повлекла за собой растущий интерес все большего числа людей к необычному подходу, оказавшемуся столь притягательным и эффективным. Действительно, одна из занимавшихся, проходившая обследование в РВФД, рассказала о занятиях наблюдающему врачу – проф., д.м.н. Р.Е. Мотылянской, и по ее предложению была организована апробация, ознаменовавшая начало нового периода – официального становления метода.

Для ее проведения были сформированы контрольные группы и обследования занимавшихся в РВФД и других медицинских учреждениях Москвы. Годичный цикл обучения показал существенные изменения в состоянии здоровья и значительные улучшения по всем основным системам жизнеобеспечения организма. Так для костно-суставной системы улучшения – 91%, нервной системы – 85%, сердечнососудистой системы – 52%, органов зрения – 38,5%, других болезней – 57% [1]. Проведенные исследования позволили сделать вывод о принципиально новом механизме реакции организма на стрессовые воздействия (антистрессовый механизм). При этом применялся самый широкий спектр методов, а коллектив профессоров представлял ученых наиболее известных в своих областях науки. Эта исследовательская группа во главе с известным ученым – проф. д.м.н. Р.Е. Мотылянской провела медико-биологическую и психологическую апробацию на самом высоком уровне, в чем безусловная заслуга ее научного руководителя, сумевшего мобилизовать своих коллег и учеников. Опытно-экспериментальная работа осуществлялась на базе стационарных групп – дома культуры «Москворечье» и АЗЛК, стадионов «Метеор» и «Лужники», пансионата «Клязьмин-

ское водохранилище», профилактория «Вымпел», Центрального дома культуры Всесоюзного общества слепых, в сотрудничестве с Советом молодых ученых г. Москвы – в школе № 35, а также в школах-интернат № 50 и № 95, в школах города Чехов Московской области, в нескольких Всесоюзных НИИ Москвы и в др. предприятиях города. Параллельная медицинская апробация проходила в Медико-санитарном отделе №11 Минздрава СССР.

Итоги апробации как результаты фундаментальных исследований были изложены в [1; 2], а также выпущены методические рекомендации [3] под названием Антистрессовая пластическая гимнастика А.В. Попкова – или просто АПГ.

Масштаб проделанной работы, ее качество и уровень обусловили дальнейшее утверждение метода в мае 1989 года. Созданная по инициативе Госкомспорта СССР и Россовета Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества (ВДФСО) профсоюзов аттестационная комиссия определила значение АПГ, как нового направления массовой оздоровительной физической культуры и дала свои рекомендации по аттестации группы из семи человек, проводивших занятия, – в качестве допущенных к преподавательской деятельности, а создателя метода – как автора и тренера-преподавателя Антистрессовой пластической гимнастики [4]. Был утвержден учебный план подготовки инструкторов АПГ, ставший базовым документом всей дальнейшей деятельности, – совместно с ее медицинской основой, методическими рекомендациями [3], – по педагогической апробации утвержденного метода (Госкомспорт СССР, Главное управление по оздоровительной работе среди населения, Всесоюзный научно-исследовательский институт физической культуры (ВНИИФК), ВДФСО профсоюзов [4]). В общей сложности с 1984 по 1991 гг. количество занимающихся, ознакомленных с методом в Москве и области, достигло 10000 чел. Поскольку развитие этого направления планировалось в масштабе СССР, было принято решение о продолжении педагогической работы для выяснения возможностей метода в дополняющих мегаполис условиях, для чего был выбран регион Алтай. Занимающий срединное положение и обладающий уникальными условиями, этот регион в наибольшей степени удовлетворял требованиям апробации и доводки метода, с учетом всех его особенностей и отличий, связанных со спецификой юга Западной Сибири. Они наглядно проявились в период работы авторской группы в Горно-Алтайске, Барнауле и Усть-Коксе. Темп

жизни, спокойствие и уравновешенность людей, чувствительность психики, доброжелательство – вот лишь небольшой перечень того необычного, с чем оказалась связанной жизнь и работа специалистов, что так контрастировало с условиями мегаполиса. Сказанное, в какой-то мере, иллюстрирует то, с чем пришлось столкнуться авторской группе в московский период становления и апробации АПГ. Здесь и многочисленные группы занимающихся, и режим форс-мажорных нагрузок, и сопротивление, и нежелание сотрудничества. Но наперевес – искренняя помощь и поддержка, всегда неожиданные и в нужный момент. Конечно, насыщенная событиями и занятиями деятельность требовала разрядки, поэтому сохранение баланса условий работы предопределило необходимость ее продолжения в альтернативных мегаполису условиях, чтобы избежать возможных перегрузок. Алтай в этом отношении представлял собой лучший выбор – с экологических позиций, и как регион, в котором представлен широкий спектр социальной жизни. Практика подтвердила эти предположения, и за относительно короткий срок, около трех лет, оказалось возможным завершить медико-педагогический этап апробации. Однако, главной причиной переезда на Алтай была уверенность существования связи этого региона с источником Учения, Шамбалой, страной справедливости и счастья, коммуны, по образцу которой и должен был строиться коммунизм у нас в стране, имевшей честь первой принять его прививку.

В этот период с 1990 по 1993 гг. в Горно-Алтайске была создана студия «АПГ – Алтай», которая занималась как информационно-просветительской деятельностью (телевидение, радио, печать), так и практической работой по продвижению метода. В печати появляются публикации об АПГ (газеты «Радист» производственного объединения «Луч» №№ 47, 48, «Алтайская правда» №№ 76, 77 г. Барнаул; «Звезда Алтая» №№ 68, 170 г. Горно-Алтайск), на радио – радиопередача «Разговор с интересным собеседником» (интервью с автором метода) на русском и алтайском языках (Горно-Алтайское радио). Барнаульское телевидение выпускает 3 учебных фильма: «Живая Этика и ваше здоровье», «Дорогу осилит идущий», телеинтервью с автором метода об основах Учения Живой Этики.

Практическая работа ведется в системе здравоохранения и образования Горно-Алтайска, Барнаула, Усть-Коксы по утвержденному плану в соответствии с приказом по Комитету здравоохранения республики Горный Алтай о

внедрении и развитии АПГ, необходимости организации и проведения занятий с детьми школьного возраста. Она охватывает учреждения здравоохранения региона, а также занятия в группах общего доступа, в школах (с педагогами и детьми, в т.ч. астенизированным контингентом школьников), участие в плановых семинарах Института повышения квалификации учителей Горно-Алтайска, занятия со студентами пединститута. Ведется работа по отбору стажеров из числа занимающихся для дальнейшего прохождения курсовой подготовки. По согласованию с Комитетом здравоохранения Республики Горный Алтай занимавшимся на курсах АПГ выдавались соответствующие удостоверения. Всего было охвачено 36 предприятий региона с привлечением до 850 занимавшихся.

Занятия с местным населением, и особенно с детьми показали настолько высокую эффективность и востребованность метода, что это позволило Комитету здравоохранения республики, совместно с директорами школ Горно-Алтайска, ходатайствовать перед Правительством Республики Алтай о внедрении АПГ в систему образования. Именно здесь, в Алтайском регионе, метод, развивавшийся преимущественно по медицинской линии, вышел на качественно иной образовательно-педагогический уровень. Таким образом, подтвержденная эффективность подхода в условиях отличных от мегаполиса – от Барнаула и, по нарастающей, до Усть-Коксы, – позволила сделать вывод о принципиальной возможности практического использования метода в условиях Российской Федерации. После рассмотрения предоставленных материалов о работе на Алтае Министерством образования РФ перед авторским коллективом была поставлена задача разработки учебной программы по АПГ для школьников с 1 по 11 класс. В этой связи на базе методических рекомендаций по АПГ [3] был подготовлен учебный материал и существенно дополнена концепция АПГ. Так первоначально найденный подход к качественной характеристике движения, его плавности, носящей больше субъективный характер, был дополнен ее соответствием в виде принципа непрерывности, а затем – и ее выражением в виде устойчивости процесса, имеющей физическое и математическое обоснование. В дальнейшем категоричная связь непрерывности и устойчивости позволила установить и их выражение применительно к сферам человеческой жизнедеятельности. Надо сказать, что если роль плавности движения была найдена эмпирически, то понимание ее значения дала

Живая Этика, – как Учение о процессах, их иерархических связях и взаимодействиях. Таким путем оказалось возможным сформировать простую и ясную концепцию АПГ. По инициативе Министерства образования Российской Федерации (МО РФ) эта концепция и ее практическая реализация получили экспертную оценку, подтвердившую возможность использования АПГ в системе образования. В виду важности этой темы приводим полный текст этого заключения ведущего научного сотрудника Центра этических исследований Института Философии Российской Академии наук, доктора философских наук, проф. Коноваловой Л.В. «Живая Этика – морально-этическое учение о человеке и его месте в системе мироздания, органично соединяющее народную мудрость, новейшие научные достижения, нравственные правила, практические рекомендации по поддержанию духовного и физического здоровья. Не являясь религией или основой какой-либо конфессии и, вместе с тем, не отрицая их, Живая Этика не несет ни идеологической, ни оккультной направленности и может служить в условиях многонационального уклада жизни нашей страны основой формирования новых подходов к нравственному и физическому здоровью человека. Разработанное на основе принципов Живой Этики новое направление массовой оздоровительной физкультуры – антистрессовая пластическая гимнастика (АПГ) – может быть рекомендована для широкого внедрения в образовательных учреждениях России» [5]. В контексте сказанного, важно отметить, что принципы этого Учения позволяют по новому увидеть и само понятие этики, как процесса – в его иерархической значимости, жизненных проявлениях, а также возможности применения к нему всего арсенала научного знания. Тем самым этика перестает быть отвлеченным понятием и становится фактором, влияющим на всю практическую жизнь и, в том числе, – на физическое движение. Таким образом, занятая ведомством позиция в отношении нравственных приоритетов [6], опирающаяся на авторитет академической науки, позволила придать динамику сложившимся представлениям и увидеть перспективу ликвидации разрыва между образовательным и воспитательным процессами [7].

Работа по разработке программы проводилась по приказу Министра МО РФ Е.В.Ткаченко в соответствии с Координационным планом реализации научной программы «Российская школа», и по рекомендации Федерального экспертного совета по общему образованию МО РФ

она была опубликована в сборнике учебных программ [8]. К сожалению, к моменту выхода сборника в 1996г. Министерство образования не смогло предпринять практические шаги, поскольку, по утверждению официальных представителей, его соответствующая структура, занимавшаяся поддержкой и развитием новых программ, была расформирована. Главное управление развития общего среднего образования Министерства образования Российской Федерации (ГУРОСО МО РФ), значившееся как официальный, – совместно с авторским коллективом – разработчик, выполняло функции оповещения и информационной поддержки. В этой связи специалистами АПГ было принято решение о самостоятельном практическом продвижении нового метода и реализации программы. Так по письму ГУРОСО были организованы ознакомительные курсы в системе Российского института повышения квалификации работников образования (РИПКРО), и, в дальнейшем, продолжена курсовая подготовка для преподавателей московских школ, начатая на стадии разработки программы в ЮАО г. Москвы. Одновременно с этим была начата работа по расширению возможностей метода и его адаптации к контингентам детей в системе дошкольного образования (ДОУ). Как показала практика, введение элементов АПГ благотворно сказывалось на здоровье и общем состоянии детей. Первые шаги в этом направлении были сделаны в Юровской спецшколе-интернате для детей с последствиями ДЦП в Бронницах Московской области. Преподаватели школы осваивали АПГ на Раменских курсах общего доступа, и было принято решение об организации их подготовки в интернате с одновременным обучением детей. Занятия со школьниками позволили сделать вывод о том, что при отсутствии координации и навыков синхронного движения даже частичного восприятия метода достаточно для проявления терапевтического эффекта, например, – в отказе от снотворных препаратов. Надо сказать, что интернат сыграл особую роль как в подготовке самой программы, так и в возможности работы авторской группы – в качестве своего рода полигона и места ее проживания. Именно здесь в Юровской школе рядом с детьми рождалось понимание необходимости в методе – как то новое, что в дальнейшем в атмосфере 1990-х помогло сохранить и принципы, и темп подготовки преподавателей. Постепенно прояснялась и важность целенаправленного обучения основам АПГ не только преподавателей физической культуры и других дисциплин,

но прежде всего, студентов вузов, которым гораздо проще и естественнее осваивать антистрессовый метод, требующий определенного времени его ассимиляции. Можно сказать, что принятый подход, основанный на интенсивном силовом воздействии, при котором физические нагрузки играют роль достаточно мощного стресс-фактора, должен быть дополнен ровно противоположным – с учетом нарастающих стрессовых нагрузок и фона гиподинамии. Поэтому необходимо как можно раньше дать возможность задействовать антистрессовый механизм, позволяющий ассимилировать интенсивные воздействия без последствия для психики. В таком ключе и подготовка специалистов АПГ и защита здоровья детей оказываются двумя сторонами одной задачи – развития метода по линии государства. В этой связи авторской группой был подготовлен пакет документов и представлен в Комиссию по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации, по рассмотрению которой была оказана официальная поддержка как самой возможности работать в Москве, – ибо с отъездом на Алтай для проведения апробации статус москвичей для специалистов был утрачен, – так и в плане заинтересованности ведомств в реализации выпущенной программы. В 1996 году было заключено соглашение с Государственным комитетом Российской Федерации по физической культуре и туризму (ГКФТ) о проведении совместных работ по развитию и распространению АПГ, в рамках которого организовано обучение преподавателей московских школ; для работников образования, проходивших подготовку по направлениям валеологии и повышения квалификации (Федеральный центр валеологии Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования МО РФ – АПКИПРО МО РФ); для студентов вузов (Московского городского педагогического университета – МГПУ, российского государственного университета физической культуры – РГУФК); для преподавателей различных специальностей учебно-воспитательного комплекса (УВК-1678). Кроме того были проведены занятия с сотрудниками отряда «Центроспас» МЧС. Курсы повышения квалификации по АПГ в рамках Московского института открытого образования (МИОО) Департамента образования при Правительстве г. Москвы прошли педагоги и воспитатели дошкольного образования. Для работников школьного и дошкольного воспитания были организованы также региональные курсы на базе АПКИПРО. Поми-

мо своей практической значимости объем проделанной работы в этот период и накопленный опыт адаптации метода применительно к различным специализациям создавали основу для решения главной задачи – передачи АПГ детям, что обуславливало создание новой программы – подготовки специалистов для высшей школы. Ее результаты нашли отражение в публикациях [9; 10]. В номерах Всероссийской газеты «Спорт для всех» (№№ 22-24 «СДВ» за 2005 г. и №№ 1, 3, 4-9 за 2006 г.) в серии статей «Гимнастика антистресс» излагались краткие основы АПГ, а в 4-х последних изданиях справочника [11] – учебная программа для школьников. В то же время, обобщение результатов многолетней деятельности по развитию АПГ привело к необходимости создания сайта авторских разработок и документации, связанных с историей формирования метода [12]. На нем собран исчерпывающий материал о концепции АПГ, могущий помочь в освоении нестандартного подхода к движению и его приложениям. Центральная идея о неограниченном продолжении наших возможностей во все более продвинутые и энергетичные сферы человеческой природы и через нее – к макро-масштабам, – неотделима от концепции процесса, его нескончаемости в трансформациях и видоизменениях. Признавая этику процессом, мы тем самым наводим мосты между ней и физическим движением, которые в своей совокупности выражают сущность человеческого организма как интегрального единства. Так от категоричной связи непрерывности и устойчивости до импульсной природы процесса как основы его творческого потенциала, – конкретизировалась и расширялась концептуальная база АПГ. Эти представления были изложены в учебно-методическом пособии [13] для студентов Горно-Алтайского госуниверситета, с которым связаны основные усилия по передаче метода под государственный контроль его дальнейшего развития. Расширение концептуальных основ АПГ, осмысление накопленного опыта позволили приступить к работе по подготовке программы для высшей школы. С этой целью в 2011 году в Горно-Алтайском государственном университете на кафедре теории и методики физической культуры и спорта на основе комплексной программы АПГ в рамках изучения учебной дисциплины «педагогическое физкультурно-спортивное совершенствование» разработан раздел программы и проведено обучение студентов 5 курса по специальности «Физическая культура». Студенты в теории и практике рассмотрели такие разделы АПГ как: АПГ – направление оздоровительной работы,

культура движения и познание, АПГ с позиций биомеханики, педагогические основы и организация занятий АПГ, АПГ в системе школьного образования, комплекс упражнений и другие.

В 2013 г. в Горно-Алтайском государственном университете выпущено учебно-методическое пособие по АПГ [13].

В 2016 году прошло курсовое ознакомительное обучение по программе «Об антистрессовой пластической гимнастике» для сотрудников и преподавателей Горно-Алтайского государственного университета, в этом же году в рамках программы дополнительной профессиональной переподготовки «Физическая культура и спорт» проведены занятия по АПГ для тренеров-преподавателей и инструкторов по видам спорта Республики Алтай, кроме того АПГ включена одним из разделов дисциплин «прикладная гимнастика» и «педагогическое физкультурно-спортивное совершенствование» для направления подготовки Педагогическое образование профиль Физическая культура, Педагогическое образование профили Физическая культура и Безопасность жизнедеятельности.

Перспективы развития АПГ как оздоровительного направления достаточно велики. Это выражается в том, что система доступна даже не подготовленному человеку, и она позволяет освоить двигательное действие как комфортное и естественное. При занятиях повышаются адаптационные возможности организма, сводятся к минимуму отрицательные последствия нервно-психического напряжения. При обучении студентов ВУЗа целесообразно использование АПГ на занятиях по физической культуре и спорту, элективных курсах по физической культуре и спорту, а также при подготовке педагогов по физической культуре.

Освоение АПГ может быть также полезно при подготовке спортсменов по различным видам спорта. Для всех видов спорта без исключения большое значение имеет процесс восстановления после больших физических нагрузок, а АПГ способствует улучшению качества восстановления спортсмена, ускоряя этот процесс.

В циклических видах спорта очень важна выносливость, устойчивое дыхание. Используя АПГ во время тренировок можно увеличить степень его экономизации, то есть АПГ способствует увеличению потребления кислорода тканями (тканевого дыхания) без изменений процесса внешнего дыхания. В результате увеличивается коэффициент полезного действия этого процесса. Кроме того, бег в АПГ осуществляется с ус-

тановкой на отдых для сохранения состояния комфортности как критерия общей устойчивости организма. При этом используется управление вестибулярным аппаратом (угол наклона) для варьирования напряжений и изменения характеристик процесса бега. Освоение данной техники позволяет экономить силы и при этом испытывать значительные нагрузки, воспринимая их достаточно комфортно.

В единоборствах важны силовые характеристики, хорошая реакция спортсмена, а именно импульсность движения. Всякое движение в той или иной мере носит характер импульса. В АПГ, по мере освоения правильного подхода к напряжениям, импульс становится все более сжатым по времени и все более интенсивным, то есть более мощным. Для освоения нарастающей мощности импульсного движения очень важно иметь подготовленную нервную систему, иначе дисбаланс напряжений может привести к срыву. Нарастание напряжения (импульсности движения) в АПГ происходит постепенно, а потому нервно-психическая сфера может ассимилировать значительные напряжения, которые связаны с перепадом скоростей в импульсе. Сочетание данного подхода с традиционным тренировочным процессом позволит спортсменам сохранять баланс напряжений, что дает возможность избежать переутомления, травматизма.

В командных видах спорта большую роль играет слаженность команды, то есть умение чувствовать своего товарища, понимать его. Синхронизация движений в АПГ, настрой на чувствование общего движения, мыслеобразов способствуют укреплению командного духа. Умение чувствовать товарища и противника позволяет с максимальной скоростью выбирать нестандартные оптимальные решения.

В тех видах спорта, в которых большой риск перенапряжения (гиревой спорт, борьба велогон-

ки и др.) может быть особенно полезен реализуемый в АПГ подход. АПГ способствует равномерному распределению напряжений, что приводит к их лучшему усвоению. Кроме того, быстрое восстановление израсходованных сил во многом зависит от умения расслабиться. В АПГ техника релаксации в движении в сочетании с суставным массажем и одновременным аутотренингом способствуют более глубокому расслаблению всех групп мышц, а значит более качественному отдыху. Таким образом, подход АПГ может быть успешно использован для восстановления спортсменов не только после тренировок и соревнований, но и непосредственно в самом их процессе.

Резюмируя [14]: Антистрессовая пластическая гимнастика представляет собой утвержденное новое направление массовой оздоровительной физической культуры [4] и является, таким образом, совокупностью методов [15], объединенных общим подходом к нравственному и физическому здоровью [7]. Данный подход основан на активизации процессов восстановления или синтеза, что позволяет объединить сферы жизнедеятельности в плане повышения их общей устойчивости и гармонизации организма. В свою очередь рост синтетических возможностей означает и активизацию творческого потенциала, что открывает перспективу формирования новых путей и методов его реализации. Так проведенные фундаментальные исследования подтвердили, что в сфере медицины АПГ является эффективным лечебно-профилактическим, антистрессовым методом [1; 2], а в системе образования – новым методом нравственного и физического воспитания [16], позволяющим ликвидировать разрыв между образовательным и воспитательным процессами [7]. Таким образом, АПГ представляет собой синтез-метод, направленный как на прогрессирующее жизнеспособности человеческого организма, так и расширение возможностей в поиске новых подходов к своей реализации.

Библиографический список

1. Мотылянская, Р. Е. Антистрессовая пластическая гимнастика (медико-биологическое и психологическое обоснование) / Р. Е. Мотылянская, А. Р. Якубовская // Теория и практика физической культуры. – М. Советский спорт, 1991. № 5. С. 10-15.
2. Мотылянская, Р. Е. Методологические аспекты использования пластической гимнастики как одной из форм оздоровительной физкультуры / Р. Е. Мотылянская, Э. Я. Каплан // Теория и практика физической культуры. М., Советский спорт, 1989. № 3. С. 17-20.
3. Попков, А. В. [и др.] Антистрессовая пластическая гимнастика А. В. Попкова: методические рекомендации. Российский республиканский совет ВДФСО профсоюзов; Республиканский врачебно-физкультурный диспансер МЗ РСФСР, – М., 1989. – 40 с.

4. Решение аттестационной комиссии [эл. ресурс] // <http://www.antistressapg.ru/str86.htm> (дата обращения 11.05.2017).
5. Коновалова Л. В. Экспертное заключение о возможности использования антистрессовой пластической гимнастики (АПГ) в образовательных учреждениях Российской Федерации / Л. В. Коновалова [эл. ресурс] // <http://www.antistressapg.ru/RAN.htm> (дата обращения 11.05.2017).
6. Погадаев Г. И. Заключение Федерального экспертного совета по общему образованию МО РФ на авторскую программу по физической культуре (АПГ), подготовленную А.В. Попковым и др. / Г. И. Погадаев [эл. ресурс] // <http://www.antistressapg.ru/Pogadaev.htm> (дата обращения 11.05.2017).
7. Бальсевич В. К. Экспертное заключение о возможности использования комплексной программы обучения основам антистрессовой пластической гимнастики / В. К. Бальсевич [эл. ресурс] // http://www.antistressapg.ru/str_Balsevich_2.htm (дата обращения 12.05.2017).
8. Попков, А. В., Литвинов Е. Н. Программа по физической культуре для учащихся I-XI классов. Антистрессовая пластическая гимнастика (АПГ) // Программы общеобразовательных учреждений. Физическое воспитание учащихся 1-11 классов / Министерство образования Российской Федерации [рекомендовано Главным управлением развития общего среднего образования Министерства образования Российской Федерации]. – М.: Просвещение, 1996. – С. 205-256.
9. Попков, А. В. Антистрессовая пластическая гимнастика – М.: Советский спорт, 2005. – 162 с.
10. Попков, А. В., Нагорных С. А. Этика в действии: Антистрессовая пластическая гимнастика // Учебно-методическое пособие – Барнаул: Си-пресс, 2013. – 226 с.
11. Справочник работника физической культуры и спорта: нормативные правовые и программно-методические документы, практический опыт, рекомендации / Автор-составитель А. В. Царик. – 4-е изд. с изм. и доп. – М.: Советский спорт, 2012 – 297-304с.
12. Этика движения. Антистрессовая пластическая гимнастика (АПГ) [эл. ресурс] // <http://www.antistressapg.ru/> (дата обращения 12.05.2017)
13. Попков, А. В., Нагорных С. А., Пручкина А. К. Антистрессовая пластическая гимнастика // Учебно-методическое пособие – Горно-Алтайск; РИО Горно-Алтайского государственного университета, 2013. – 156 с.
14. Место антистрессовой пластической гимнастики (АПГ) среди других видов двигательной активности / Этика движения. Антистрессовая пластическая гимнастика (АПГ) [эл. ресурс] // <http://www.antistressapg.ru/> (дата обращения 12.05.2017)
15. Дмитриев Д. В. *Направление* // Толковый словарь русского языка / *Словари Под ред. Д. В. Дмитриева, М.: АСТ, 2003.* – (Словари Академии Российской). С. 635.
16. Бальсевич В. К. Заключение о возможности и путях использования АПГ в образовательных учреждениях российской Федерации / В. К. Бальсевич [эл. ресурс] // http://www.antistressapg.ru/str_Balsevich_1.htm (дата обращения 12.05.2017).

Об авторах

Попков А.В. – автор и тренер-преподаватель Антистрессовой пластической гимнастики (АПГ), руководитель авторской группы разработчиков АПГ, г. Москва

Захаров П.Я. – к.филос.н., доцент, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта, физиологии и безопасности жизнедеятельности Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Нагорных С.А. – врач-педиатр, специалист АПГ, член авторской группы разработчиков АПГ, г. Горно-Алтайск

Пручкина А.К. – специалист АПГ, член авторской группы разработчиков АПГ, г. Москва.

Popkov A.V., Zakharov P.Ya., Nagornykh S.A., Pruchkina A.K.

From the history of the method of anti-stress plastic gymnastics

Abstract. In the article, based on the analysis of the available literature and author's developments, a brief account of the history of the creation of anti-stress plastic gymnastics (APG), the stages of its formation and a general characterization of this approach to the movement - in its conceptual basis, practical applications and the prospect of further development as a learning discipline. The importance of the Teaching of Living Ethics, Agni Yoga as an ethical-philosophical base of the method, as well as the place of the APG in the history of the Mountainous Altai is shown.

Keywords: ethics, Agni-Yoga, continuity, stability, vitality, process, education, education, anti-stress plastic gymnastics

Статья поступила в редакцию 31.08.2017

УДК 94 (470) «1941/1942»

Н. Д. Ростов

Перерегистрация и переосвидетельствование военнообязанных и призывников в Алтайском крае в 1942 году¹

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

Аннотация. В статье, на основе разнообразного круга источников в рассматривается и анализируется деятельность военных комиссариатов Алтайского края по подготовке и проведению перерегистрации и переосвидетельствованию военнообязанных и призывников в 1941–1942 гг. Анализируются также формы и методы работы партийных, государственных и местных органов военного управления по осуществлению мероприятий воинского учёта граждан в первый год Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воинский учёт, перерегистрация, переосвидетельствование, Сибирский военный округ (СибВО), военные комиссариаты, военнообязанные, призывники

Одной из важнейших форм уточнения количественного и качественного состава людских ресурсов в годы Великой Отечественной войны являлись перерегистрация и переосвидетельствование военнообязанных и призывников, состоящих на общем и специальном учете. Они проводились ежегодно по окончании призывов в течение всей войны. Порядок, сроки и формы их проведения определялись приказами Наркома обороны и указаниями штаба Сибирского военного округа (СибВО). Вся работа по подготовке и проведению перерегистрации тесно увязывалась с партийными и государственными органами. Задачи по её подготовке и проведению, а также разработанные планы обсуждались на заседаниях бюро городских и районных комитетов ВКП(б) и суженных заседаниях городских и районных исполнительных комитетов. Приказы Наркома обороны о проведении перерегистрации и переосвидетельствования обсуждались также на партийных собраниях в городских и районных военных комиссариатах [1, л. 288].

Комиссии по проведению перерегистрации возглавляли районные военные комиссары или начальники первых частей райвоенкоматов. В состав комиссий включались представители гор-

райкомов ВКП(б), горрайисполкомов и медицинские работники [1, л. 149], [2, л. 1]. Оповещение военнообязанных о сроках, месте и порядке проведения перерегистрации и переосвидетельствования осуществлялось приказами военного комиссара района или города, а также объявлялось каждому военнообязанному и призывнику в сельском совете под расписку [1, л. 15]. Во время перерегистрации в июле – августе 1942 г. повестки рассылались по почте, что дало значительное число не явившихся военнообязанных. С декабря 1942 г. и до конца войны оповещение военнообязанных проводилось повестками, которые вручались им лично через специально выделенных нарочных под расписку [1, л. 288 об]. В городах повестки вручались военнообязанным через предприятия и учреждения под роспись за 8 – 15 дней до дня явки, в сельской местности – представителями сельских советов, которые выдавали повестки военнообязанным под роспись [2, л. 31].

Первая в ходе войны перерегистрация военнообязанных рядового, младшего начальствующего состава и призывников 1892 – 1921 г. р. в Алтайском крае была проведена в соответствии с директивой Заместителя Наркома обороны СССР № М / З / 1620 с 27 декабря 1941 г. по

¹ Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI вв.» (грант ¹ 17-11-22006)

10 января 1942 г. [1, л. 15,16]. С началом Великой Отечественной войны в составе военнообязанных произошли большие изменения. К 1 января 1942 г. на укомплектование новых воинских формирований военными комиссариатами Алтайского края было направлено 197 841 солдат и сержантов запаса [3, с. 101]. Среди десятков тысяч эвакуированных, прибывших в Алтайский край, имелось большое количество военнообязанных и призывников. В сентябре – декабре 1941 г. в Красную Армию военными комиссариатами было призвано и направлено свыше 34000 призывников 1922 – 1923 г.р. [4, с. 10]. Для своевременного укомплектования Вооружённых сил людскими ресурсами Генеральному штабу, управлениям военных округов и местным органам военного управления необходимо было знать точное количество и состав военнообязанных и призывников.

Перерегистрация сочеталась с проверкой всех учётных данных о военнообязанных, законности предоставленных отсрочек, изучением их политических и деловых качеств и выборочным медицинским осмотром 6985 чел. Все последующие ежегодные перерегистрации военнообязанных запаса сочетались с одновременным их медицинским переосвидетельствованием [1, л. 15,17]. Для перерегистрации военными комиссариатами организовывалось в каждом районе не менее двух перерегистрационных пунктов с расчетом пропуска военнообязанных через каждый пункт: в сельской местности – 250 чел., в городах – 300 – 350 чел. [1, л. 15, 16]. По директиве Начальника Главного Управления мобилизации и укомплектования Красной Армии № М / 3 / 546502с в военных билетах и учетных карточках военнообязанных производились соответствующие отметки. Проверка правильности представления отсрочек от призыва по мобилизации проводилась исключительно по таблицам Центральной комиссии. Военнообязанным, которым отсрочка была положена, её срок был продлен до 1 марта 1942 г. Все военнообязанные, состоящие на спецучете, имели на руках удостоверение об отсрочке. Большинству из них, имеющих отсрочки по мобилизации по таблицам местных комиссий, они были аннулированы. По получении указаний штаба СибВО, данные отсрочки были продлены. В результате проверки спецучета было выявлено 140 чел. младшего начальствующего состава и 1100 чел. рядового состава, как неправильно состоящих на спецучете. Все они были отправлены в Красную Армию по нарядам [1, л. 16].

В Алтайском крае состояло на общем учете военнообязанных и призывников 1892 – 1921гг. – 86 013 чел., из них 5185 чел. призывников 1921 г. р. Явились на пункты перерегистрации – 87 610 чел., из них 5616 призывников указанного возраста. Явка увеличилась за счет выявленных граждан, не состоящих на учете, работающих в госпиталях, учреждениях Наркомата обороны и эвакуированных предприятиях и военнообязанных, принятых на учет из числа временно проживающих. На перерегистрацию по неуважительным причинам не явились 786 чел. Из числа состоящих на спецучете явке на перерегистрацию подлежали 15 023 военнообязанных и 2481 призывник 1921 г.р. Явились 16 082 чел. и 2822 чел. соответственно. В числе военнообязанных, прошедших перерегистрацию, 14 152 чел. были отставлены от призыва по политико – моральным соображениям и национальным признакам, 4769 были предоставлены отсрочки по состоянию здоровья. По указанию штаба СибВО на перерегистрацию так же явились 5758 призывников 1922 г. р. и 7868 призывников 1923 г. р. Из числа призывников, явившихся на перерегистрацию, 4419 чел. были отставлены от призыва по политико – моральным соображениям и национальным признакам. По нарядам штаба СибВО в Красную Армию было призвано 4113 призывников 1922-1923 г. р., в том числе 1922 г. р. – 2829, 1923 г. р. – 1284 [1, л. 16, 17].

Перерегистрация позволила в значительной степени не только уточнить и выявить дополнительные людские ресурсы, но и значительно улучшить их качество. На перерегистрацию явилось 1958 военнообязанных, ранее не состоявших на воинском учёте и было поставлено на учёт 425 временно проживающих [1, л. 16]. Переосвидетельствование военнообязанных ранее признанных негодными к военной службе, дало дополнительно около 2 000 чел. Переосвидетельствование ограниченно годных увеличило призывные ресурсы свыше 2 000 чел. Пересмотр состоящих на спецучете, позволил выявить дополнительно около 1000 чел. Разбронирование до 25 % военнообязанных, проведенное по указанию Генерального штаба, дало свыше 3000 чел. Увеличение ресурсов шло за счет молодых активных возрастов и дефицитных военно-учетных специальностей [1, л. 44].

По итогам перерегистрации в целях совершенствования воинского учёта граждан, в том числе их ежедневного оперативного учёта, было предложено весь первичный учет военнообязан-

ных сосредоточить в военных комиссариатах или иметь дублированные учетные карточки на военнообязанных, состоящих на общем учете, а в сельских советах иметь подсобные учетно – алфавитные карточки [1, л. 20]. В ходе перерегистрации к военнообязанным и призывникам, нарушившим правила воинского учёта, были приняты меры в соответствии с законодательством. К уголовной ответственности было привлечено 45 чел., в том числе за уклонение от воинского учёта – 31 чел., за уклонение от призыва по мобилизации – 14 чел. [1, л.17].

С завершением перерегистрации решением Алтайского крайвоенкома майора М.В. Макарова в военных комиссариатах края была проведена взаимная проверка ресурсов. Проверку ресурсов осуществляли райвоенкомы, направляемые приказом крайвоенкома. Так, Солтонский райвоенком Рогочий, командированный в Ельцовский райвоенкомат, в ходе проверки потребовал вызова военнообязанных из командировок и лесозаготовок. В результате по нарядам дополнительно было отправлено в войска 75 чел. Косихинский райвоенком Петрушин в ходе проверки в Троицком райвоенкомате выявил десятки людей не призванных по причине неправильно оформленной брони. Забронированными и освобожденными от призыва числились должностные, неподходящие под Постановление ГКО [1, л. 45]. В соответствии с приказом командующего СибВО с 5 по 17 марта 1942 г. в Алтайском крае было проведено переосвидетельствование военнообязанных 1896-1923 г. р. Явке подлежало 68823 чел., явилось 66357 чел. Из 2466 чел., не явившихся на переосвидетельствование, по неуважительным причинам были только 359 чел. Из числа прошедших переосвидетельствование были признаны годными: к строевой службе – 15600 чел., к нестроевой службе – 16947 чел., предоставлена отсрочка 7395 чел. [5, л. 113].

На основании приказа Наркома обороны № 0503 от 20 июня 1942 г. с 15 июля по 20 августа 1942 г. в Алтайском крае была проведена вторая перерегистрация военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава 1892-1923 г. р. и пересмотр граждан ранее снятых с воинского учета [1, л. 288]. В состав комиссии по перерегистрации включались: райгорвоенкомы (председатели), представители горрайкомов ВКП(б), райисполкомов, начальники первых частей военных комиссариатов [1, л. 149]. Основными задачами военных комиссариатов в ходе перерегистрации являлись: проверка правильно-

сти бронирования военнообязанных за народным хозяйством и зачисление их на спецучет, уточнение общего учета военнообязанных, выявление всех уклонившихся от призыва по мобилизации [1, л. 149]. Перед началом перерегистрации 8-9 июля 1942 г. в Барнауле прошли совещания райгорвоенкомов, врачей, работников комиссий, на которых был проведен инструктаж о порядке проведения перерегистрации. На пунктах перерегистрации Барнаульского горвоенкомата была проведена показная работа. В помощь районным военным комиссариатам были направлены инструкторы политотдела и начальники частей крайвоенкомата [1, л. 169 об.].

Явке на перерегистрацию подлежали 45 046 военнообязанных, состоящих на общем учете. Неявка составила 860 чел. (2%), в том числе по неуважительным причинам – 180 чел. (0,4 %). Из 27 729 военнообязанных, состоящих на спецучете, на пункты перерегистрации не явилось 384 чел. (1,4 %), в том числе по неуважительным причинам – 93 чел. (0,3%). Наибольшее число не явившихся военнообязанных, находившихся в командировках, дали г. Барнаул и г. Бийск [1, л. 203, 203 об.]. Через контрольное переосвидетельствование в Алтайском крае прошли 26 219 чел. из числа негодных к военной службе по состоянию здоровья, из них были признаны: годными к строевой службе – 862 чел. (3,3%), годными к нестроевой службе – 2 945 чел. (11,3%), предоставлено отсрочек по болезни – 789 чел. (3%). Из 29 031 нестроевых военнообязанных, прошедших контрольное переосвидетельствование, были признаны: годными к строевой службе – 4 396 чел. (15%), предоставлено отсрочек – 1 407 чел. (5%). Из 4 119 чел., пользующихся отсрочками, были признаны: годными к строевой службе – 975 чел. (23%), годными к нестроевой службе – 1 059 чел. (26%). В общей сложности по итогам переосвидетельствования число годных к строевой службе увеличилась на 6 233 чел. [1, л. 203 об.]. По итогам перерегистрации в Алтайском крае было выявлено и привлечено к ответственности за уклонение от учета и призыва 252 военнообязанных и 43 дезертира. Подавляющее число задержанных дезертиров являлись рабочими бывших рабочих колонн. Разбронировано по краю 392 военнообязанных, в том числе по районам Алтайского края составило: Косихинском – 20%, Павловском – 16%, Панкрушихинском – 15%. Ход и итоги перерегистрации в 19 районах края были проверены крайвоенкоматом [1, л. 203 об.].

В целях выявления дополнительных людских ресурсов военные комиссариаты Алтайского края совместно с командованием запасных воинских частей и отделами милиции осуществляли широкий комплекс различных мероприятий. В сентябре 1942 г. в 24 районах края представителями крайвоенкомата было переосвидетельствовано 682 чел. военнообязанных из числа негодных и ограниченно годных к службе, из них 124 были признаны годными к строевой службе. В районных военных комиссариатах контрольному переосвидетельствованию было подвергнуто 1023 призванного из числа негодных и ограниченно годных к службе, из них 317 были признаны годными к строевой службе. Кроме того, призывными комиссиями было переосвидетельствовано 3473 военнообязанных, из числа негодных и отсроченных, из них 940 чел. были признаны годными к строевой службе [1, л. 231 об.].

В октябре повторному переосвидетельствованию горрайвоенкоматами были подвергнуты 19114 военнообязанных из числа исключенных с воинского учета по состоянию здоровья, годных к нестроевой службе и пользующихся отсрочками. Из них были признаны годными к строевой службе – 1857 чел., к нестроевой – 1291 чел. [1, л. 231 об.]. В ходе повторного переосвидетельствования было выявлено 6 чел. уклоняющихся от учета, 4 были привлечены к ответственности [1, л. 231 об.]. В ноябре в Барнаульском горвоенкомате и в 14 районных военных комиссариатах Алтайского края было проведено переосвидетельствование всех снятых с воинского учета, проверены правильность бронирования рабочей силы на заводах и железной дороге, рабочие колонны, лечение отсрочников, ход медицинского переосвидетельствования отпускников и отсрочников [1, л. 231 об.].

В соответствии с приказом Наркома обороны № 0882 от 12 ноября 1942 г., по завершению призыва призванных 1924 г. р., с 5 декабря 1942 г. по январь 1943 г. в Алтайском крае было проведено медицинское освидетельствование военнообязанных 1891 – 1887 г. р. и осуществлены проверка и пересмотр правильности бронирования [6, л. 32]. В основу планов городских и районных военных комиссариатов по подготовке и проведению переосвидетельствования военнообязанных были положены разработанные крайвоенкоматом указания и примерный план горрайвоенкомата о порядке оповещения военнообязанных, пропуска в комиссии и проведения политико – воспитательной работы. Вся работа тесно увязывалась с партийными и государствен-

ными органами и районными отделами милиции [1, л. 288]. Приказ Наркома обороны, планы по подготовке и проведению переосвидетельствования и состав комиссий обсуждались и утверждались на партийных собраниях в райвоенкоматах, бюро городских и районных комитетов ВКП(б) и горрайисполкомах. Во всех городах и районах на все пункты переосвидетельствования были выделены политические организаторы и беседчики [1, л. 288]. В ходе подготовки к переосвидетельствованию военнообязанных в большинстве районов края были проведены совещания работников военно – учетных столов [1, л. 288].

С 5 декабря 1942 г. в Алтайском крае приступили к выполнению мероприятий по освидетельствованию военнообязанных запаса. Во всех районах края было организовано по одной комиссии с пропуском 1500 – 2000 военнообязанных. Пункты переосвидетельствования в городах были открыты: в Барнауле – 9, в Бийске – 3, Славгороде – 2, Рубцовске – 2, Камне на Оби – 2, Чесноковке – 2. Они были рассредоточены по предприятиям и районам городов. В сельской местности для организованного проведения переосвидетельствования военнообязанных в каждом районе были оборудованы по 3 – 4 куста, где непосредственно и работали комиссии [1, л. 288 об.].

Для извлечения опыта и вскрытия возможных недостатков на 5 дней раньше, 1 декабря 1942 г. 5 районов Алтайского края приступили к переосвидетельствованию военнообязанных: Алейский, Локтевский, Шипуновский, Поспелихинский, Топчихинский. По всем вскрытым недостаткам крайвоенкомат направил во все районы соответствующие указания [1, л. 288]. В целях оказания помощи райвоенкоматам активно использовалось закрепление работников крайвоенкомата на период перерегистрации за 2-3 районами [1, л. 288]. В ходе проведения переосвидетельствования выявилась низкая квалификация врачей, незнание приказа Наркома обороны № 336. Вследствие этого допускались ошибки в определении годности военнообязанных. Так, в г. Барнауле из 431 предоставленной отсрочки, 148 при повторной проверке были признаны неправильными [6, л. 32]. Для лучшего медицинского освидетельствования военнообязанных врачи комиссий на период переосвидетельствования были переставлены с одного района в другой. Для контроля над врачебными комиссиями и оказания им помощи были выделены врачи из медицинских учреждений г. Барнаула [1, л. 288].

Переосвидетельствование военнообязанных в Алтайском крае проводилось по 49 горрайвоенкоматам с 5 по 31 декабря 1942 г., в 10 – до 10 января 1943 г. В г. Барнауле перерегистрация завершилась к 30 января [6, л. 32]. Явке на переосвидетельствование подлежало 143 539 военнообязанных, явилось – 139 133 чел. (97%). По уважительным причинам на переосвидетельствование не явились 3859 чел., по неуважительным – 567 чел. В г. Барнауле 8% неявки составили военнообязанные, не явившиеся по неуважительным причинам. Достигнутые результаты во многом были обусловлены выработанной системой оповещения военнообязанных и выявления, уклоняющихся от воинского учёта и призыва [6, л. 32]. В период подготовки и проведения переосвидетельствования военнообязанных во всех районах Алтайского края проводились подворные обходы. В 53 районах они были проведены в период оповещения, в 4-х – в процессе переосвидетельствования, в 3-х – после переосвидетельствования и в 5 районах повторные подворные обходы были проведены после переосвидетельствования [6, л. 31]. В ходе подворных обходов было выявлено 56 дезертиров и 27 чел. уклоняющихся от призыва. Все они были отданы под суд. Так же было выявлено 594 чел. уклоняющихся от воинского учёта, из них 72 чел. были отданы под суд [6, л. 32].

Выполнению задач перерегистрации и переосвидетельствования военнообязанных и призывников во многом способствовала политико – массовая работа. Задачи и планы её проведения обсуждались на заседаниях бюро горрайкомов

ВКП(б) и суженных заседаниях горрайисполкомов, на собраниях партийных организация и партийных кандидатских групп горрайвоенкоматов. Решением бюро районных комитетов ВКП(б) утверждались состав комиссий, планы полит – массовой работы, назначались политорганизаторы и политруки на пункты перерегистрации и переосвидетельствования. На пунктах перерегистрации и переосвидетельствования проводились беседы, читки отдельных газетных статей, боевых эпизодов с фронта, сводок информбюро, передовиц газеты «Правда», демонстрировались кинокартины, выступали творческие коллективы. В Барнауле выступали артисты концертно – эстрадного бюро, краевого драматического театра, цирка и др. Всем военнообязанным и призывникам доводилась ответственность за нарушение военной присяги и законов военного времени [1, л. 20, 288].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны перерегистрация и переосвидетельствование военнообязанных и призывников имели исключительно важное значение в организации воинского учёта граждан. Тесное взаимодействие государственных, партийных и местных органов военного управления во многом обеспечили выполнение поставленных задач по наведению должного порядка в воинском учёте граждан. В своей совокупности, это обеспечило выполнение военными комиссариатами Алтайского края установленных планов и нарядов мобилизации людских ресурсов для укомплектования Вооружённых сил и оборонной промышленности.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. П – 5155. Оп. 2. Д. 4.
2. ГААК. Ф. П – 1. Оп. 18. Д. 617.
3. Ростов Н.Д. Людской потенциал Алтайского края в Великой Отечественной войне // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2017. – № 2 (11). – С. 101.
4. Военный комиссариат Алтайского края. – Барнаул: Изд – во «Графикс», 2004. – С. 10.
5. ГААК. Ф. П – 1. Оп. 18. Д. 243.
6. ГААК. Ф. П – 1. Оп. 18. Д. 370.

Об авторе

Ростов Николай Дмитриевич – доктор ист. наук, проф. каф. коммуникативных, социокультурных и образовательных технологий. Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова. Барнаул, пр. Ленина 46

Rostov N.D.

Re-registration and re-examination of reservists and conscripts in the Altai Krai in 1942 Year

Abstract. On the basis of a wide range of sources in the article discusses the activities of the military commissariats of the Altai region on preparation and holding of the re-registration and re-examined reservists and conscripts in the 1941-1942 Gg. Examines the forms and methods of work of the part V, State, and local organs of military administration to implement the activities of the military citizens accounting for the first Year of World War II.

Keywords: World War II, military registration, re-registration, re-examination, Siberian military district (Siberian military district), military commissariats, military service, draftees

Статья поступила в редакцию 31.08.2017

УДК 970

А. В. Токарев

Жилищный кризис и пути его решения в 20-х годах XX века в г. Челябинске

Южноуральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск

Аннотация. Данная статья раскрывает, как на практике происходило решение жилищного вопроса. От «уплотнения» и переселения до пятилетних планов жилищного строительства, от приказов СНК РСФСР до действий Челябинского Горкома нами собраны частные случаи, значительные и незначительные инциденты, которые вкрупне создают картину происходящего.

Ключевые слова: жилищный кризис, уплотнение, двадцатые годы двадцатого века, Челябинск, СССР

После революции и установления диктатуры пролетариата возникли новые проблемы и встало много важных вопросов. Кроме привычных «что делать?» и «кто виноват?», появились и новые материальные и сугубо практические, к примеру, – «куда селить победителей?», ведь до революции, в имперской России, мало кто заботился о нуждах рабочего класса. Этот вопрос для решения был отдан в частные руки. До революции 1917 г., разрешение жилищной проблемы носило, скорее альтернативный характер. Так, по инициативе бизнеса, строились доходные дома, сдавались дачи и квартиры [13, с. 79]. Государственное вмешательство и нормирование жилья началось после революционных событий 1917 г.

Новая власть взялась за дело конкретно, и первыми её шагами были уплотнение имеющегося на руках жилищного фонда, а также переселение. Еще до «событий октября» В.И. Ленин в своей работе «Удержат ли большевики государственную власть?» [14, с. 314] детально описывал эти процессы – «Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 1-5 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру богатого, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин. — «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для

поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы, беготни по лавчонкам и т. п. Затем в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его». Грянула революция, и слова В.И. Ленина стали превращаться в дела – началась грандиозная по масштабам политика уплотнения.

В 1919 году Наркомздраву была дана инструкция о «восемнадцати аршинах» [15], где говорилось о необходимости выделять по 9 кв.м. на человека (санитарная норма). И вот наконец 25 мая 1920 года появляется декрет СНК РСФСР «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» [16].

Первые следы этой политики на Южном Урале, мы обнаруживаем в 1924-1925 годах в архивных материалах заседаний Челябинского Городского комитета (далее – горком). К примеру, гражданина Зильберга, проживающего по ул. Карла Маркса (дом не указан), уплотнили, признав такое положение дел ненормальным, ведь данный гражданин проживал в 5 комнатах с се-

мьей в 5 человек. И комиссия постановила: комнату напротив столовой отнять, и передать нуждающемуся [2, л. 4]. А граждан Пупко и Черненко переселили в другой дом, отдав их жилплощадь под общежитие пожарной команде [2, л. 6].

В отчете о распределении квартир за 1924 год мы видим добросовестную работу комиссии. Последняя выезжает на каждое дело, разбирает его. В данном материале десятки отказов в жилье по различным причинам. Чаще всего встречаются: выехал, имеет хорошую квартиру, имеет средства и арендует [1, л. 27]. Отсюда мы можем сделать два вывода: в то время была очередь на получение жилья, куда любой желающий мог подать заявку; комиссия удовлетворяла запросы только самых нуждающихся.

Но ни уплотнение, ни переселение не помогло. Как указано в записке – «жилищный вопрос стоит довольно остро. По факту на одного человека приходится 37% санитарной нормы. Требуется жилищное строительство» [1, л. 27]. Комиссия приняла во внимание данный аргумент и строительство началось. В 1925 году были приняты три дома, и все три с серьезными недочетами (протекает крыша, сыпется штукатурка, нет сараев и пр.) Однако дом приняли – выхода нет [3, л. 35].

Всего же за период с 1924 по 1926 в Челябинске было возведено жилплощади на 8478 м², при увеличении населения на 8611 человек, что составило в итоге 4,7 м² на человека. Современники называли такое строительство безуспешным, поскольку приведены средние показатели, в то время как реальная картина выглядит иначе:

Металлисты: 2,88 м²/чел.

Коммунальные служащие: 2,91 м²/чел.

Железнодорожники: 3 м²/чел.

Пищевики: 3,14 м²/чел.

Кожевники: 3,32 м²/чел. [5, л. 5].

Исходя из этого, в документе четко обозначена мысль о необходимости построить в пятилетку 275660 м² жилплощади, что составит 38000000 руб. Безусловно, таких денег в молодой советской республике не было. Осознавая трудности решения жилищного вопроса, общественность выдвигала собственные пути его решения:

А) Государственные ссуды на жилье: на каменное, сроком 50-60 лет, на деревянное – 30-40 лет;

Б) Процент ссуды не должен превышать 2% годовых;

В) Строительство должно вестись в соответствии с принципами стандартизации, рационализации, механизации;

Г) Кредитовать частных застройщиков, выдавать им льготы [5, л. 5].

Данный план был принят, но реализовать его было невозможно из-за отсутствия государственного финансирования. Государство стремительно пыталось ликвидировать индустриально-техническое отставание, по всей стране шала индустриализация. Однако, планы по улучшению жилищных условий никто не отменял, мало того, план коррелировался. В 1928 году была принята новая норма – 165500 м². Что в расчете на 5 лет с учетом роста населения должно было дать 5,5 м²/чел [6, л. 72]. В другом документе, мы находим еще один пятилетний план, где данная норма вырастает до 549476 м², что дает 8 м² на человека [6, л. 52]. Однако это все цифры, что же до людей, то ситуацию с распределением новых метров отражают прения в докладе Городского комитета коммунального хозяйства (Горкомхоз) [6, л. 64], где товарищ Ивашко жалуется, что жилье получают только материально обеспеченные, а простые рабочие так и продолжают жить в антисанитарных условиях (часто в подвалах). Другой гражданин [6, л. 66] – товарищ Скорик – также недоволен распределением, говорит, что «люди платят взносы уже два года, а свои метры так и не получили».

На итоговом годовом заседании пленума [6, л. 73] по жилищному вопросу было постановлено, что за 1928 год смягчить кризис не удалось, по причине быстрого прироста населения, плюс ко всему из-за отсутствия необходимого и своевременного ремонта происходит разрушение старых построек. В связи с чем пленум постановил: увеличить финансирование на ремонт, предоставлять жилье в строгом отношении с классовой политикой, а также расширить сеть жилой кооперации. Эти же вопросы и проблемы были подняты комиссией жилищного городского строительства в начале 1929 года [8, л. 80], где кроме прочего, было указано об отставании от пятилетнего строительного плана в прошлом году и о недопустимости отставания в году нынешнем. В связи с чем было решено выстроить в 1929 году 34500 м². Также были подняты вопросы инвентаризации и самовольной застройки [8, л. 81]. По первому пункту отмечалось, что часто обнаруживаются такие ситуации, «когда дом готов, но сдам непонятно кому и как». Комиссия призвала решить этот вопрос. И вопрос действительно решался: в данной резолюции [9, л. 5]

указано, что один из домов занят религиозной организацией, которая сдает комнаты частным лицам. В следствии чего НКВД постановил [9, л. 7]: договора расторгнуть, обеспечить жильем нуждающихся.

Проблема самовольных застроек хорошо и полно понимается через жалобы и заявления простых граждан в Городской совет народных депутатов (Горсовет). К примеру, тов. Куренов написал письмо в Челябинский горком [7, л. 7], где описывается такая ситуация: тов. Куренов получил землю и стал возводить дом, успел уже построить сруб, но вдруг Горкомхоз уведомляет данного гражданина [7, л. 8], что продолжать своё строительство он не имеет право, так как его постройка будет противоречить плану поселка от Горкомхоза. В итоге, в поселке уже два года не происходит никакого планового строительства и непланового тоже (Горкомхоз запретил), и тов. Куренов «инвалид Красной Армии мерзнет зиму и мокнет лето». Стоит отметить, что Горкомхоз предлагал землю в другом месте [7, л. 4], но данный товарищ отказался [7, л. 5] по причине большой отдаленности от города. В итоге, с подачи Челябинского горкома [7, л. 11] данная ситуация была решена в исключительном порядке: «Горкомхоз остается при своем мнении, но в виду особого положения разрешает тов. Куренову закончить свою постройку, что является исключительной мерой».

1929 год для Челябинска начался в таких цифрах [10, л. 16-18]: население – 67675 человек, жилплощадь – 277600 м². Что составило в среднем 4,1 м² на человека, и это меньше, чем в прошлом году. Хорошо характеризует данную ситуацию записка [10, л. 1] о необходимости возведения общежития для сотрудников милиции. Как указано в данной записке «68 сотрудников живут на частных квартирах с платой 10 руб./мес., что тяжело отражается на их материальном положении, а 21 работник милиции вообще живет где придется». В связи с таким положени-

ем дел возобновляется политика уплотнения. Создается закон [11, л. 4] об изъятии у съёмщиков непроходных комнат, то есть комнат, занимаемых сверх одной на человека, и передача данных метров нуждающимся. Допускается уплотнение до двух человек на комнату, если это супруги или родитель с ребенком до 10 лет [11, л. 6]. Как указано в докладной записке [12, л. 31], всего было 18 случаев изыскания непроходных комнат, что не составляет серьёзного процента и не исправляет положения в городе. При этом все еще нет реестра жилья и собственников, отсюда возникают ситуации с самовольным заселением. Один гражданин обратился в горсовет с просьбой, отражающей данное положение [12, л. 63]. Ситуация в данном обращении такова – «дом по ул. Рабоче-крестьянской № 94 занят гражданином самовольно после выезда Обуховой. Смотритель Бокарев не сообщил об освобождении квартиры, и позволил занять это место своему шуруину Трубчанинову. Прошу принять меры». Вместе с тем все также приходят постановления из ВЦИК СНК СССР [11, л. 4] или создаются на месте о предоставлении жилья в первую очередь служащим и рабочим. В числах проследить эту тенденцию невозможно, однако, исследуя частные случаи, можно смело заявить, что данное постановление не игнорируется. В дополнении ко всему сказанному выше, можно привести в пример докладную записку [12, л. 31] о работе Жилищного отдела за 1929, в которой указано, что для Гужпоргуза было переселено в нормальные квартиры 6 семей, для Трактостроя – 13, для Цинкостроя – 6, для завода Ферросплавов – 8, для Совпартшколы – 16.

В итоге мы можем заключить, что жилищная проблема в растущих промышленных городах (на примере г. Челябинска) в 20-е годы XX века решалась тяжело и болезненно, и решена окончательно не была. 1930-е годы нами будут рассмотрены в следующей статье.

Библиографический список:

1. ОГАЧО. (Челябинский городской Совет народных депутатов) Ф. 220. Оп. 1. Д. 49.
2. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 64
3. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 65.
4. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 66.
5. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94.
6. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 145.
7. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 169.
8. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 170.
9. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 183.
10. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 185.

11. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 346.
12. ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 498.
13. Татаркина, А.Р. «Квартирный вопрос» и его решение в южно-уральском городе на рубеже XIX-XX вв. / А.Р.Татаркина // Научное обозрение. – 2008. – 15. – С.76-79
14. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. / В. И. Ленин. – М.: Москва: Издательство политической литературы, 1969. – Т.34. – С.
15. Краткая история жилищного вопроса // Arzamas [Электронный ресурс]: URL: <http://arzamas.academV/materials/595> (Дата обращения 10.07.2016).
16. Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]: URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_660.htm (Дата обращения 10.07.2016).

Об авторе

Токарев Артем Евгеньевич – студент-магистрант 2-го курса исторического факультета Южноуральского Государственного Гуманитарно- Педагогического Университета

Tokarev A.E.

The housing crisis and methods of stopping that in the twenties of the twentieth century

Abstract. This article shows how actually the Housing issue was solved. We compiled here local cases, significant and minor incidents from «tight home» to Five-Year plans and from Council of People's Commissar's orders to City Committee's acts that create a true picture of what is happening.

Keywords: housing crisis, tight home, twenties of the twentieth century, ChelVabinsk, USSR

Статья поступила в редакцию 11.09.2017

УДК 94(571) «1904/1905»

М.А. Ширшов

IV-й Сибирский корпус в русско – японской войне 1904 – 1905 гг. (бой у станции Дашичао 10-11 июля 1904 г.)

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Аннотация: В статье, на основе широкого круга источников, рассматриваются действия полков IV-го Сибирского корпуса в сражении у станции Дашичао 10 – 11 июля 1904 г. Показаны особенности ведения боя подразделениями корпуса в условиях значительного превосходства противника в силах. Предпринята попытка проанализировать потери полков корпуса в сражении у Дашичао.

Ключевые слова: русско – японская война, Маньчжурская армия, IV-й Сибирский корпус, Сибирский военный округ, мобилизация, оборонительные позиции

Борьба за влияние на Дальнем Востоке в начале XX века резко обострилась. Выход Японии из самоизоляции, её стремительный индустриальный рост и агрессивная внешняя политика в Китае и Корее, столкнулись с планами Российской империи по расширению сферы влияния в китайской Маньчжурии. Попытки решить противоречия за столом переговоров были прерваны японской стороной. В ночь с 26 на 27 января 1904 г. японский флот вероломно, без объявления войны, атаковал русскую Тихоокеанскую эскадру, стоящую на внешнем рейде у Порт – Артура. В Высочайшем манифесте от 27.01.1904 г. император Николай II объявлял: «Япония не выждал даже получения последних ответных предложений Правительства Нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических переговоров с Россией. Не предупредив о том, что перерыв таких отношений знаменует собой открытие военных действий, Японское Правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоящую на внешнем рейде крепости Порт – Артур. Получив об этом донесение наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повели вооружённой силой ответить на вызов Японии» [1]. Началась русско – японская война 1904 – 1905 гг.

Высочайшим повелением от 28 января 1904 г. была объявлена мобилизация войск и учреждений Сибирского военного округа. Мобилизационные телеграммы в управлениях Омской и

Иркутской местных бригад были получены 29 января [2, с. 68], [3, л. 65]. 2 февраля стало первым днём мобилизации [2, с. 111]. На должность командующего сухопутными силами в Маньчжурии был назначен военный министр генерал – лейтенант А.Н. Куропаткин.

В Западной Сибири по мобилизации формировался IV-й Сибирский корпус под командованием генерал – лейтенанта Н.П. Зарубаева. В состав корпуса вошли 2, 3-я Сибирские дивизии, 4-е отдельных артиллерийских дивизиона, казачья дивизия и 4-й Восточносибирский сапёрный батальон [3, л. 68]. Во 2-ю Сибирскую пехотную дивизию входили: 1-я бригада – 5-й пехотный Сибирский Иркутский полк и 6-й пехотный Сибирский Енисейский полк, 2-я бригада – 7-й пехотный Сибирский Красноярский полк и 8-й пехотный Сибирский Томский полк, а также 1-й и 2-й Сибирские артиллерийские дивизионы. В 3-ю Сибирскую пехотную дивизию входили: 1-я бригада – 9-й пехотный Сибирский Тобольский полк и 10-й пехотный Сибирский Омский полк, 2-я бригада – 11-й пехотный Сибирский Семипалатинский полк и 12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк, а также 3-й и 4-й Сибирские артиллерийские дивизионы [3, с. 12-14]. В пехотном полку по штату мирного времени состояло около 4000 человек [4, с. 133]. Основную массу мобилизованных в состав IV-го Сибирского корпуса военнослужащих дали Тобольская и Томская губернии, в тоже время часть военнослужащих было направлено из Вят-

ской и Пермской губерний Казанского военного округа [3, л. 66].

IV-й Сибирский корпус был полностью укомплектован и обеспечен всем положенным имуществом по штату военного времени. Тем не менее, в корпусе остался ряд проблем, которые не были решены к началу военной компании. Так, на вооружении в корпусной артиллерии находились устаревшие поршневые орудия, которые показали свою непригодность к использованию в первых столкновениях с японцами. Совершенно отсутствовали горные орудия, что негативно сказалось в первых боях с врагом [5, с. 103]. Замена поршневых орудий была произведена лишь в конце июня 1904 г. Также в частях корпуса имелся большой некомплект офицеров, вызванный необходимостью их отправки в различные командировки. Офицеры, призванные из запаса во многом оказались непригодными для выполнения возложенных на них обязанностей, особенно в артиллерийских дивизионах [6, с. 268]. Во многих ротах командовали прапорщики запаса. В 8 полках IV-го Сибирского корпуса оказался некомплект офицеров в 176 человек [6, с. 267].

Корпус в полном составе прибыл на театр военных действий к 28 мая 1904 г. [51, с. 383]. Японская армия в апреле 1904 г. перешла к активным наступательным действиям. Высадившаяся в Корею 1-я армия генерала Куроки в Тюренченском бою 16-18 апреля 1904 г. разбила отряд генерала-лейтенанта Засулича М.И., который преграждал ей путь в Южную Маньчжурию на реке Ялу. 22 апреля в районе посёлка Быцзово началась высадка 2-й армии генерала Я. Оку, батальон которой 1 мая занял железнодорожную станцию Пуланьдя и, тем самым, прервал сообщение Маньчжурской армии с Порт – Артуром. Попытка русской армии восстановить сообщение окончилась поражением в сражении при Вафангоу.

Полки IV-го Сибирского корпуса по прибытию на фронт сразу направлялись для выполнения боевых задач. Так, Тобольский полк принял участие в сражении при Вафангоу, где сибиряки понесли первые потери. Барнаульский, Красноярский, Иркутский и Томский полки в составе разных отрядов сдерживали наступления японской армии на перевалах и так же понесли потери. Тем не менее, эти локальные бои позволили полкам корпуса приобрести необходимый опыт, «обстреляться». В полном составе IV-й Сибирский корпус не принимал участие в крупных сражениях до обороны позиций под Дашичао 10-11 июля 1904 г.

К началу июля большая часть корпуса (2-я бригада 2 Сибирской пехотной дивизии, 3-я Сибирская пехотная дивизия, 4-й Восточно – Сибирский сапёрный батальон) сосредоточилась в районе левого фланга Дашичаоской позиции, имея 4-е батальона и 2-е батареи на передовых позициях [9, с. 27]. Правый фланг позиций занимал I-й Сибирский корпус. Общее руководство данной группой войск главнокомандующий поручил генералу Н.П. Зарубаеву. Общая длина оборонительной позиции составляла 13 вёрст [10, с. 64]. Линия оборонительных сооружений пересекала все дороги, которые вели с юго-запада к Ляояну [11, с. 294].

Станция Дашичао являлась важнейшей узловой станцией, от которой отходила железнодорожная ветка в порт Инкоу, через который проходила линия связи с осаждённой крепостью Порт – Артуром. Потеря Дашичао автоматически вела к потере Инкоу, который японцы могли использовать для облегчения снабжения армии, также русская армия ещё больше отдалялась от Порта – Артура предоставляя крепость своей участи. К тому же, два поражения под Тюренченом и под Вафангоу негативно сказались на моральном духе армии и населения страны в целом. Командующий генерал – адъютант А.Н. Куропаткин, зная все минусы потери этих позиций, всё же не стремился к упорной обороне под Дашичао. В своих воззрениях на боевые действия в Маньчжурии он придерживался тактики 1812 года т.е., он стремился, оставляя противнику без боя территории, сосредоточить силы, прибывающие из Европейской России и добившись превосходства разбить японцев [12, с. 31]. В своих распоряжениях командиру IV-го Сибирского корпуса генералу Н.П. Зарубаеву он требовал не принимать решительного боя на позициях у Дашичао, а лишь задержать наступление противника сильными арьергардами, постепенно отводя главные силы I-го и IV-го корпусов к Хайчену. Во многом, причиной такого решения стало опасение главнокомандующего за прорыв 1-й армии генерала Т. Куроки в тыл южной группы войск (I-й и IV-й Сибирские корпуса). Успешные действия 1-й армии генерала Т. Куроки против группы генерала графа Ф.Э. Келлера на восточном направлении заставляли генерала А.Н. Куропаткина всё время оглядываться назад.

Указания генерала А.Н. Куропаткина отданные командующему южной группой войск генерал – лейтенанту Н.П. Зарубаеву отличались неопределённостью и неточностью. Во первых, упорство обороны позиций он увязывал с резуль-

татами наступления японцев против восточной группы войск, которая прикрывала Ляоян и Хайчен с Востока. Во вторых, из указаний главнокомандующего было не ясно когда начинать отход к Хайчену, какие действия японцев должны заставить генерала Н.П. Зарубаева очистить занимаемые позиции. В третьих, перед самым началом наступления японцев из резервов Маньчжурской армии, сосредоточенных у Дашичао были взяты 12 батальонов и 96 орудий для усиления Восточного отряда, чем были ослаблены возможности южной группы войск по отражению наступления [13, с. 261].

Тем не менее, позиция под Дашичао была хорошо укреплена и подготовлена заблаговременно. Она включала в себя 1 центральное укрепление на батальон, 12 редутов на роту каждый, несколько рядов стрелковых окопов и большое количество артиллерийских позиций [14, с. 67-68]. Стрелковые окопы были соединены крытыми блиндированными ходами сообщения [15, с. 295]. Также впереди на отдельных участках были оборудованы «волчьи ямы», проволочные заграждения и расчищена местность от растительности на 1,5 километра перед фронтом.

Силы под командованием генерала Н.П. Зарубаева составляли: в составе I-го Сибирского корпуса 23 батальона, 8 сотен и 70 орудий; в составе IV-го Сибирского корпуса, 22 батальона, 12 сотен и 36 орудий [16, с. 72].

Против него действовала армия Я. Оку в составе 4-х дивизий, усиленная отдельными кавалерийской и артиллерийской бригадами. Всего японские силы насчитывали 48 батальонов, 258 орудий и 20 эскадронов [17, с. 73-74].

10 июля 1904 г. в 5.00 раздался первый пушечный выстрел. Японская армия перешла в наступление [18, с. 109]. Подразделения русской армии, занимавшие передовые позиции, не ввязываясь в бой, отошли на основные позиции, на которых сосредоточились и основные силы. К вечеру подразделения I-го и IV-го Сибирских корпусов заняли основные позиции, но, во избежание напрасных потерь самих стрелковых окопов занимать не стали, а расположились во второй линии окопов и укрытиях, оставив в первой линии лишь дежурные части [19, с. 78]. В первый день наступление противника ограничилось оттеснением арьергарда.

Русская армия извлекла уроки из предыдущих боёв. Артиллерия была расположена на закрытых позициях, за гребнями высот, наблюдательные пункты находились на гребнях. Орудия располагались в окопах на увеличенных ин-

тервалах, чтобы уменьшить вероятность поражения [20, с. 10]. Линии полевых телеграфов и телефонов связывали штаб южной группы войск со штабом Командующего армией, со штабами корпусов, отрядами генерал – майора П.И. Мищенко и генерал-майора В.А. Коссаговского, осуществляющими прикрытие флангов южной группы, а так же с местами расположения начальников боевых участков и общего резерва. Кроме того в каждом корпусе была установлена своя сеть полевых телефонов, дававшая возможность поддерживать во время боя необходимую связь между корпусами и боевыми участками и руководить огнём артиллерии [21, с. 79-80].

Наиболее слабо была укреплена позиция между корпусами, которую занимал генерал – майор П.И. Огановский. Эта позиция была длиной 4 км и её занимали Барнаульский полк, Томский полк, 2-а батальона Семипалатинского полка и 2-е роты Омского полка, а так же 16 орудий [22, с. 80].

Японское командование, хорошо осведомлённое об устройстве позиций под Дашичао основной удар направило именно против позиций на стыке корпусов.

В 5.20 11 июля 1904 г. первый снаряд упал на позициях генерал – майора П.И. Огановского. Артиллерийский обстрел продолжался до 9.00 [23, с. 80].

По подразделениям I-го Сибирского корпуса противник сосредоточил огонь 180 орудий, противопоставить которым корпус мог только 76. Против 46 орудий IV-го Сибирского корпуса японцы сосредоточили 72 орудия [24, с. 81]. Несмотря на значительное превосходство в артиллерии японцы не смогли подавить русские батареи и добиться абсолютного огневого превосходства. Заблаговременно подготовленные и расположенные скрытно батареи Сибирских корпусов эффективно противостояли японским и серьёзно препятствовали действиям пехоты противника. За весь день японская артиллерия потеряла 4 батареи разбитых метким огнём наших артиллеристов [25, с. 300].

Батальоны Сибирских корпусов не занимали стрелковых окопов, поэтому действенность огня японской артиллерии оказалась крайне низкой. Так, роты 3-го и 4-го батальонов Барнаульского полка лежали в 30 – 50 шагах позади гребней занимаемых ими высот, а для наблюдения за неприятелем на гребне находились офицеры и унтер – офицеры с биноклями [26, с. 64].

В 9.00 японская пехота перешла в наступление на передовые позиции, занятые батальоном

Томского полка. Под прикрытием артиллерийского огня противник подошёл на расстояние действительного ружейного огня и завязал перестрелку. Томцы отвечали залпами, но под воздействием артиллерийского и ружейного огня начали нести существенные потери. За несколько минут они потеряли около 40 человек и во избежание дальнейших потерь отошли и встали на правом фланге Барнаульского полка [27, с. 65]. Попытка противника занять оставленные 8-м пехотным Сибирским Томским полком позиции была пресечена огнём русской артиллерии, которая сначала остановила движение японской пехоты, а затем заставила её откатиться назад. Очевидец этих событий писал: «Не успели японцы занять Дафаньшен, как наша батарея с Нандалинской позиции, завидев японцев, открыла по ним огонь с предельной дистанции... С какой острой радостью мы любовались, как наши шрапнели засыпают гору, а разрывы ложились так, что артиллеристу невольно хотелось поаплодировать. Через несколько минут Дафаньшен опять опустел» [28, с. 120].

Потерпев неудачу, японцы развернули перед позициями генерал – майора П.И. Огановского и генерал – майора А.Д. Шилейко до дивизии пехоты и сосредоточили значительное количество батарей [29, с. 83].

Вскоре огонь японских батарей действовавших против 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка и батальона 8-го пехотного Сибирского Томского полка достиг наивысшего напряжения, подразделения начали нести потери. Особенно силён был огонь по центральной позиции генерал – майора П.И. Огановского, который занимали 3-й и 4-й батальоны барнаульцев. Всего в центре позиции находилось 7 рот 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, справа стоял батальон 8-го пехотного Сибирского Томского полка, отошедший с передовых позиций, а справа находился 1-й батальон барнаульцев. Здесь были применены современные способы управления огнём артиллерии. На гребень, занимаемый подразделениями был послан артиллерийский офицер, который изучив обстановку по телефону сообщил необходимые сведения и по японской артиллерии открыли огонь батареи расположенные в отряде генерал-майора А.Д. Шелейко [30, с. 83]. Тем не менее, огонь японских батарей был очень силён, к тому же противник продолжал устанавливать новые батареи, что ещё более усиливало огонь. Только после обеда, когда для поддержки подразделений генерал-майора П.И. Огановского прибыли батареи из резерва, а так же часть батарей I-го

Сибирского корпуса по приказу генерал-лейтенанта Н.П. Зарубаева перенесли огонь на батареи противника обстреливающие позиции 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, удалось ослабить огонь японской артиллерии.

Артиллеристы Сибирских корпусов в этом бою действовали умело и слажено. Несмотря на значительное превосходство противника в количестве орудий, им удалось не только подавить огонь нескольких батарей противника, но и своим огнём нанести серьёзные потери пехоте японцев. Всего под Дашичао русская артиллерия выпустила 22 000 снарядов [31, с. 10]. Эффективность их огня оценил генерал Н.П. Зарубаев, который, прибыв на позиции особо отличившейся 2-й батареи 9-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, снял фуражку и поклонился в пояс, поблагодарил воинов за их доблесть и умение [32, с. 123].

К 15.00 наблюдатели заметили сосредоточение пехоты противника против позиций 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка. Для поддержки полка генерал – майор П.И. Огановский направил из резерва 2-й и 3-й батальоны 8-го пехотного Сибирского Томского полка. К 18.00 артиллерийский и ружейный огонь японцев снова усилился, пехота противника начала выдвижение против барнаульцев, но залповым огнём батальонов он был остановлен. К 19.00 генерал – майор П.И. Огановский израсходовал последний резерв, направив последний батальон 8-го пехотного Сибирского Томского полка на позиции.

Японская артиллерия усиленная ещё одной батареей сосредоточила шквальный огонь на гребне, занимаемом Барнаульским, Томским, Семипалатинским и Тобольским полками. Высоты окутались дымом от разрывов. Потери в Сибирских полках стали расти. Так, в 6-ю роту 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка попала шрапнель, которая сразу вывела из строя 11 человек [32, с. 114]. Пехота японцев пошла в решительную атаку.

Уверенные в губительной силе огня артиллерии японские пехотинцы пошли в атаку с песнями и криками «банзай». Они даже не примкнули штыки [34, с. 89]. Первый удар приняли на себя барнаульцы. Подпустив противника на дистанцию 50-60 шагов, роты открыли пачечный огонь, а охотничья команда вышла во фланг наступающим и с ближней дистанции осыпала противника градом пуль [35, с. 263]. Понеся большие потери, японцы обратились вспять и вернулись на исходные позиции.

Во вторую атаку японская пехота пошла без песен с примкнутыми штыками. Ружейный огонь не смог их остановить и барнаульцы кинулись в штыковую. В жестокой рукопашной схватке погибли капитан П. Сердаковский и подпрапорщики Ч. Оношкович-Яцына и М. Данилевский [36, с. 90]. Не выдержав штыкового боя, японская пехота в беспорядке отступила.

В 21.30 японцы снова пошли в атаку и в очередной раз после жестокого штыкового боя с ротами Барнаульского полка, понеся большие потери, отошли на исходные рубежи.

В.И. Немирович – Данченко в своём дневнике так описывал этот бой: «Слава этого боя принадлежит барнаульцам и томцам. Барнаульцы не выходили из под шрапнелей, выдержали штыковой бой и понесли большие потери. На их батальон в разгар боя стремительно бросились в лоб 3 эскадрона и слева пехота японцев. 11-я рота отбили залпами кавалерию, а остальные приняли противника в штыки. Барнаульцы было поддались, но поддержанные другим батальоном, выбили и преследовали бегущих врагов оружейным огнём» [37].

В поисках слабого места в русской оборонительной позиции, японцы четвертую атаку начали на широком фронте против Семипалатинского, Томского и Барнаульского полков. Тем не менее барнаульцы в очередной штыковой атаке нанесли поражение наступающей пехоте противника и обратили её вспять, а батальоны Томского и Семипалатинского полков пачечными залпами остановили наступающие цепи японцев на дистанции 500 шагов. По свидетельствам очевидцев, барнаульцы шли в штыковую атаку по трупам японцев [38, с. 126].

Впоследствии генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев писал: «В этом 15-и часовом бою в особенности выразилась несокрушимая стойкость Сибирских полков, на которые обрушился главный удар японцев. Ни одна пядь на позициях не была уступлена, несмотря на огромное численное превосходство и повторные атаки в центр, где дело доходило до штыкового боя, который японцы не выдерживали» [39, с. 47].

Это была последняя попытка японцев прорвать оборону южной группы войск. Имея огромное превосходство в артиллерии, противник не смог добиться победы и, вынужден был остаться на занимаемых позициях. Дашичао стало первым крупным сражением, в котором русские войска не отступили под натиском японской армии.

Успех боя омрачался большими потерями, понесёнными полками. I-й Сибирский корпус понёс незначительные потери, так как против него

действовала только артиллерия и атак пехоты не предпринималось. Общие его потери составили: убитыми 20 солдат, ранеными 8 офицеров и 122 солдата. IV-й Сибирский корпус был в центре наступления пехоты противника, поэтому потери его были гораздо существеннее, особенно большие потери понесли Барнаульский и Томский полки. Так, 3-я Сибирская пехотная дивизия, в которую входили оба эти полка потеряла убитыми 6 офицеров и 207 солдат, а ранеными 9 офицеров и 411 солдат, тогда как все остальные подразделения корпуса потеряли убитыми 1 офицера и 34 солдата, ранеными 16 офицеров 192 солдата [40, с. 90]. 12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк потерял убитыми 3 офицеров (штабс – капитан П. Серданевский, подпоручик Ч. Оношкевич – Яцына, подпоручик М. Данилевский) [41] и 37 солдат, без вести пропало 12 солдат, ранено 4 офицера (капитан Войцеховский поручик Н. Грохольский, подпоручик А. Муровицкий, В. Констанский) [42] и 167 солдат [43, с. 125]. В 8-м пехотном Сибирском Томском полку был убит поручик Д. Ярошевский, ранены: подполковник Н. Калинович, штабс – капитан П. Иванов 2-й, контужены: штабс – капитан А. Фогель, штабс – капитан С. Яковлев, штабс – капитан А. Обносков, поручик А. Сандач, подпоручик А. Тимковский, подпоручик Я. Селяво [44] и тяжело ранен его командир полковник Успенский [45, с. 141].

В 9-м пехотном Сибирском Тобольском полку ранены подполковник К. Парфёнов, штабс – капитан А. Коржев, поручик П. Сомов [46].

Японская армия в этом бою потеряла убитыми 10 офицеров и 169 солдат, ранеными 56 офицеров и 954 солдата [48, с. 91].

Все усилия японцев пропали даром, понеся значительные потери, они не заняли ни одного окопа. В южной группе войск оставался не тронутым значительный резерв: 7-й пехотный Сибирский Красноярский полк, 36-й Восточно – Сибирский стрелковый полк и 9-я Восточно – Сибирская артиллерийская бригада. Также участия в бою не принимали и могли быть использованы по необходимости 34-й Восточно – Сибирский стрелковый полк и 14 рот пехотного Сибирского Омского полка [49, с. 91].

Вечером 11 июля противник начал подтягивать новые батареи. Разведки удалось обнаружить свежие подразделения пехоты не участвующие в бою, что говорило о том, что возможности противника далеко не исчерпаны. Это ставило командующего южной группой войск в сложное положение. Некоторые части были под огнём про-

Табл. 1

Потери отдельных полков IV-го Сибирского корпуса под Дашичао
(нижние чины по месту призыва) [47]

Место призыва личного состава	9-й пехотный Сибирский Тобольский полк	8-й пехотный Сибирский Томский полк	12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк	11-й пехотный Сибирский Семипалатинский полк	10-й пехотный Сибирский Омский полк
Акмолинская область	Убито - 1	Убито - 2 Ранено - 2 Пропало без вести - 1			
Архангельская губерния	Ранено - 1				
Виленская губерния		Ранено - 1			
Гродненская губерния	Ранено - 1				
Минская губерния		Убито - 1		Ранено - 2	
Вологодская губерния		Ранено - 1			
Вятская губерния	Убито - 1	Убито - 1 Ранено - 8			
Забайкальская область	Ранено - 1				
Казанская губерния	Ранено - 1 Пропало без вести - 1	Ранено - 1			
Тобольская губерния	Убито - 19 Ранено - 79 Пропало без	Ранено - 2		Ранено - 4	

тивника свыше 15 часов и понесли существенные потери. В то же время у генерала Н.П. Зарубаева имелся твердый приказ командующего генерала А.Н. Куропаткина о необходимости после аррьергардного боя отступить к Хайчену.

Генерал Н.П. Зарубаев, руководствуясь директивой командующего, приказал войскам ночью отступать к Хайчену. Отход был осуществлен в полном порядке. В телеграмме командующему армией генерал Н.П. Зарубаев писал: «Двое суток корпуса вели упорный бой с противником, удержав свои позиции. За эти два дня выяснилось значительное превосходство сил противника. Крайняя растянутость позиций с разрывом в середине и обнаруживающаяся группировка сил противника со стороны Далина вынуждает меня воздерживаться от принятия боя на завтрашний день, почему я, согласно директиве Вашего Высокопревосходительства, решил по окончании сегодняшнего боя ночью отойти к Хайчену» [50, с. 92].

Ночью была эвакуирована станция Инкоу. Японцы не обнаружили отступление южной группы войск. Утром 12 июля артиллерия противника начала обстрел позиций. После того, как в ответ выстрелов не раздалось, от пехоты были выдвинуты разведочные группы, которые обнаружили, что русские войска ушли. В 12.30 12 июля пехота противника заняла оставленные позиции [51, с. 93].

14 июля 1904 г. командир IV-го корпуса генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев лично прибыл в расположение полков и поблагодарил барнаульцев и томцев за Дашичао: «Спасибо вам дорогие молодцы, спасибо вам от всего сердца, дай вам Бог здоровья» [52, с. 132].

Командующий армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин одобрил решение генерала Н.П. Зарубаева. Начальник Полевого штаба армии генерал-лейтенант В.В. Сахаров сообщал в Главный штаб, что наша позиция, занятая с расчетом только задержать противника, а не оборо-

няться на ней упорно, так как особых оборонительных сооружений она не имела [53, с. 94].

Командование армии высоко оценило действия сибирских полков в бою под Дашичао. Приказом по Военному ведомству от 13 февраля 1905 г. за проявленные стойкость и мужество, ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени были удостоены: командир 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка полковник С.Ф. Добротин, командир 3-го батальона того же полка подполковник В.Ф. Побоевский, который со своим батальоном отразил 8 атак противника и не отдал позиции [54], командир 2-го батальона этого полка Я. А. Ахвледиани. Орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени были награждены: командир 4-го батальона Барнаульского полка подполковник П.В. Красноленский и офицеры этого же полка: капитаны В. Дмитриев и В. Войцеховский, штабс – капитан П. Симаков, поручик Н. Ляшковский. Все остальные офицеры этого полка получили другие награды, так же на каждую роту было выдано по 6 знаков отличия Военного Ордена. Высочайшим приказом от 1 января 1907 г. 12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк был награждён Георгиевским знаменем с надпи-

сью «За Дашичао 10 – 11 июля 1904 года» и боевыми серебряными трубами [55, с. 124-125]. 8-й пехотный Сибирский Томский полк получил знаки отличия Военного Ордена из рук командующего маньчжурской армией 17 июля 1904 г. [56]. Состоящий при штабе IV-го Сибирского корпуса В. Молодой писал: «В чутком молчании застыли серые массы полков (Барнаульского и Томского). Впереди вытянулась линия будущих первых георгиевских кавалеров... Командующий пешком обходит передний ряд, адъютант несёт за ним большой мешок с наградами. «Именем Государя императора поздравляю тебя георгиевским кавалером», – говорит командующий и белый крестик с чёрно – жёлтой лентой прикалывает к груди счастливец» [57, с. 140-141].

Таким образом, сражение под Дашичао стало первым крупным боем, в котором русская армия оставила позиции не под давлением противника, а по приказу командующего. Воины – сибиряки показали высокую выучку пехоты и проявили мужество и стойкость при выполнении боевых задач. Русская армия начала готовиться к битве за г. Ляоян, под которым соединились южная и восточная группы Маньчжурской армии, образовав единый фронт.

Библиографический список

1. www.rus-biograph.ru/DocPage/?dPoc=1166#.
2. Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 191 с.
3. Российский государственный военно – исторический архив (РГВИА) Ф. 1450. Оп. 1. Д.
4. Русско – японская война 1904-1905 гг. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. Приложение ¹ 1. – СПб., 1910. – 449 с.
5. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско – японской войны. – СПб.: Военная типография, 1906. – 176 с.
6. Ростунов И.И. История русско-японской войны. – М.: Из во «Наука», 1977. – 384 с.
7. Русско – японская война 1904-1905 гг. Т. 2. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. – СПб., 1910. – 420 с.
8. Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Берлин, 1911. 557 с.
9. Русско – японская война 1904-1905 гг. Т. 2. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. – СПб., 1910. – 420 с.
10. Русско – японская война 1904-1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
11. Там же.
12. Бархатов М.Е., Функе В.В. История русско-японской войны. Т. 2. – СПб., 1907. – 501 с.
13. Свечин А.А. Стратегия. // Военный вестник – 1927. – 265 с.
14. Ростунов И.И. История русско – японской войны 1904 – 1905 гг. – М.: Из во «Наука», 1977. – 383 с.
15. Русско – японская война 1904-1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. СПб., 1910. 449 с.
16. Бархатов М.Е., Функе В.В. История русско – японской войны. Т. 2. – СПб., 1907 – 501 с.
17. Русско – японская война 1904-1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
18. Там же.
19. Молодой В. Война и я (из записной книжки корреспондента). ч. 1. – СПб., 1914. – 191 с.
20. Русско – японская война 1904-1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.

21. Параскевов В.С. Особенности применения отечественной полевой и крепостной артиллерии в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. – 2015. – С. 7-15.
22. Русско – японская война 1904-1905 гг. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Бархатов М.Е., Функе В.В. История русско-японской войны. Т. 2. – СПб., 1907. – 501 с.
27. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44 Сибирского стрелкового полка. Документы о боевых действиях 12 пехотного Сибирского Барнаульского полка в русско – японскую войну 1904 – 1905 гг. – Барнаул, 1911. – 420 с.
28. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44 Сибирского стрелкового полка. Документы о боевых действиях 12 пехотного Сибирского Барнаульского полка в русско-японскую войну 1904-1905 гг. – Барнаул, 1911. – 420 с.
29. Молодой В. Война и я (из записной книжки корреспондента). ч. 1. – СПб., 1914. – 191 с.
30. Русско-японская война 1904 – 1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
31. Там же.
32. Параскевов В.С. Особенности применения отечественной полевой и крепостной артиллерии в русско-японской войне 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. – 2015. – С. 7-15.
33. Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – С. 191 с.
34. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44- Сибирского стрелкового полка. – Барнаул, 1911. – 420 с.
35. Русско – японская война 1904-1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
36. Ростунов И.И. История русско-японской войны 1904-1905 гг. – М.: Из во «Наука», 1977. – 384 с.
37. Русско – японская война 1904-1905 г.г. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
38. Сибирская жизнь от 27.07.1904 № 161.
39. Молодой В. Война и я (из записной книжки корреспондента). ч. 1. – СПб., 1914. – 191 с.
40. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2003. – 385 с.
41. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
42. Русский инвалид № 156 от 17 июля 1904
43. Русский инвалид № 156 от 17 июля 1904
44. Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. – Барнаул: Изд – во АлтГТУ, 2003. – С. 125.
45. Русский инвалид № 158 от 20 июля 1904.
46. Копылов В.А., Милыхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории (1865 – 1917). – Новосибирск, 1995. – 246 с.
47. Русский инвалид № 158 от 20 июля 1904.
48. По материалам газеты Русский инвалид за 1904 – 1905 гг.
49. Русско – японская война 1904-1905 гг. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же.
53. Молодой В. Война и я (из записной книжки корреспондента). ч. 1. – СПб., 1914. – 191 с.
54. Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. 3. Ч. 1,2. Ляоянский период. – СПб., 1910. – 449 с.
55. Сибирская жизнь от 9 января 1905 № 6.
56. Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 191 с.
57. Сибирская жизнь от 27 июля 1904 № 161.
58. Молодой В. Война и я (из записной книжки корреспондента). ч. 1. – СПб., 1914. – 191 с.

Об авторе

Ширшов Михаил Александрович – аспирант Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

Shirshov M.A.

**IV-th Siberian Corps in the Russian-Japanese War 1904 - 1905 gg.
(fight at the station Dashichao 10 - July 11, 1904)**

Abstract: The article, based on a wide range of sources, describe the steps of the regiments of the fourth Siberian corps in the battle station, Dashiqiao 10-11 JulV 1904 Shows the features of the combat brigades in the face of considerable superioritV of the enemV. Attempts to analVze the losses of the regiments of the corps in the battle of Dashiqiao.

Keywords: the Russo-Japanese war, the Manchurian armV, with the IV Siberian corps, Siberian militarV district, the mobilization of defensive positions

Статья поступила в редакцию 31.08.2017

УДК 970

А. С. Ивашкин

Слово краткое о бийском второй гильдии купце М.М. Бодунове и его Горно-Алтайской «усадьбе»

Возвращаясь с Телецкого озера домой (в Бийск-Барнаул), мы (барнаульские журналисты Ольга и Александр Пономаревы), друзья и коллеги одного из авторов данной публикации), слабо ориентировавшиеся в Горно-Алтайске, случайно свернули не на ту на улицу. Лишь потом нам стало ведомо, что когда едешь с Телецкого озера в сторону Маймы, то, чтобы выехать на Чуйский тракт), необходимо не пропустить (в районе бывшего старого музея) небольшую круговую развязку. Ее-то мой муж (А. Панфилов), «зацепившийся за впереди идущую машину проморгал» и проскочил поворот на ул.Ленина и «ушел на улицу Социалистическую». Пока навигатор ошалело орал: «Вы ушли с маршрута! Вы ушли с маршрута!», я успела «зацепить взглядом» какой-то, уютный, весь заросший деревьями особнячок. «То ли ты носом чувствуешь старье всякое...» — проворчал муж, когда я попросила его остановиться возле заинтересовавшего меня здания. Опираясь на житейский опыт «поисковика», я безошибочно определила: «что это, конечно же, старый купеческий дом, вернее – все, что осталось от него». Подойдя ближе, я воочию убедилась в верности «своего предположения»: на воротах дома висела потемневшая от времени доска, извещавшая: «Этот особняк принадлежал в конце XIX века «бийскому, второй гильдии купцу Бодунову Михаилу Матвеевичу». Как и положено, купеческий дом был обнесен» добротным забором, врата которого «венчал старый, увесистый замок». Разросшиеся за многие десятилетия, да чего уж там – считай столетия, деревья, надежно укрыли своей тенью более половины, привлечшего мое внимание особняка.

Итак, передо мною была усадьба купца Бодунова, осевшего некогда в бывшей Улале (ныне город Горно-Алтайск).

Разглядывая здание, в котором размещался в советское время краеведческий музей, любовью, особенно инородный человек, замечал бросающийся ему в глаза какой-то длинный, нелепый «пристрой», примыкавший к особняку, с ул. Ленина. Всю его длину не силах был «объять полностью» даже объектив моего фотоаппарата.

Глядя на этот «несуразный довесок, уродовавший старое здание, мы, с мужем, предположили, что это ничто иное, как результат неоднократных «пристроек к нему в советское время», особенно после, сноса, заявили примкнувшие к нам два старожилы, стоявшего, напротив «бывшего Бодуновского особняка» деревянного, двухэтажного дома, в котором в начале 50-х гг. XX века располагался горком комсомола, а после его перевода в другое здание, в жилой дом.

Но, как бы там, ни было, перед нами, все же, была лавка-дом купца Бодунова. А бросившиеся нам в глаза длина и нелепость строения, действительно, были «итогами» перестройки и «ла-

тания в 60-х гг. коммунального двухэтажного жилого дома, который «из-за ветхости» был снесен в начале 80-х гг. Все «эти «перестроения» почти не оставили нам ничего от первоначального вида округа, примыкавшей к Бодуновскому дому... А она, согласно сохранившимся описаниям, была благодаря «Бодуновскому дому «весьма примечательной»...

Свой двухэтажный каменный жилой дом и лавку в Улале Михаил Матвеевич Бодунов начал строить в 1894 году, когда он «начал свое дело», т.е. свою предпринимательскую деятельность – «торговлю с местными «инородцами Горного Алтая и с наезжавшими в Улалу монголами и китайцами». Всем прибывавшим в Улалу «гостям» т.е. покупателям, купец с большой, для себя выгодой, сбывал мануфактуру, галантерейные товары. Но особым спросом у «инородцев» пользовался в те, да и в последующие годы табак». Глядя на «успехи» младшего брата, торговлей «с инородцами» решил заняться (правда, на много позже) и старший брат Михаила – Иван Матвеевич Бодунов (1834 г.р.).

Родился же Михаил Матвеевич как явствует из документов, в Бийском округе в 1835 году.

Родители его, согласно документам прибыли на Алтай из Владимирской губернии. Начинать предпринимательскую деятельность в Улале было (по словам «конкурентов Михаила Матвеевича, делом «вполне разумным»: во-первых, селение стояло на перепутье дорог, которые вели отсюда в глубь Горного Алтая, а оттуда в Монголию и Китай.

В силу массового наплыва в начале XIX века, переселенцев в Горный Алтай, небольшое поселение телеутов (одно из алтайских племен – Авт.) стало (особенно с 1824 года), «заметно прирастать «численно и менять свой «облик». Особенно «приложили руки к этому делу» первые русские переселенцы, прибывшие в телеутское поселение в тот год из Бийска. Они-то, согласно сохранившимся известиям старожилов и путешественников, и стали «основателями селения Улала». Но, по настоящему, последняя стала расти и развиваться, только после того, как здесь обосновалась и развила свою деятельность в начале 30 годов, благодаря «деяниям архимандрита Макария (Глухарева) Алтайская духовная миссия (АДМ). До ее появления, в Улале и ее округе (да и в крае в целом) безраздельно властвовали шаманы, игравшие главенствующую роль в жизни «местных «язычников – «алтайцев». С появлением «очага православия» и «русской культуры жизнь последних стала круто меняться». Отмечая заслуги первопроходца в деле «преображения края и его населения», в 2005 году в год 175-летия основания Алтайской Духовной миссии, в Бийске был открыт «замечательный, по отзывам людей, памятник «святителю Макарию Невскому) (На памятник первооткрывателю АДМ Макарию Глухареву ныне идет сбор средств в Горно-Алтайске – Авт.).

«Обращать же язычников в православную веру в те времена, по свидетельству первопроходцев миссионеров, было очень не просто». Но, несмотря на все трудности, им удалось менее, чем за столетие, обратить в православие более половины коренного населения Горного Алтая. В бытность архимандрита Макария (Глухарева) центр миссии находился, как известно, в Улале. Со временем, в ней стали обустраиваться и бийские купцы, сыгравшие немалую роль в формировании и развитии Улалинского поселения. Благодаря им, в нем появились добротные дома, лавки и магазины. Не без участия купцов, Улала быстро выросла и превратилась в крупный торговый центр Бийского уезда, Томской губернии. Семья же купца Бодунова, судя по отрывочным описаниям, мало чем отличалась от типичных ей си-

бирских купеческих семей того времени. У Михаила Матвеевича, с супругой Анной Ивановной (1834 г.р.) было трое детей (два сына: (Абрам -1862 г.р., Кирилл- 1873 г.р.) и дочь – Елизавета 1866 г.р.). В Бодуновской семье, судя по воспоминаниям лиц, хорошо знавших ее, «свято чтит «домостроевские традиции». Жена Михаила Матвеевича следила за порядком в доме и всецело занималась воспитанием детей. Воспитание и образование для таких купеческих семей было, как известно, «первостепенным», если не сказать «определяющим моментом». Ведь не секрет, что в каждой купеческой семье, детей с малых лет приучали к занятиям предпринимательской деятельностью. И семья Бодуновых в этом плане не была исключением. Судя по отрывочным сведениям, скажем, что семья Михаила Матвеевича была очень религиозной. Возможно в силу этого, и построил впоследствии, глава семейства на свои собственные средства (каменную церковь (на старом кладбище – Авт.) в честь Успения Божьей Матери, которая была разрушена в 1943 году. На ее месте, спустя десятилетия, появилась лавка, торговавшая керосином. Эту «керосинку» до сих пор помнят многие старожилы г.Горно-Алтайска), особенно те, кто проживал в округе, примыкавшей к «керосинке» и пользовавшийся ее услугами.

Следует отметить, что Церковь Успения Божьей Матери по своей планировке, размерам и пропорциям полностью копировала главный собор Улалы – «храм «Во имя Всемилоушего Спаса». Она отличалась от своего «прообраза» только меньшими размерами. Обе церкви, «не дожили», к сожалению, до наших дней. Правда, вблизи места, где находился храм «Всемилоушего Спаса» (в народе он звался – «Спасским храмом -Авт.) сейчас стоит и действует церковь «Пресвятой Богородицы», построенная в 1998 году. По общему признанию горожан, особенно, гостей, «это очень красивая церковь, проехать мимо которой и не остановиться, чтобы не глянуть на нее просто невозможно»...

Но вернемся к герою нашего повествования. Происшедшие в России революции, безусловно «потрепали Михаила Матвеевича. Особенно последняя, но не настолько, чтобы он сразу же после октября 1917 года, решил бы покинуть Родину. Он был уверен, что «Советская власть установилась в стране «ненадолго». А «поэтому, чтобы пережить разброд и шатания в России», он отъехал в соседнюю с ней Монголию и стал «выжидать». И только, спустя пять лет (т.е. в 1922 году – Авт.), когда он «уверился в том, что

большевистский режим установился в России окончательно», он эмигрировал в Манчжурию. Но, даже, покинув Россию, он похоже, не оставлял своих надежд «вернуться «к себе, домой», а потому и доверил он своему управляющему Павлу Ивановичу Суртаеву – распорядиться «своим имуществом» по нотариальной доверенности... Но ожидания Михаила Матвеевича оказались, увы, напрасными Советская власть в России – установилась надолго...

Здание же, о котором мы ведем речь, было, в конце концов, национализировано. С 1931 года в нем разместился: сначала областной краеведческий музей, потом архив, а немного позже художественная школа, потом снова – краевед-

ческий музей. В 1989 году в «бывшем Бодуновском доме» разместилась Государственная филармония. Именно в эти годы Бодуновский дом подвергся существенной реконструкции, что не замедлило, отразиться (причем существенно) на его внешнем облике.

В последующие годы, «бывший дом купца Бодунова (адрес: 649000, г. Горно-Алтайск, улица Ленина, 40; ул. Социалистическая, 23). был объявлен (постановление от 25 октября 1995 г. № 212) «особо ценным памятником истории и культуры Республики Алтай». В настоящее время это здание принадлежит Колледжу культуры и искусства Республики Алтай имени Г.И. Чорос-Гуркина.

Об авторе

Ивашкин Алексей Иванович – гл. редактор издания «Горно-Алтайский Вестник»

Рецензия

УДК 93/94(2Р5)

В. Г. Кокоулин

Советская власть и татары Сибири

Рец. на книгу: Колоткин М.Н. Татары Сибири в 1920-1930-е годы. Новосибирск: СГУГиТ, 2016. 173 с.

Татары были и продолжают оставаться второй по численности нацией в Российской Федерации, этническая история которых уходит вглубь веков. В связи с национальным возрождением, начавшимся в стране в конце 80-х гг. XX. века интерес к истории татар заметно возрос, причем, не только в Поволжье-т.е. в районе их традиционного проживания, но и в других регионах России – на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. К настоящему времени имеется обширная историко-краеведческая и научно-популярная литература, посвящённая различным аспектам этнической и социально-политической истории татар в Сибири. Однако важный период их истории, связанный с установлением и укреплением Советской власти в Сибири, с непростыми взаимоотношениями между новой властью татарским народом, мусульманской религией и мусульманским духовенством, до последнего времени был представлен только лишь тезисами докладов, да небольшими статьями, посвященным отдельным фрагментам этой огромной темы. Между тем значение этого периода, затронутого исследованием М.Н. Колоткина, неизменно находился в

«тени» и это при том, что он имел важное значение для понимания современного социально-политического положения татар. Дело в том, за указанные автором исследования годы в жизни татар имели место два, весьма важных для них процесса: а) ликвидация мечетей и мусульманского духовенства и б) двойная смена алфавита – сначала переход на «яналиф», потом – «на кириллицу». Возрождение мусульманских общин и дискуссии о возврате к «яналифу» или иному алфавиту на основе латинской графики, а также процессы национального самоопределения имели своим истоком процессы, характерные для далёких 20-х и 30-х гг. XX века. Поэтому появление монографии известного сибирского историка, доктора исторических наук, проф. М.Н. – Колоткина, автора многочисленных работ о национальных меньшинствах Сибири, стало не только значительным вкладом в историографическую разработку данной проблематики, но и своеобразной «закладкой» им фундаментальных основ в разработку обобщающих проблем по истории татар Сибири в XX веке.

Монография М.Н. Колоткина состоит из 9 глав, посвящённых различным аспектам социально-политической истории татар Западной Сибири – их вкладу в восстановление экономики страны в период НЭПа и первых советских пятилеток, в создание организационных структур для работы с татарским населением, воспитанием татарской партийной номенклатуры, в развитие женского и молодёжного движения, в культурное развитие татарского общества и татарской прессы в исследуемый период. Рецензируемая работа опирается на скрупулёзный и вдумчивый анализ огромного массива документов и материалов, долгое время хранившихся в сибирских архивах и практически не вводившихся исследователями в научный оборот.

М.Н. Колоткин не стал (и это хороший авторский прием) выделять два самостоятельных периода в истории России – годы нэпа и годы первых пятилеток, способствовавших укреплению сталинизма в стране. С таким его приемом можно вполне полностью согласиться, поскольку те или иные процессы в среде татар Сибири не имели чётких временных рамок, кроме того, при их протекании действовали не только механизмы социально-экономического и политического развития страны, разделившие историю 1920-х – 1930-х гг. на два во многом противоположных периода, но и процессы сохранения национально-культурной самобытности, позволившие сохранять многие традиционные струк-

туры, характерные для национальных сообществ. К тому же, протекавшие в среде татар Сибири процессы сами содержали противоположные тенденции. Так, распространение грамотности среди татарского населения воспринималось безусловно положительно. Однако переход в связи с этим, на «яналиф» моментально сделал безграмотными тех, кто владел письмом на основе арабской графики. Отмена традиционного взгляда на женщину способствовала становлению женского движения, но одновременно она способствовала и «размыванию традиционной культуры, передаваемой из поколения в поколение». Всё это М.Н. Колоткин сумел мастерски интегрировать и показать читателям не только прогрессивное развитие татар Сибири в первые два десятилетия существования Советской власти, но и противоречия, сопровождавшие этот процесс у них.

Основной вывод автора монографии состоит в том, что советский опыт национально-государственного строительства в 1920-е – 1930-е гг. характеризуется двумя основными тенденциями: учётом специфических этнических и профессиональных особенностей народов и унитарного авторитаризма. Последняя тенденция победила в 1930-е гг. Однако в настоящее время стоит обратная задача – разгосударствления межнациональных отношений. А без учёта опыта 1920-х – 1930-х гг. – сделать это чрезвычайно трудно.

В заключение следует добавить, что монография неплохо иллюстрирована, в том числе и фрагментами газеты «Азат Себер» как на арабской, так и на латинской графике.

Таким образом, рецензируемая работа М.Н. Колоткина, должна занять, по нашему мнению, достойное место среди других работ, посвящённых истории народов многонациональной Сибири.

Кокоткин Владислав Геннадьевич,
доктор исторических наук, доцент, преподаватель Новосибирского высшего военного командного училища

*Kokoulin Vladislav. Novosibirsk
High Military Command School (Novosibirsk Russian
Federation). SOVIET POWER AND TATARS OF
SIBERIA*

28.05.2017

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20-40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статья представляется набранной в редакторе MS WORD. Формат листа А4, шрифт 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см и оформляется следующим образом:

1. УДК;
2. Ф. И. О. автора (авторов), название статьи строчными буквами
3. Аннотация на русском языке (до 300 знаков)
4. Ключевые слова (на русском языке)
5. Ф. И. О. автора (авторов), название статьи строчными буквами на английском языке
6. Аннотация на английском языке (до 300 знаков)
7. Ключевые слова (на английском языке)

- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора(ов) полностью, ученое звание, должность, полное наименование вуза и его адрес, дата приема статьи в редакцию.

Статья вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям,
к публикации приниматься не будут.

Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

**МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:
649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.**

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

УДК 902

Д. И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

Аннотация: В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг. ».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

ТЕКСТ СТАТЬИ: ...Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т. Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т. Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомей» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.

Sidorenko D. I.

CONFESSIOAL POLICY OF THE SOVIET AUTHORITY ON THE ALTAI IN 1920-1923

Abstract: Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921)

In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Keywords: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

Сидоренко Дора Абрамовна — магистрант Горно-Алтайского государственного университета. 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

Дата отправления 25.05.2014